

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
БУРТОВОЙ

Последний
атаман Ермака

Сибиряда

Владимир Буртовой
Последний атаман Ермака

«ВЕЧЕ»

2009

Буртовой В. И.

Последний атаман Ермака / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7783-6

Безрадостно закончилась Ливонская война, но не сломлен дух казацкой дружины. Атаман Ермак Тимофеевич держит путь на восток, за Волгу-матушку и Каменный Пояс, идет на сибирского хана Кучума. Труден и непроторен этот путь, кругом поджидает опасность: в темных дремучих лесах, в глухих болотах, в аулах сибирских татар и в полноводном Иртыше... Но где же притаился главный враг: в далеких мрачных покоях царя Иоанна Грозного, впереди в лихой сече или среди верных боевых товарищей?..

ISBN 978-5-4484-7783-6

© Буртовой В. И., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Часть первая	6
Глава I. Тяжкое зимование	6
Глава II. Око за око	26
Глава III. Вагайская трагедия	54
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Иванович Буртовой

Последний атаман Ермака

Раисе Филипповне, заботливой жене и верному другу, с благодарностью посвящая эту книгу

*...В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном...
Забыв славянскою страной,
Свободы витязь молодой.*

*М. Лермонтов.
Последний сын вольности*

Когда такой герой будет жить вновь?

Д. Байрон

Часть первая

Глава I. Тяжкое зимование

По ранней весне в голых еще ветвях дебрей Карачина острова, с зимней стужи толком не отогревшись, надрывно каркало черное воронье.

Широким размахом заступа атаман Ермак швырнул ком сырой земли на вершину черного могильного холма, ком рассыпался и неровными кусками покатился вниз, застряв где-то на середине, в двух саженьях от ног стоящих вокруг удрученных горем голодных казаков. Атаман снял серую баранью шапку, земно поклонился праху недавних своих верных соратников покорения Сибири. Надорванным от страданий голосом заговорил:

– Упокой, Господь, души мятежных людей, чья жизнь протекала в лишениях, в боях с набеглыми крымскими татарами да сибирскими, с ногойцами, с извечными завистниками Руси поляками, литвой да шведами. Во многих сражениях побывали вы, мои верные побратимы, а сгибли в одну зиму, не от сабли, не от стрелы кучумовского воина, а как выбитые с подворья камнями в лютую зиму бездомные собаки! Прощайте, братцы-казаки, прощайте и вы, ратные товарищи-стрельцы! Великий грех и божья кара за ваши невинно погубленные души тяжким проклятием падет на тех, кто снаряжал вас в трудный сибирский поход, словно на царскую охоту, с тремя сухарями за пазухой. А нам даже поминки сделать нечем, кто и выжил в лютый голод, того ветром с холодного Тобола едва на спину не опрокидывает... Отче Еремей, прочти над павшими казаками и стрельцами молитву, не над всяким из них в смертный час успел ты свершить глухую исповедь!¹

На зов атамана Ермака Тимофеевича из-за казацких спин подал зычный голос старец в сером татарском ватном халате с красным шелковым поясом, в лохматой шапке и с важной окладистой седой бородой. Никто толком не знал, кто он и из каких мест бежал, прилепившись к волжским «воровским» казакам атамана Ивана Кольцо, но был справедливым судьей в казацких тяжбах, добрым знатоком церковных правил, умел варить каши, щи и уху, состоял старшим досмотрщиком за казацким провиантом.

– Иду, атаман! Без отходной молитвы нешто можно нашу грешную землю покидать и торкаться дланью во врата райские!

Старец Еремей неспешно выступил из толпы казаков и стрельцов, встал возле атамана Ермака, снял шапку, перекрестился трижды и нараспев зычным голосом начал читать молитву об усопших:

– Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих, казаков и стрельцов, начальных людей и воеводу князя Семена Волховского, кои преставились от нужды великой, прости им, Господи, все согрешения, вольные и невольные, и даруй им царствие небесное. Аминь!

– Аминь! – скорбно выдохнулось из казацких и стрелецких душ.

Сберегая тепло, они поспешно надели головные уборы. Старец Еремей вскинул седую голову, на которой торчала высокая, как у московского боярина, шапка, только не из соболя, а из меха рыжей лисицы. Сгоняя печаль недавнего прощания с умершими, объявил:

– Готова ушица, атаман! Можно ложки доставать, поминки сделаем, да и о жизни думать станем! До вечера тихо будет над Тоболом, без помехи переправимся в Кашлык. Скоро покорные русскому царю тутошние князьки ясак к ханской столице повезут. Откормимся, что высохшие ребра перестанут шуршать при каждом вздохе!

¹ Отпущение грехов покойному. (Здесь и далее примеч. авт. – изд.)

Сдавило горло у стоящего рядом с Ермаком Матвея Мещеряка, его верного соратника по казакованию в диком поле и по войне в Ливонии. На широких скулах, укрытых густой русой бородой, забугрились тугие желваки. Сказал тихо, но ближние казаки хорошо его расслышали:

– Час грядет, и многие из бояр лягут под заступ за грехи свои. Неужто такое забудется? Сгубили войско, а ведь могли бы такой силой в одно лето Сибирь подвести под царскую руку! Бежать бы хану Кучуму на восход солнца до края земли, а тамо и свалился бы в бездну...

Казаки неспешно разошлись по куреням, пятьдесят с небольшим уцелевших стрельцов покойного воеводы князя Семена Волховского под началом стрелецкого головы Ивана Глухова поминали товарищей у большой землянки, расставив миски с ухой на дощатых широких лавках, сделанных минувшей осенью на стрелецкое воинство.

Втроем, атаман Ермак, его товарищ из служилых казаков Матвей Мещеряк и богатырского сложения атаман волжских воровских казаков Иван Кольцо, хлебали горячую уху деревянными ложками и вспоминали совсем, казалось бы, недавние события, менее четырех лет прошло, а свершений случилось столько, что иному неробкому человеку и на всю жизнь хватило бы...

На западных рубежах России подходила к бесславному завершению многотрудная Ливонская война. Каждая из воюющих сторон стремилась получить военный успех перед началом затяжных и трудных переговоров. Именно поэтому в июне 1581 года под Могилев, где комендантом польского гарнизона воевода Стравинский, подступило сильное государево войско. По сообщению Стравинского польскому королю и великому князю литовскому Стефану Баторию, в составе русского войска находились Василий Янов – воевода казаков донских, и Ермак Тимофеевич – атаман казацкий.

Почти в это же время, в июле 1581 года, на другом краю России, на Волге, атаман Иван Кольцо со своими есаулами Богданом Барбошей, Никитой Паном и Саввой Волдырем и верными им казаками на перевозе через Волгу у Соснового острова погромили ногайских послов и богатый купеческий караван. Казаки знали, что накануне нападения на посольство большой отряд ногайцев вторгся в пределы Алатыря и Темникова, произвел опустошительные грабежи и многих взяли в плен.

Через несколько дней у того же Соснового острова казаки подстерегли возвращающихся из набега ногайцев в числе шестисот человек и едва не всех перебили. Однако царь Иван Грозный невесть по чьему наущению повелел казнить казаков, которые привели в Москву немногих пленных ногайских налетчиков. Государев посол Пелепелицын, который сопровождал ногайских послов в Москву, подтвердил перед царем весть о погроме посольства и разграблении каравана, хотя сами послы несколько не пострадали. По указу царя Ивана Грозного, который не мог ссориться в это трудное для Руси время с ногайской ордой, казаков казнили на глазах пощаженных ногайских послов. Атаманов Ивана Кольцо и Богдана Барбошу Боярская дума приговорила изловить и предать лютой смерти за то, что в отместку за постоянные ногайские набеги громили ближние улусы степняков, отчего происходили частые ссоры Руси с Большой Ногайской ордой.

Заклучение перемирия с Речью Посполитой в начале 1582 года сделало присутствие казаков в войске излишним, им перестали выплачивать жалование, и атаман Ермак возвратился со своими товарищами на Волгу. Однако из-за большого восстания Луговой и Горной черемисы, вспыхнувшего в 1582 году, в Поволжье были брошены крупные ратные силы с опытными воеводами, среди которых был и князь Григорий Засекин. У Козина острова в апреле того же года встала на якорь судовая рать, перекрыв всякое движение казачьим стругам. Из-за присутствия крупных воинских сил в Поволжье дальнейшее пребывание казачьих станиц в этих краях становилось опасным, особенно для атаманов, объявленных вне закона. Казаки собрали войсковой круг, выбрали большим атаманом Ермака Тимофеевича, ему в помощь Ивана Кольцо, срочно построили малые струги и хорошо известным путем пошли с Яика на

вершину реки Иргиз, а по Иргизу спустились в Волгу. Удачно миновав царские заставы, по реке Каме поднялись во владения солепромышленников Строгановых. Идти на Хвалынское море² или по Дону на Азовское море было рискованно из-за того, что это могло привести к ответным набегам крымского хана и вызвать немилосердный гнев Ивана Грозного. Сибирь же манила своим сказочным богатством и удаленностью от Москвы и Боярской думы.

Строгановские владения в эти годы подвергались постоянным набегам со стороны как сибирских татар хана Кучума, так и его вассального князя Аблегирима, который княжил в Пелымском княжестве над зауральскими манси. И в то время, пока крупный отряд кучумовских войск во главе с наследником Кучума царевичем Алеем находился в Прикамье, Строгановы решили силами казаков Ермака нанести хану Кучуму решительный удар, чтобы отвадить впредь переходить через Камень и громить русские поселения. Ермак до похода в Сибирь в середине августа 1582 года имел уже успешное сражение с Алеем на реке Чусовой неподалеку от городка Соли Камской и получил представление о воинской выучке сибирских татар. Он не без основания надеялся на успешный исход своего вторжения в пределы Сибирского ханства.

1 сентября 1582 года, взяв изрядный запас воинского снаряжения, несколько пушек, скорострельные «семипядные» пищали, свинец и порох, а также продукты питания, с отрядом в 540 казаков и 50 человек от ратных людей Строгановых, на стругах атаман Ермак двинулся через Каменный Пояс. У него был проводник, который не раз ходил со строгановскими промысловиками за Камень добывать у тамошних хантов и манси шкуры соболя, лисицы и иного пушного зверя. Путь в 1500 километров прошли за пятьдесят дней, и 26 октября, разгромив кучумовскую рать на кручах Чувашева мыса под столицей Кашлык, в тот же день вошли в ставку хана Кучума, причем царевич Маметкул, племянник Кучума, которому хан поручил защищать засеку на Чувашевом мысу, был ранен и едва избежал плена. В рядах войска самого Кучума, который наблюдал за битвой с горы поодаль, началась паника. Подвластные Кучуму князья покинули его при первых же губительных залпах казацких пушек и пищалей. За хантами в бег пустились мансийские и татарские всадники, Хан Кучум со свитой бежал, бросив столицу на волю победителей, совершенно пустую, без единой человеческой души.

Атаман Ермак отлично понимал, что одолеть хана под Кашлыком удалось еще и потому, что лучшие воинские силы Сибирского ханства в это время во главе с царевичем Алеем не успели вернуться на Иртыш из похода в Пелымский край. И только в упорном сражении на озере Абалак 5 декабря 1583 года с лучшими кучумовскими силами под командованием все того же царевича Маметкула казакам удалось нанести татарам решительное поражение, хотя и ермаковцы понесли первые ощутимые потери – погибло восемь человек, в том числе и казачий есаул Богдан Брязга.

Ханская столица Кашлык имела сильные естественные укрепления, так как расположена на правом обрывистом берегу Иртыша, к тому же обнесена земляным валом и рвом. Внутри вала размещались небольшая площадь, мечеть, несколько десятков построек для жителей и двухэтажный каменный дворец самого хана. Не ожидая в ближайшие месяцы после Абалакской битвы нападения со стороны татар, казаки укрепились в ханской столице, озаботившись сбором с подвластных Кучуму племен дани в виде пушнины и продуктов. Уже на четвертый день после бегства хана в Кашлык с северных окраин приехал князь Бояр и привез казакам рыбу и прочие продукты. Многие татарские семьи, которые бежали с приходом русских, стали возвращаться в свои небольшие селения в окрестностях Кашлыка. За зиму и весну казаки привели к присяге русскому царю многие окрестные княжества хантов, манси, вогулов и остяков, собрали ясак пушниной и себе на прокорм продуктами.

С окончанием зимнего и весеннего походов казаки возвратились в Кашлык с богатым сбором. Было принято решение не возвращаться к Строгановым, а продолжить военные дей-

² Каспийское море.

ствия с Кучумом, для чего надо было известить царя и Боярскую думу о покорении Сибири и просить скорой ратной поддержки. Ермак повелел отправиться в Москву во главе казацкой станицы в 25 человек есаулам Ивану Александрову сыну Черкасу и Савве Болдырю с известием, что «царство Сибирское взяша и многих живущих тут иноязычных людей под его государеву высокую руку подвели и к шерти³ их привели...»

В Москве были поражены богатством пушнины, привезенной казаками. Царь Иван Грозный, обласкав казаков, издал указ Строгановым подготовить зимний поход в Сибирь, но из-за невозможности зимой перейти снегом заваленные горы Каменного Пояса поход вспомогательного войска в Сибирь был отложен до весны следующего года. В грамоте царя Ивана Грозного от 7 января 1584 года велено Строгановым приготовить 15 стругов, «которые б подняли по 20-ти человек с запасом». Однако 15 марта царь Иван Грозный умер, и снаряжение войска во главе с воеводой князем Семеном Дмитриевичем Волховским на некоторое время задержалось, что впоследствии губительно сказалось на судьбе и стрельцов, и казаков.

Накануне прибытия стрелецкого отряда воеводы Волховского, по известию недружественного хану Кучуму мурзы Сенбахта Тагина, Ермаком был послан отряд казаков во главе с Матвеем Мещеряком с целью напасть на войско Маметкула, которое разбило свой стан на реке Вагай, в ста верстах от Кашлыка. Пользуясь ночной темнотой и беспечностью татарских военачальников, казаки внезапно грянули на татарское становище, уничтожили охрану и много простых воинов, а самого Маметкула взяли в плен. Используя благоприятные военные обстоятельства, атаман Ермак решил нанести удар и по верному союзнику хана Кучума и, не ожидая прибытия подкреплений, о которых не имели никаких известий, летом совершил дальний поход против Пелымского княжества к северу от Кашлыка. В нескольких стычках пелымский князь понес ощутимые потери и бежал на дальний север. Казаки собрали в Табарской волости хлеб и пушной ясак и стали готовиться к очередной зимовке. Уже близились осенние прохладные ночи, когда неожиданно-негаданно по Тоболу спустился стрелецкий отряд воеводы Волховского в 300 человек.

Громкое «ура» прокатилось над Тоболом и Иртышом, но радость атамана и его помощников исчезала по мере того, как стрельцы сходили на берег почти с пустыми котомками. Едва познакомились, Ермак еще раз внимательно посмотрел на стрелецкие струги и не удержался от сурового спроса:

– Где же ваши припасы, воевода князь Семен? Неужто за вами не плывут еще струги с мукой, сухарями, мясом и крупами? Чем в зиму питаться будете, а? Вестимо ведь, что Господь добр, да черт проказлив, лиха найдет такого, что небо в овчину покажется!

Воевода с недоумением переглянулся со своим помощником Иваном Киреевым, развел руками, тонкие губы под светлыми усами покривились в ужимке недоумения.

– Излишний скарб и харчи пришлось оставить промысловикам на переволоках, не под силу было на себе в стругах тащить! Оставили только на дорогу сюда... Думали здесь прокормиться от татарских поселений у жителей.

– Здешние жители накормят вас калеными стрелами, как только отойдете от Кашлыка чуток в гущу дебрей, – угрюмо проворчал Иван Кольцо, зло дергая себя за черные длинные усы, схваченные в тяжелый кулак. – Нешто московские бояре мыслят, будто татары под стать воронежским посадским людишкам, средь которых стрельцы могут прокормиться, покупая харчи за серебряные копейки? Почему не упредили вас, чтоб не смели бросать даже засохшего напрочь сухаря?

– Хотя бы порох и свинец не побросали, – сквозь стиснутые зубы выговорил атаман Ермак, с надеждой поглядывая на стрельцов, которые разгружали дальние три струга.

³ К присяге.

– Свинцу и пороху взяли вдовольном числе, да и новых полста пищалей прикупили у Строгановых на случай поломки тех, которые у стрельцов имеются на руках.

– И на том вам благодарствуем, воевода Семен, – со вздохом проворчал атаман Ермак, засунул левую руку за тугой алый пояс, еще раз уточнил: – Хотя бы на месяц-другой хватит своих харчей, пока поднатужимся и до зимней стужи еще кое-чем запасемся? Надобно срочно дичь бить, какая еще не успела улететь! Было бы соли в достатке, так рыбы бы насолили, а так только вялить можно под слабым осенним солнцем! Досада какая! Ну почему царь не дал указ идти вам за Камень с началом весны, к середине лета подоспели бы сюда! И припасы наготовить успели бы вдоволь!

– Да потому, атаман, что в середине марта скончался царь Иван Васильевич. В Москве начались волнения, готовились к венчанию на царство Федора Ивановича. По этой причине и задерживались с походом, не ведая, какова будет воля нового царя да Боярской думы, – ответил князь Семен, носком сапога ковыряя приречный песок, а в голосе чувствовалось запоздалое раскаяние за то, что не заставил подчиненных тащить тяжелые струги на переволоках, а поддался их уговорам и разрешил облегчить суда и тем ускорить движение отряда через горы.

– Понятно, князь Семен. Делать теперь нечего, улетевшего гуся шапкой не изловить! Будем как-то лютую зиму одолевать вместе. В Кашлыке нам всем не разместиться, надобно идти на Карачинов остров. Он со всех сторон окружен водой Тобола, будем срочно ставить срубы да рыть теплые землянки. А также надо успеть возвести добротный частокол на случай нежданного нападения кучумовской рати. А силы у него еще немалые, хотя и бит нами крепко, и не единожды. Теперь же, князь Семен, пока лед на Иртыше не начал объявляться, кому-то из вас придется срочно сопроводить царевича Маметкула в Москву пред очи нового царя Федора Ивановича. Кого пошлешь?

Князь Семен снова pokrивил тонкие губы, в серых выпуклых глазах продолжала оставаться нескрываемая досада – только что закончили тяжелый переход, надежду имели отдохнуть в ханской столице, в банях отпариться! Ан та столица во сто крат хуже стрелецкой слободы – ни тебе теплых изб, ни просторных каменных палат! И зимовать им предстоит в курных избушках да в глубоких землянках, под стать слепым кротам, только вот в спасительную спячку до весны им не суждено завалиться!

– Царским указом, атаман Ермак, велено мне быть главным воеводой Сибири, а тебе ехать на Москву, самолично поклониться великому государю царю Федору Ивановичу завоеванным Сибирским царством.

– Увы, князь Семен, Сибирское царство далеко не все принесло шерть царю московскому. Хан Кучум, как уже сказывал я, бит не единожды, но еще довольно силен. И силен помощью ногайских и бухарских воинов, потому как сам Кучум родом из бухарских земель и доводится сыном бухарскому правителю Муртазе. Об этом мне сказывал близкий Кучуму человек, некто мурза Кутугай. Мои казаки ухватили его под Кашлыком в плен, а я его отпустил к хану с предложением не биться против государевых ратных людей, а по своей воле войти под руку московского царя. Да лихо вышло – мурзу спустил, а от хана Кучума в ответ вместо ласковых слов одни каленые стрелы летят. А в Москву, князь Семен, ежели будет на то твоя воля, пусть спешно, взяв один струг со стрельцами, возвращается твой помощник, воевода Иван Киреев. Я дам ему в проводники доброго манси, пойдет северной дорогой, какой шел мой есаул Иван Черкас с ясаком царю Ивану.

– Тому так и быть, атаман Ермак. Да, вот еще что – тебе подарок велено передать!

– Неужто царь Иван Васильевич шубой расщедрился, узнав, каковы здесь суровые зимы? – удивился атаман Ермак и подмигнул лукаво Матвею Мещеряку, на лице которого явно отразилось удивление возможной царской щедрости.

– Да нет, не от царя! – со смехом отмахнулся Волховской. – Перед отъездом из Москвы довелось мне встретиться с князем Иваном Петровичем Шуйским. Слышал о таковом, а?

– Еще бы не знать князя Ивана Петровича! – воскликнул атаман и локтем толкнул в бок сумрачного Ивана Кольцо. – Под Могилевом и у нас был слух, как славно оборонял он город Псков от огромного войска Стефана Батория! Тем и дал возможность вести переговоры с Речью Посполитой на приемлемых условиях. Так что с того – встретились вы с князем Иваном в Москве?

– А то, что князь Иван Петрович похвально отозвался о тебе и твоих казаках. И помимо царских наград деньгами, которые казаки получают по возвращении из Сибири, просил передать тебе ратные доспехи своего родителя Петра. На груди кольчуги две большие позолоченные бляшки, на одной стороне государев герб – орел о двух головах, а на другой вырезано имя князя Петра Ивановича Шуйского, также славного воителя Руси. Еще хотел бы князь Иван быть в этом сибирском походе, да со смертью царя Ивана Васильевича нет возможности оставить Москву. Он состоит с лучшими боярами в регентском совете при царе Федоре Ивановиче.

Ермак был тронут вниманием прославленного на всю Россию полководца. Принимая отменную кольчугу, пообещал при личной встрече поблагодарить за подарок.

Стрельцы и казаки разгрузили струги, переправились на удобный для жилья Карачин остров, что в пятнадцати верстах вверх по Тоболу от Кашлыка, поставили несколько больших срубовых изб с полатами в два яруса, отрыли и утеплили землянки. Ермаковцы на радостях встречи одарили новых ратных товарищей соболиными шкурками из собранного ясака, проводили в станицу Ивана Киреева с царевичем Маметкулом с наказом оповестить Москву о тяжелой будущей зиме, приступили вместе со стрельцами к поздней заготовке возможного харча на близкую уже зиму.

О минувшей зиме вспоминалось теперь с содроганием в душе, а порою по ночам атаман Ермак просыпался от ужаса – снилось, будто чье-то предсмертное хрипение ударяло в уши сквозь вой холодного апрельского ветра в дебрях Карачина острова. Тогда, зимой, вместе с воем лютой пурги постоянно доносилось в землянки надрывное завывание волчьей стаи. Завывание часто прерывалось глухими выстрелами пищалей караульных казаков, которые отгоняли зверье от поляны за частоколом, куда каждое утро, каждый день сносили обессиленными руками по несколько тел умерших от голода сначала только стрельцов, а к концу зимы стали гибнуть и более выносливые казаки. Не выдержал зимовки и воевода князь Семен Волховской. Смерть каждого казака и стрельца острой болью отдавалась в сердце атамана Ермака, и только недавнее потепление растопило снега, позволило возобновить рыбные ловли и охоту в ближних лесах и дало возможность спасти от страшной смерти тех, кто с такими муками пережил суровую зиму. И теперь, предав земле умерших, атаман с поседевшей наполовину головой смотрел на товарищей, которые с ненасытной жадностью поедали горячую уху с кусками рыбы.

Утром следующего за похоронами дня казаки и оставшиеся с ними стрельцы стащили струги с берега, во многих местах еще укрытого не сорванным водой льдом, забрали с собой весь ратный запас, сплыли с Карачина острова бережно, уворачиваясь от плывущих по Тоболу в Иртыш разновеликих толстых льдин. Под Кашлыком пристали к чистому от ледовых завалов крутому берегу. Матвей Мещеряк с десятком казаков с трудом поднялся к бывшей ханской столице, убедиться, что в ней и поблизости нет татарских засад, и только после этого подал сигнал атаману Ермаку – можно подниматься и обживать остывшие дома и еще прошлым летом казаками отрытые просторные и сухие землянки. Перебрались в Кашлык вовремя, потому как уже через день к ним прибыл князь Бояр со своими людьми, привез битую дичь, рыбу вяленую и свежую, пригнал десяток коней, чему казаки были несказанно рады. Длинноволосый, худой и желтокожий толмач Микула Еропкин, атаманов писарь, переводя слова соболезнавания о смерти многих стрельцов и казаков, добавил с облегчением:

– Обещает князь Бояр разослать своих вестников к иным князьям, чтобы поспешили к нам в Кашлык с зимним ясаком, хлебом и битой свининой и олениной. Господи, неужто скоро наедемся досытушки, аки у родимой матушки после долгого небытия в дому?

Атаман с искренне радостной улыбкой на исхудалом скуластом лице дружески обнял низкорослого усатого и узкоглазого князя Бояра за плечи, расщедрился и вынес из ханского дворца саблю в дорогих ножнах, сам опоясал князя и сказал, пытливо глядя в раскосые черные глаза Бояра:

– Прими, князь, награду от имени московского царя Федора Ивановича. Прежде носил эту саблю князь Семен, да не стало его... Ты также князь, тебе и владеть этим оружием! А о верности твоей самолично отпишу московскому царю, от него и еще будет тебе честь великая и награда достойная. – Сказал тихо, и неожиданно для самого в глазах вдруг выступили жгучие слезы горести невосполнимой утраты.

Князь Бояр не обманул атамана, выказав искренне дружеское расположение к русскому воинству. В течение недели к Кашлыку потянулись князья родов, которые обитали по Тоболу и к северу по Иртышу в недалеком расстоянии от Кашлыка.

Когда проводили радушного и приветливого князя Бояра, атаман Ермак призвал есаулов вместе с атаманом Иваном Кольцо и объявил свое обдуманное уже решение:

– Надобно нам осмотреться окрест хорошенько, не близится ли хан Кучум со своим воинством тишком под свою столицу? Да сызнава, как прошлым летом, велеть жителям волости Таборы поболее сеять хлебных полей, и тем хлебом платить государев ясак. Без этого грядущая зима опять покажет нам небо с овчину, взвоем не хуже волчьей стаи напереключку с метелью... Брр, и поныне жуть когтистой лапой по спине дерет, едва вспомню Карачин остров!

Негромко переговариваясь, казацки командиры сидели по лавкам в ханском доме, где огненно-рыжий атаманов стремянный Гришка Ясырь постоянно топил очаг, пытаясь хоть немного отогреть остывшие за зиму стены и дощатый пол.

– Вниз по Иртышу, откуда приходили с обозом князь Бояр и окрестные князья, татарских конников не заметили, – сказался Матвей Мещеряк, когда Ермак Тимофеевич попросил всех высказать, что и как им делать далее. – Зато с верховий, куда осенью откочевали хан Кучум и подвластные ему князья, нам пока вестей никаких нет. Да и подать эти вести некому, все под кучумовой ногой придавлены так, что и пискнуть не смеют!

– Вот для присмотра за татарами и для сбора ясака с ближних селений, ежели в них окажутся местные жители, надобно нам послать подводу с казаками.

– Кого пошлем в догляд? – спросил атаман Иван Кольцо, накручивая на палец длинный, с первой ранней сединой ус. – Готов и я хоть теперь же пойти, засиделся на лавке.

– Тебе, Иван, нельзя, ты в атаманах ходишь, за тобой многие казацкие головушки стоят! – Ермак думал недолго, остановил выбор на есауле Якове Михайлове. Это он, казак с Хопра, как и сам Ермак, от рода сильный и выносливый, часами высиживая на льду Тобола, без конца долбил в толстом льду лунки, терпеливо ждал неподвижно, чтобы изловить несколько рыбин для ухи и ею подкормить истощенных голодом товарищей.

Есаул Яков поймал взгляд головного атамана, широкое, исхудавшее лицо оживилось – сидеть в Кашлыке без дела и ему было просто невыносимо. Он поспешно снял с круглой бело-волосой головы баранью шапку, кивнул в знак согласия. Широкий, обросший усами и бородой, растянулся в радостной улыбке.

– Я готов, атаман. Когда ехать и сколько казаков взять с собой?

Ермак одобрительно крикнул, обеими ладонями прихлопнул себя по коленям. Глянул в небольшое окно – заходящее солнце косыми лучами подрозовило бычьи пузыри, которые закрывали окно вместо часто используемой для этого тонкой слюды.

– Сам подбери трех казаков покрепче, харчей возьмите на неделю – вдруг поблизости и вовсе никаких жилых мест не сыщете. Езжайте верст двадцать к югу, затем к востоку, осмотрите потаенные урочища на случай татарских разъездов. Один казак пусть будет верхом, вдруг что опасное обнаружите, так чтоб гнал ты вестника к нам со всей поспешностью. Уразумел, Яков? Да, вот еще что. Возьми с собой строгановского промысловика Фролку Осипова для

записи числа ясашных людишек и как толмача, доведись с кем из тамошних жителей встретиться. Он мастак с манси переговариваться!

– Уразумел, атаман. Поутру выедем в подсмотр, сделаем, как ты повелел. А доведись приметить татарское воинское скопище – упредим.

Следующим утром, когда туман с Иртыша еще плотно укрывал холодные с зимы воды реки с обильно идущими по ней льдинами, пологий лесистый левый берег и кручи правобережья, есаул Яков Михайлов сидел уже в просторной крытой татарской повозке с ездовым Антипкой, казаком молодым и любителем песен. Минувшей зимой ему исполнилось двадцать пять лет, из них лет восемь он уже провел в «диких» степях среди донских казаков. С атаманом Матвеем Мещеряком он пристал к Ермаку и был на государственной службе под Могилевом и в Ливонии. Антипка положил одну заряженную пищаль справа от себя, другую слева, ловко управлял неторопливой лошадей, впряженной в повозку. И сам есаул имел при себе две пищали. Позади повозки, свесив ноги, сидел пожилой казак Игнат, рядом с ним примостился промысловик Фрол Осипов, у каждого было по две пищали, кистей с пулями и пороховницы. Верхоконный бородатый и сутулый казак Кузьма ехал с одной пищалью поперек седла, вторая лежала в повозке, ехал впереди и досматривал дорогу и окрестные места, которые с восходом солнца стали хорошо видны на много верст вперед, а заросли по оврагам из-за того, что кусты и поросль все еще не обзавелась листвой, были ненадежным укрытием для возможной неожиданной засады.

Подергивая вожжи, Антипка негромко напевал песню, прислушавшись к которой, есаул различил и немудреные слова:

Как летал, летал сокол,
Как летал, летал ясен —
Да по темным по лесам,
По высоким по горам;

Как искал, искал сокол
Соколиное гнездо,
Соколиночку себе
Златокрыльчатую,
Сизоперчатую;

Как просила соколинка:
– Опусты меня, сокол,
Отпусти меня, ясен,
На свою волю летать,
К своему теплу гнезду,
К малым деточкам!

Яков тихо засмеялся, искоса глянул на красивое, обрамленное мягкой бородкой румяное лицо казака, спросил доверительно:

– Аль и вправду приспела пора соколинку искать, брат Антипка? Оно и понятно, по весне вона как земля паром молочным пахнет! А певчая птаха так и зовет доброго молодца девку в кусты пригласить! Да в здешних местах одни дикие татарочки некрещенные живут, а за ними угнаться ох как трудно – что стрижи юркие по степи мечутся! Не успел ее глазом приметить, как миг – ее и след простыл, как порез от сабли на иртышской водице!

– А вот побьем хана Кучума, упрошу атамана Ермака сватом быть да и высватаю себе хорошенькую ханскую внучку! – засмеялся в ответ розовощекий Антипка. – Разведу табуны

коней, своим улусом жить буду! Вона здесь сколько вольных земель, только по берегам Иртыша да иных речек дебри непролазные, а далее, сказывали казаки, степи такие, как у наших южных рубежей, в Диком поле!

– Так и в здешних краях, брат Антипка, – напомнил есаул Яков, – жизнь будет такая же беспокойная, как и на Руси. Там каждое лето жди с Крымского шляха татарскую набеглую орду. А здесь, кроме кучумовцев, иных степняков сушая прорва: и казахи забегают, и ногайцы, и бухарцы не прочь поживиться меховой рухлядью соболиной или лисьей, отняв ее у северных манси и иных народцев.

– Ништо-о, – отсмеялся Антипка, хлопнул вожжами по бокам лошади, чтобы шагала веселее. – Приберем всю Сибирь, города поставим, мужики заселят здешние земли, вот и будет покой от набеглых разбойников! Эй, Кузьма! Что-то тебя вовсе не слышно! Неужто спишь в седелке и не боишься шмякнуться старыми костями о твердь земли?

– Как же! – фыркнул старый казак и пренебрежительно оттопырил порченную шрамом нижнюю губу. – При твоей нескончаемой болтовне и давнoletние мертвецы с погоста разбегутся, косточки теряя, потому как покоя лишатся! – И обратился к Якову: – Покудова тихо окрест. Вороны по деревьям сидят смирно, не полошятся посторонними людишками.

– Дай-то бог, чтобы и далее так было, тишь да гладь, казакам благодать! – откликнулся есаул, усаживаясь поудобнее на подстилке из сена – малоезженный в последние годы тракт от Кашлыка на юг, во владения князя Бегиша и его городок на правом берегу Иртыша, сильно подзарос травой и разбит конскими копытами, отчего повозку изрядно трясло на подсохших колдобинах. Ехали почти в полном безветрии на юг весь день спокойно – ни единой живой души не приметили, ни конной, ни пешей, словно по приказу хана Кучума все до единого жителя откочевали далеко на юг, к реке Ишим. Встретили несколько заброшенных мест стоянок татар, но следы костров явно говорили о том, что угли и обгорелые чурки пролежали под снегом всю зиму, свежих кострищ не находили.

– Должно, далеко убежал хан Кучум с кучумлятами, не скоро воротится в здешние места, ждать будет, когда степная трава поднимется, чтобы можно было пасти табуны и отары овец, – заключил к вечеру свои догадки есаул Яков, присматривая место для ночлега.

Решили заночевать на склоне небольшого холмика, покрытого голыми кустами, на ветках которых едва лишь наметились нежно-зеленые почки. Развели костер, достали по вяленой рыбине, в медном котелочке разогрели воду, которую про запас везли в двухведерном бочонке.

– Завтра надо будет поохотиться на ушастую длинноногую дичь, – отбрасывая в сторону рыбы кости, пробормотал угрюмый Игнат. – С таких харчей не с татарами биться, а дай господь силы клопа на стенке раздавить! Много раз голодал я на своем веку, а такого мора вокруг себя не привел господь пережить!

Беспечный промысловик Фрол хохотнул, отпил глоток теплой воды, подтрунил над пожилым казаком:

– Покажись теперь на бугре молодая татарочка, да еще в одной исподней рубашке, так небось жеребеночком поскакал бы за ней, ась?

Игнат отмахнулся от промысловика, как от надоедливой осенней мухи, сквозь отвислые густые усы сплюнул в сторону.

– Сколь времени тебя знаю, так ты все о бабьих исподних рубашках убиваешься, Фролка! Я свою долю отбегал, меня женка и трое детишек под Воронежем домой дожидаются. Это вам с Антипкой всякая свежатинка в диковинку, вам и бегать по бурьяну.

Казаки посмеялись, а когда совсем стемнело, есаул распорядился, чтобы Антипка и Кузьма поднялись на холмик, устроили удобное ложе, подстелив из повозки сено и старые стрелецкие кафтаны, взяли для укрывания в холодную все еще ночь по толстому рядну и следили за окрестными лесами и поляной, да чтобы пихали друг друга из опаски уснуть.

– Как полночь минет, взбудите нас с Игнатом, мы в карауле побудем до утра, – добавил Яков, отправляя казаков на вершину холмика. – Смотрите и слушайте недреманно, иначе не сносить нам голов от лихого татарина! Татарин в своих краях, что гадюка в знакомом сарае, каждую дырочку с закрытыми глазами отыщет!

Три дня пути близились к завершению, повозка с утра была повернута на восток, вдоль правого берега небольшой речушки, которая по довольно ровной местности среди зарослей бежала к Иртышу.

– Завтра пополудни будем поворачивать к северу, да и на Кашлык возвращаться пора, – решил есаул, укладываясь в повозке отдыхать. Антипка и Кузьма готовились в караул у маленького костра, когда конь Кузьмы, привязанный к повозке, вдруг поднял голову, насторожил уши и негромко заржал.

– Тихо, братцы, – негромко произнес есаул Яков. – Не гомоните! Похоже, конь кого-то почуял!

– Должно, волки в зарослях речки бродят, – прошептал Фролка и опустился на колени у правого колеса повозки.

– Кабы волки, конь заржал бы тревожно, а то будто сородичей неподалеку почуял. Во, глядите, вороны с криком с деревьев враз поднялись, с испуга, не иначе! Неужто на татар наехали, а? Антипка, погаси костер, чтобы нас не так видно было. Господи, убереги...

Есаул не успел договорить, как с десятка стрел со свистом хлестнули из зарослей по повозке. Антипка вскинул руки, сделал два шага назад от костра, который собирался было раскидать, и упал на грудь – в спине торчали две стрелы с черным оперением. Кузьма, не успев отбежать от кустарника у речушки, где хотел устроить место для караула, со стрелой в шее молча рухнул в высокий прошлогодний бурьян и стал невидим.

– Игнат, Фролка, хватайте пищали! Как объявятся нехристи – палите! – прокричал хрипло от волнения есаул Яков, подтягивая к себе свои и Антипа пищали, которые молодой казак, собираясь в караул, не успел еще взять с собой. – Ежели не более десятка татар наскочило – отобьемся огненным боем!

Дикий крик большой толпы воинов заглушил ответные слова Игната, который с пищалями Кузьмы и своими соскочил с повозки позади и упал за землю. Он первым и открыл стрельбу – татары, размахивая кривыми саблями, выскочили из-под речного обрыва метрах в пятидесяти. И перед есаулом от речки к повозке нестройной толпой, сверкая при лунном свете обнаженными саблями, бежало до полутора десятков орущих степняков.

– Пали-и! – сам себе скомандовал есаул Яков и хладнокровно выстрелил, почти не целясь. Успел заметить, как один из татар вдруг подскочил, крутнулся на месте и упал. – Ага-а, слопал казацкий гостинец! Пали-и! – Есаул успел выстрелить вторично, отбросил пищаль, схватил третью. Справа от него, что-то отчаянно выкрикивая, дважды выстрелил Фролка – промысловик умел даже белку бить так, чтобы не попортить шкурку! Потом вскочил на ноги, схватил тяжелую пищаль за ствол и, размахивая ею над головой, ждал, когда татарские воины приблизятся. Есаул выстрелил еще дважды, после чего выхватил из ножен свою саблю, левой рукой выдернул из-за пояса саблю неподвижного Антипки и, прижавшись спиной к повозке, начал яростно отбивать удары орущих по-своему татар. За спиной недолго кричал Игнат, там звон стали быстро затих. Взвизгнул не своим голосом Фролка, но что с ним случилось, Яков не мог даже предположить, не то чтобы хоть на миг отвести взор: трое татар, скаля ощеренные зубы, пытались достать его своими клинками, да двое скоро отпрянули с посеченными руками. Третий, спасаясь от яростных выпадов казака, отбежал, чтобы уступить место новым поединщикам.

– Ага-а, басурмане некрещенные! Лихо вам взять казака на саблю! – понимая свою безысходность, прокричал есаул, пригнулся на полусогнутых ногах, словно для последнего прыжка, стараясь подороже отдать свою жизнь. И зажмурил на миг глаза – несколько татар, шагах в

двадцати, натянули луки. Черные наконечники стрел, показалось Якову, нацелены ему как раз в очи. – Бейте, нехристи! Бейте, иначе я сам до вас доберусь! – Он последним усилием воли оторвался от повозки и бросился вперед, навстречу смерти. Будто острые жала огромных и тяжелых шмелей вонзились в плечо и в левую руку, одна стрела наискось ударила над правым глазом, кроваво-красные сполохи ожгли мозг, и он, теряя сознание, опрокинулся навзничь, в последний миг почувствовав, что правая рука угодила в угли незатушенного Антипкой костра...

За свои тридцать пять лет Яков Михайлов уже тонул однажды на весеннем Хопре, когда несмышленым отроком вздумал со своими сверстниками кататься на обломках льдин. Едва он сделал несколько толчков шестом о песчаное дно, как течение подхватило и понесло его к стремнине, с треском ударяя о крупные куски льда. Испугавшись, Яков успел перепрыгнуть несколько раз с одной льдины на другую, стремясь побыстрее очутиться на берегу, как неожиданно под ним лед хрупнул, и он с головой ушел в холодную воду. Тогда его спас местный рыбак, волей божьей, не иначе, оказавшийся на берегу...

И вот снова он с головой оказался в воде, которая холодными потоками залила нос, рот, уши. Яков сделал отчаянное усилие, чтобы вынырнуть на поверхность, хватил полным ртом воздух, закашлял и открыл глаза: над ним, склонясь, стояли несколько человек, о чем-то говорили, но, кроме общего гомона, он не мог различить ни единого слова, и, только когда до сознания долетело несколько раз произнесенное слово «Карача», он осознал, где он и что с ним произошло.

«Побили моих казаков басурмане, а меня уволокли в плен!» – догадался Яков, попытался смахнуть с лица остатки воды, которой его окатили, приводя в сознание, но руки оказались связанными за спиной. Голова, плечо, рука и правая кисть, обожженная на углях, нестерпимо болели, заставляя казака помимо воли, стиснув зубы, тихо стонать. Кто-то неподалеку резко крикнул, есаула подхватили под руки, подняли с мокрой земли и повернули лицом на запад, так что утреннее солнце, которое встало над плотной стеной леса и ослепило на миг казака, оказалось за спиной, и он смог разглядеть в тяжелом кресле тучного, но не очень старого татарина в дорогом теплом халате нежно-розового цвета, опоясанного синим шелковым поясом. За пояс засунута сабля в широких ножнах, на голове атласная, с меховой опушкой высокая шапка. Длинная, но довольно жиденькая борода, усы над верхней губой и прищуренные злые глаза, как у рыси в засаде.

«Неужто к самому хану Кучумке приволокли? – пронеслось в голове есаула Якова. – Теперь станет допытываться о силе ермаковского воинства». Надо молчать! Прознает, что казаков мало осталось, тут же навалится на Кашлык, а там казаки еще не окрепли от зимнего голода, к тому же в малолюдстве...»

Рядом с важным татаринном толпились в разноцветных халатах толстые и высокие, худые и низкие татары из свиты, а на коленях перед креслом стоял повязанный по рукам, с лицом в крови промысловик Фрол Осипов. Его о чем-то спрашивали, но что отвечал Фрол, есаул Яков разобрать не мог – из-за раны на голове в ушах стоял пронзительный звон, будто десять молотобойцев маленькими молотками беспрестанно били о наковальню. И вдруг довольно четко в свите важного татарина есаул увидел высокого, сильного и привлекательного лицом сорокалетнего, не более, вельможу, чернобородого с редкой ранней сединой. Широкоскулое лицо и почти круглые черные глаза показались Якову знакомыми по ратным делам.

«Неужто это тот самый мурза, которого я сшиб с коня пулей в первом сражении под Кашлыком? – вдруг вспомнил Яков. – Мои казаки, битого в левую ногу, повязали его. Атаман Ермак держал мурзу осень в плену, а после сражения на озере Абалака посылал к Кучумке с письмом, чтобы покорился хан русскому царю и встал под его руку! И вот опять свиделись! Воспрянет теперь мурза на моих косточках, вона как ослабилась, мой взгляд поймав, чисто голодный кот, обеими лапами ухвативший нерасторопную мышь!»

– О чем пытали тебя, Фрол? – громко спросил есаул Яков, желая знать, что успел рассказать промысловик татарскому хану, ежели это и в самом деле хан Кучум.

– Что я мог рассказать? – со слезами в голосе прокричал в ответ Фрол, пожимая плечами. – Нешто я разбираюсь в ратных делах атамана? Нешто я пересчитывал казаков и стрельцов по весне? Я знаю толк в соболях, песцах, лисьем меху да особливо в шкурах редкого в Сибирских краях черного волка, а в ратных людишках...

– Ой-а! – От резкого удара плетью по обнаженной голове Фрол взвизгнул, вскинул перед собой связанные руки, закричал: – Мурза Кутугай, зачем бьешь по голове? Нешто с тобой так атаман Ермак поступал, в плен взявши на сражении?

«Это он, мурза Кутугай! – теперь вспомнил имя этого татарина-великана Яков. – Стало быть, Фрол ничего не рассказал. Держись, Яшка, скоро и за тебя возьмутся!»

Кутугай подошел к есаулу, которого кинули рядом с Фролом коленями на кочковатую землю перед креслом, спинка и сиденье которого были покрыты узким продолговатым ковром ярко-синего цвета, через толмача задали первый вопрос:

– Князь Карача знать хочет, сколько казаков и стрельцов теперь после холодной зимы у вашего атамана? Какое оружие и сколько еды? – довольно четко по-русски спросил пожилой морщинистый толмач, обличем больше похожий на безбородого ногайца.

– Князь Карача может еще раз встретиться с нашим атаманом под Кашлыком или на Абалаке! Там ему и покажут, сколько казаков да московских стрельцов у атамана Ермака! – дерзко ответил есаул Яков, зная, что живым ему все равно из рук оскорбленного им мурзы не спастись. – Или князь боится захромать на какую-нибудь ногу подобно мурзе Кутугаю?

Мурза выкрикнул какое-то ругательство и начал бить есаула плетью по голове, по плечам, куда попало. Похоже было, что от ярости кровь ударила ему в голову и он не владел собой. Толмач, не пересказывая все, что кричал татарин, словно старый ворон каркал одно и то же, в такт ударов плетью взмахивая рукой вверх-вниз, вверх-вниз:

– Собака, собака, собака.

Князь Карача выбросил перед собой руку с растопыренными пальцами в сверкающих перстнях, и Кутугай нехотя отошел от пленных и о чем-то горячо заспорил с князем. Толмач со злорадной усмешкой прокричал Якову решение князя Карачи:

– Казак храбрый, казак смелый, сам ускорил свою смерть! И я буду радоваться, когда увижу смерть твоих товарищей с атаманом, которые недавно на Волге убили моего отца! Он с послами ходил в Москву, а казак Ивашка Кольцо – он здесь, в Кашлыке, я видел! – напал и многих убил! И ты, наверно, там был, да?

– Был! И тем горд, потому как отваживали ваших разбойных мурз нападать на наши поселения и хватать пленных для продажи в Крым и в Бухару! И еще не так будут вас бить казаки, попомни, ногай, мои предсмертные слова!

Карача, теряя терпение, снова выпалил из себя несколько злых коротких фраз, толмач поклонился в его сторону, повернулся к есаулу с вопросом:

– Сказывай, казак, сколько воинов у Ермака? Иначе тебя ждет страшная смерть! И поедешь ты на небеса не на одном коне, а сразу на четырех! Понял?

Есаул Яков презрительно скривил губы и плюнул на землю перед собой, сказав лишь:

– Ваша сила теперь, а наша правда! Держись, брат Фрол! Господь увидит наши праведные муки и примет к себе в рай! Казните, неверные басурмане! Атаман Ермак еще не так вас покажит в свой час!

Кутугай снова о чем-то заговорил с князем Карачей, тот долго сидел, насупив брови, потом медленно, будто все еще раздумывая, махнул рукой татарам, отдавая приказ начать казнь. К есаулу подошли два дюжих воина, ухватили под руки, подняли и отвели шагов на пятьдесят от кресла, в котором каменным изваянием остался сидеть Карача. Сюда же, на поляну, подвели четырех коней под седлами, к седлам татары поспешно привязали арканы.

– Господи, вона какую смерть удумал для меня князь Карача! Держись, Яшка, смертный час для тебя настал, неужто взмолишься, врагам на радость и потеху! Не долгод будет миг смерти, сдюжишь, ведь не для веселья ушел ты в казаки, так что крепись, Господь видит...

Есаул не сопротивлялся, когда ему развязали руки за спиной, не дергался, когда привязывали арканы к ногам и рукам, только думал о своем и смотрел в синее-синее небо, словно там, за редкими невесомыми облаками, надеялся увидеть образ того, кто один мог в эту минуту прийти ему на помощь... Последнее, что он унес с собой с земли на небо, будучи еще в сознании, так это лихой татарский посвист, хлесткие удары плетью по конским крупам и отчаянный крик промысловика Фрола, свидетеля его жуткой кончины, потом острая секундная боль во всем теле и – мрак небытия...

* * *

С этого рокового рассвета судьба казачьего воинства круто изменилась. И началось все с вести от дозорной заставы – примчал от десятника Иванки Камышника гонец, молодой казак Гаврила Иванов. Еще не распахнулись перед ним крепостные ворота, а он уже из седла во всю мочь горла оповестил казачий стан:

– Атаман Ермак! Невдалеке пышное татарское шествие близится в сторону Кашлыка!

Матвей Мещеряк был ближе всех к вестнику, тут же уточнил у беззаботного казака, для которого, похоже, не было большей радости, как ухватиться за звонкую саблю и кинуться очертя голову в яростную рубку, чтобы пометить татарам за все прошлые грехи.

– Много их? Какой силой идут?

– Да никакой силы нет! Идут всего десятка три-четыре, не более!

– Кто ведет их? Разглядели?

– Да бес их распознает, атаман Матвей! Едут дорогие халаты, длинные усы да бородки хилые. Поверх голов – шапки островерхие! А пушек и затинных пицалей не волокут, это так же верно, как и то, что родила меня моя родная матушка Ефросинья! – озорно добавил щекастый Гаврила, легко спрыгнул в грязь с коня, поклонился подошедшему Ермаку, добавил строго, без зубоскальства: – Недалече уже, с версту. Скоро татары выйдут вон из-за того леса, что неподалеку от Саусканского мыса на Иртыше.

– Хитрость кучумовская, не иначе, – проговорил атаман, нахмурил лоб и выжидательно уставил взор на юг от Кашлыка, откуда должны были приехать незваные гости. – Иван, прикажи казакам изготавиться к возможному нападению Кучума. Не для отвода ли глаз нам едут эти неспешные гости в малом числе?

Татары и в самом деле, выехав из леса, плотной толпой, неторопливо, без обычного лихого покрика и яростной скачки приблизились к Кашлыку, по широкому деревянному мосту через ров подъехали к воротам и спокойно въехали в городище, направляясь к крыльцу ханского дворца, рядом с мечетью, где их ждал Ермак и его сотоварищи атаманы Иван Кольцо и Матвей Мещеряк. Впереди, сойдя с коня, шел знакомый уже казакам Кутугай, слегка прихрамывая на левую ногу. Шел широким шагом, расточая улыбки из-под черных редких усов встречным казакам. За Кутугаем, сверкая расшитым золотыми нитями халатом ярко-зеленого цвета, в роскошной собольей шапке с высоким верхом, с дорогой саблей в серебре украшенных ножнах, в мягких зеленых сапогах шел молодой и, видно было, очень знатный татарин. На красивом румянном лице тонкими хвостиками по обе стороны рта свисали к темной бородке подстриженные усы. Продолговатые черные глаза осматривали Кашлык, казаков и стрельцов, потом внимательно остановились, словно для того, чтобы запомнить навсегда, на лице Ермака.

Мурза Кутугай поклонился в пояс атаману и заговорил, осанисто засунув руки за пояс, а толмач Микула Еропкин торопливо и сбивчиво переводил, изредка вставляя от себя бранные

в адрес хана Кучума слова, не обращая внимания на то, что татарский толмач неодобрительно кривил при том тонкие губы под редкими черными усами.

– Старший сын князя Карачи, доблестный воин Бекбулат, и он, ведомый уже нам мурза Кутугай, желают здравствовать атаману и его храброму войску. Интересуется, пес мордастый, отчего мало в ханской столице казаков и стрельцов царя Московского? Что ответствовать будем собаке некрещеной?

Ермак спокойно посмотрел на знатного княжича, улыбнулся, огладил обеими руками черную бороду, сверкнул из-под бровей почти ласковым взглядом карих глаз.

– А скажи княжичу Бекбулату, что мы не спрашиваем у него, сколько воинов осталось у князя Карачи и у хана Кучума после сражений у Кашлыка, на Абалаке да на Вагае, где нами взят в плен их лучший военачальник царевич Маметкул. Нам же таить нечего, объяви, что воевода князь Волховской со стрельцами да со многими казаками по первым ото льда разводьям сплыл на стругах вниз по Иртышу ясак собирать да в удобном месте срубить крепкий город, чтобы дожидаться прихода этим летом большого московского войска с пушками. А теперь пушай сказывает, с чем пожаловал к нам со своими мурзами и конниками княжич Бекбулат? Не ради же простого любопытства на меня поглазеть и с поклоном удалиться? Насколько я помню, мира с ханом Кучумом и князем Карачей мы не подписывали и послами не обменивались.

Мурза, в посольстве видно было, он считал себя главным, начал пространно говорить, то ударяя себя в грудь изрядным кулачищем, то взмахивая правой рукой в неведомо какую даль, да все к югу от Кашлыка. Наконец он умолк и упер строгий взгляд в смущенного толмача Микулу, который шмыгнул простуженным по весне плоским носом, повернулся к атаману.

– Сказывает нехристь, что дела у хана Кучума прескверные, что после взятия нами в плен царевича Маметкула главным ратным воеводой стал главный визирь – как бы наш большой боярин, – пояснил Микула. – Именем тот визирь князь Карача, отец якобы славного княжича Бекбулата, который прибыл к нам по воле своего отца.

– Ведом нам тот визирь Карача, по волостям его улуса плыли Тоболом, на его Карачинском острове наше зимнее становище, – перебил толмача атаман Ермак, пристально всматриваясь в лицо румянощекого княжьего сына, словно сомневаясь в его подлинности. – Спроси, чего путного скажет нам сей княжич? Не молчать же перед нами приехал, отдав на волю Кутугая вести разговор? Пусть говорит княжич Бекбулат, – решительно выговорил атаман и правую ладонь повернул внутренней стороной вверх перед молодым татаринном, словно давая ему простор для разговора.

Княжич Бекбулат выступил вперед, легким поклоном головы приветствовал казацкого предводителя, певчим голосом, неспешно, чтобы толмач успевал улавливать смысл его речи, заговорил. Микула, от удивления вздергивая белесые брови, переводил сказанное:

– Вещает нам молодой татарчонок, что его родитель князь Карача вышел из-под власти здешнего хана Кучума и перекочевал со своими юртами на реку Тару, это далеко на юг, за большой рекой Ишим. На новом месте князь Карача подвергся нападению кочевых казахов, и не без посылки тех казахов ханом Кучумом, так он мыслит. Было сражение, князь Карача отбил от набеглых казахов, но впредь питает надежду на твою помощь, атаман, чтобы утишить казахов окончательно.

– Вона какая кутя здесь заваривается! – воскликнул Ермак, не скрывая удивления и радости. Он переглянулся со своими помощниками – Иван Кольцо стоял пообок невозмутимо, будто и не вчерашние супротивники пришли просить о помощи, а братья-казаки из соседнего становища. И узнать по его лицу, что он думает, было невозможно. Зато Матвей Мещеряк был явно озабочен и с недоверием осматривал хорошо одетых важных посланцев князя Карачи. Взглянув на атамана, Мещеряк обратился к толмачу Микуле:

– Спроси у княжича, чем вызвана теперешняя нелюбовь Карачи к своему повелителю, хану Кучуму? Какая такая черная кошка пробежала между ними?

Микула обернулся к княжичу Бекбулату, перевел вопрос Матвея Мещеряка, ехидно поджимая губы в ожидании ответа на непростой для татарина вопрос. И вновь княжич говорил долго, размахивая руками, мимикой лица пытаясь передать гнев и презрение, которое испытывал теперь бывший главный визирь к своему хану.

– Сказывает княжич, что уже давно, с того лета, как покойный ныне царь Иван Васильевич принял в свою волю бывшие владения сибирского хана Едигера, он, князь Карача, был врагом Кучума. Кучум, сын тогдашнего бухарского повелителя Муртазы, с бухарцами, ногайцами да башкирцами напал на их земли и вел постоянные битвы, а в шестьдесят третьем году, победив хана Едигера, повелел казнить – вместе с его верными князьями. Он, князь Карача, владетель улуса на Тоболе, после семи лет войны с Кучумом вынужден был покориться хану. Теперь войско Кучума тобою, князь-атаман, крепко побито, храбрый воевода Маметкул взят в плен, и Карача не боится больше пришлого хана Кучума, готов вместе с тобою, атаман, и вместе с родичем своим князем Бегишем по весне пойти на кучумовские стойбища, которые в зиму откочевали на юг, вверх по Иртышу к Барабинской степи. Только бы ему, Караче, хотя бы один раз крепко побить казахов и отвадить от набегов на его стойбища. Князь Карача, – на миг переведя дух, продолжил переводить толмач говорливого княжича, – устами своего старшего сына Бекбулата готов принести клятву в дружбе Ермаку. Он же назначает своего верного посланца мурзу Таймаса, вон того, с белой бородой и в синем шелковом халате, ехать с пятью воинами на Москву к великому царю и государю Федору Ивановичу с грамотой. В этой грамоте князь Карача и князь Бегиш просят милости великого московского царя, чтобы тот принял от них ясак и защитил от завоевателя, бухарского находника хана Кучума. Мурза Таймас уже бывал в Москве десять лет назад, отвозил царю Ивану Васильевичу от хана Кучума скверно малый тогда ясак в тысячу соболей, чем вызвал крепкий гнев московского царя. Мурза хорошо знает северную дорогу и к лету предстанет перед царем и великим князем Федором Ивановичем.

Мурза Таймас уловил внимательный взгляд атамана, услышав свое имя, приложил правую руку к груди и поясно поклонился. На старом морщинистом лице, заросшем седыми волосами, промелькнула и тут же угасла скупая улыбка.

– Доброе дело умыслили князья Карача да Бегиш, наш сосед по Иртышу, – обрадовался атаман Ермак и по привычке, коли дело складывается так удачно, потер сильными руками. – Ежели князья с чистым сердцем принесут шерть царю и великому князю Федору Ивановичу, то и защита их улусам будет от нас крепкая! Ни хан Кучум, ни казахские разбойники к его землям подступиться не посмеют!

Толмач Микула изобразил на хитроватом безбородом лице подобие улыбки, перевел слова предводителя казаков. Княжич Бекбулат, Кутуга и Таймас дружно, словно по команде, приложили руки к груди и поклонились. Атаман Ермак поднял перед собой обе руки ладонями к негладким гостям, повелел толмачу:

– Микула, скажи княжичу Бекбулату, чтобы объявил мне послание князей к царю и великому государю Федору Ивановичу. И на ясак глянуть надобно, не зазорно ли будет царю принимать, добрые ли шкурки повезет Таймас?

Микула передал просьбу атамана княжичу Бекбулату, тот что-то сказал мурзе, который не торопясь вынул из-под халата деревянную резную коробку, обвязанную красной лентой, развязал ее и вынул лист плотной бумаги, к концу которой на шелковом шнурке была прикреплена восковая печать.

– Ты, мурза, читай неспешно, а я буду пересказывать атаману, – попросил толмач и повинулся перед атаманом Ермаком: – Лихо мне, но татарского письма читать я не обучен; только устную речь разумею. Вот что пишут князья татарские: «Сие есть шертная грамота со князьими Карачи и Бегиша печатями, что себя учинили князья Карача и Бегиш в холопство великого князя и крестьянского белого царя московского Федора Ивановича, дань на всю свою землю положили и впредь ежегодно беспереводно та дань царю и великому князю со всей

земли князей Карачи и Бегиша будут давати. А шлют они дань пятьсот соболей да дорожной пошлыны пятьдесят соболей. А взял бы белый царь и великий князь в свои руки и дань бы ее всей Сибирской земли имел бы по прежнему обычаю, который порушил злым умыслом хан Кучум». Вот о чем хлопочут князья Карача да Бегиш, атаман. – Толмач Микула перевел дух и почему-то трижды перекрестился, словно отгоняя от себя нечистое наваждение.

– Похвально, похвально, – с улыбкой отозвался Ермак и огладил курчавую бородку. – Царю Федору Ивановичу в радость будет такое послание. И мы готовы помочь мурзе Таймасу беспомешно пройти за Камень во владения московского царя. Скажи княжичу Бекбулату об этом, Микула.

Мурза Таймас встал рядом с княжичем Бекбулатом и, по переводу Микулы, попросил у «великого визиря Ермака» для охраны ясака дать двадцать казаков, чтобы безбоязненно пройти далекий путь до Москвы. Атаман дернул черной бровью, удивился.

– А для чего за его спиной стоят такие бравые ратники, что он у меня охрану просит? Струг добрый дам и человека со своей охранной грамотой пошлю из строгановских стражников. Приболел малость грудью, пушай домой возвращается. А на весла сажай, мурза Таймас, своих людей, и – с богом! Идти вам той же дорогой, которой повезли царевича Маметкула – по Иртышу на Обь, с Оби вверх по реке Сосье. Перейдя Камень, попадете в реку Печору, а по ней попутным течением во владения Строгановых, на Соль-Камскую пройти буде не трудно.

Легкая досада промелькнула на ухоженном лице княжича, когда толмач Микула пересказал слова атамана Ермака, но упорствовать не осмелился, сказал, что посланец князей Карачи и Бегиша постарается довести послание и ясак русскому царю в полной сохранности. Казацкий вожак поинтересовался, имеют ли люди князя Карачи с собой пропитание, потому как по ранней весне в Кашлык не от всех подданных великого государя поступил ясак и прокорм, но ухой и жареной рыбой их могут накормить досыта. Татары ответили, что пропитанием они запаслись.

– Коли так, то мурзе Таймасу нет резона долго засиживаться в Кашлыке, – твердо заявил атаман. – Теперь же осмотрю мешки с ясаком, после обеда снарядим струг покрепче, а поутру плыть ему со всяким бережением от сорванного водой льда. А о том, чтобы дать князю Караче казаков в подмогу и идти совокупно против бухарского завоевателя Кучума, о том узнаете завтра, после решения войскового круга. Такие дела я один решать не волен. – Атаман Ермак обернулся к Матвею Мещеряку, попросил: – Ты, Матюша, освободи свою избу от казаков, потеснитесь покудова в иные землянки, а княжича Бекбулата с мурзами и ясаком поместим под надежной крышей – не ночевать же им в поле, на сырой с зимы земле. То с руки рядовым ратникам, они привычные.

Матвей нахмурил густые русые брови, негромко проворчал, чтобы татарские переговорщики не расслышали:

– Там самое было бы им место – в сырой земле! Ишь, как приперла нужда, так за ратной помощью прибежали, вспомнили про свою былую волю. Отчего в позапрошлом году, когда мы лезли на кручу Чувашского мыса, он не ударил по ставке Кучума? Мог ведь и самого хана в крепкие руки ухватить да нам передать!

– Не ударил, потому как не чаял нашего верха в том сражении. А теперь видит слабость кучумовского воинства, решил избавиться от бухарского находника, былую власть мыслит вернуть себе над своими землями. Да бог с ним, с Карачей! Коль верно будет служить московскому царю, будет иметь от него милость. Ну, иди, Матюша, устраивай княжича и мурз на ночлег. А иным воинам развести костры за городским валом. Да повели казакам досмотр иметь за ними крепкий, чтоб порухи какой войску не учинилось. Мало какая лисица, забравшись в курятник на ночь, будет спокойно спать, клубочком свернувшись, всенепременно захочет горячей курятинкой поужинать! Потом приходи ко мне, будем со старыми казаками совет держать, что да как на войсковом круге казакам сказывать.

А я сам повелю Ивану Кольцу крепкий досмотр за гостями иметь да дальние караулы вокруг Кашлыка устроить. Вестимо еще от стариков, что Господь милостив да бес проказлив. А потому, слову татарскому верь, да закрытой в избу держи дверь. Не так ли? Вот уйдет татарское посольство в Москву, тогда и поверим в добрые намерения князей! – Атаман Ермак усмехнулся и баранью шапку с красным атласным верхом сдвинул на затылок, освободив со лба кудрявые черные волосы. И не заметили атаманы, что ближе стоявший из всех татар их морщинистый и безбородый толмач, отвернувшись, криво сжал тонкие губы и что-то неслышно пробормотал, поспешно отходя подальше, вслед за княжичем и мурзами.

Ранним туманным утром от кручи под Кашлыком, остерегаясь натолкнуться на крупные льдины, отошел струг под веслами. Посланец князей Карачи и Бегиша, мурза Таймас, взял с собой двадцать человек, чтобы было кому сидеть на веслах, хотя практически весь путь по Иртышу и Оби до устья Собы идти им по течению, перейти Камень и рекой Усой выйти к Печоре.

Удалив из Кашлыка княжича Бекбулата и его свиту с просьбой ждать решения казачьего круга в поле, благо день выдался тихим и солнечным, воинство Ермака собралось у минарета на небольшой площади перед ханским дворцом решать – давать ли помощь князю Караче или отказать. Долго казаки спорили, высказывая правдивые упреки татарским князьям в том, что так супротивничали им и у ханской столицы, и на озере Абалаке, и в Пелымском крае, но к единому мнению так и не пришли.

– Говори ты, атаман Ермак! Ты над нами по выбору старший атаман, твое слово и будет последним. Каковы твои резоны? – уловив миг, когда спорщики притомились кричать, громко высказался старец Еремей, его поддержали другие голоса:

– Верна-а молвил старец!

– Скажи свое суждение, атаман, а мы покумекаем!

– Все едино не всякий думает, как его сосед, отчего чужая баба рыжего парнишку принесла!

Казачий предводитель поднял правую руку, и круг быстро утих, ожидая, что он скажет.

– Тяжкое лихо роковым образом пало на наше товарищество минувшей зимой, братья-казаки! Не стрела татарская, не сабля ногайская скосила наших товарищей и присланных нам в подмогу стрельцов. Лютая голодная смерть уложила в сырую землю Карачинова острова, осталось нас всего ничего, и полных двух сотен не насчитать вместе со стрельцами головы Ивана Глухова. Сам бог велит нам в таком разе беречь каждого казака и стрельца, не ввязываться в сражения с Кучумом. И коль скоро клянутся князья Карача и Бегиш выйти из-под воли кучумовой и преклониться со своими людьми под руку царя московского, то грех нам не помочь им хотя бы малой ратной силой, а остальные в Кашлыке останутся ясак собирать государев да готовить приличный запас снеди разной, потому как уверен, к осени непременно придут к нам новые и более крепкие ратные силы. Но кто знает, не отправила бы Боярская Дума сызнова стрельцов, в одних кафтанах да портках, с тремя сухарями в котомках, не упредив, каково здесь с пропитанием среди чуждых пока что народцев!

Среди казаков прошел глухой рокот, кто остался жив, вспомнили, как зимой, спасая стрельцов от голода, делились последним сухарем, последней сушеной рыбиной, в лютый мороз уходили в лес стрелять зверя или ловить подо льдом рыбу и, обессиленные, замерзали в зарослях или на льду Тобола, а пурга заносила их тела холодными снежными сугробами...

– Я думаю, братья-казаки, – сказал в конце своего выступления Ермак, стараясь заглянуть в глаза каждому, кто стоял перед ним в эту сложную минуту, – что князья Карача и Бегиш с нашей помощью сумеют удержать хана Кучума в верховьях Иртыша, а мы тем часом, как говорится, дух переведем после зимовки и с силами соберемся. Так любо ли вам, братья-казаки, с согласия всего товарищества послать подмогу князьям Караче и Бегишу супротив Кучума?

Круг выслушал атамана и дружно произнес свое решение:

– Любо, атаман!
– Слать подмогу Караче, пусть супротивничает Кучуму!
– Мы в его улусе стоим, будет верно служить – вернет себе земли из-под бухарского чужака!

Атаман Ермак поднял правую руку с серебром отделанной булавой, голоса постепенно затихли. Всматриваясь в исхудавшие за зиму лица казаков и стрельцов, которых также пригласили на войсковой круг, он с болью в душе – и в который раз! – мысленно послал проклятие тем, кто так необдуманно отправил воеводу князя Волховского в неведомые края без должного напутствия беречь в дороге провиант и воинское снаряжение, потому как такого здесь добыть скоро не удастся.

«Будь у меня теперь под рукой пять сотен казаков да три сотни стрельцов – бегал бы от нас хан Кучумка по сибирским просторам шустрее серого зайца, который спасает свою шкуру от матерого волка!» – с горечью подумал атаман Ермак и подытожил общее решение:

– По слову всего товарищества пошлем князю Караче подмогу. Дело это не простое, братья-казаки, и походным атаманом надобно отправить человека бывалого, который знал бы и ратное дело, и сноровку в переговорах, случись вести таковые с Кучумом или с какими другими князьями: может ведь и такое статься, что вслед Караче и Бегишу еще кто из них поймееет храбрость вывернуться из-под ку- чумовского сапога! Так кого пошлем, казаки?

После короткого затишья – всяк прикидывал про себя имя будущего походного атамана, с которым, быть может, и ему придется пойти в опасный путь – круг, заглушая другие имена, дружно прокричал того, кого и сам Ермак мыслил послать к Караче:

– Атамана Ивана Кольцо!
– Разумен драться со степняками!
– Ногайцев громил на Волге лихо, и по сию пору спины чешут!
– Истинно! Ивана слать с казаками!

Атаман Иван Кольцо, старший над «воровскими» казаками, как объявили их московские бояре, еще недавно успешно наказывал ногайских налетчиков на российские окраины. Особой остроты война с ногайской ордой достигла весной 1581 года, когда пятнадцатитысячное войско хана Уруса вторглось в российские пределы. По указу царя Ивана Грозного 5 мая Боярская дума приняла решение срочно отправить посланца на Волгу, чтобы волжские казаки предприняли активные действия против ногайских отрядов, особенно против тех, кто возвращался с Руси, имея пленных и награбленное добро. Казаки Ивана Кольцо дважды громили ногайцев – в августе у реки Самары на переправе, а затем и тех, кто возвращался из-под Темникова. Через малое время казаки общими силами разгромили и сожгли столицу хана Уруса Сарайчик. Эти поражения от казаков заставили ногайских князей и мурз отказаться от активных военных действий на южных рубежах России и просить московского царя «унять» казаков... Прошло несколько лет, и вот теперь, уже в Сибири, бывшим «воровским» казакам предстояло опять сойтись с татарским войском хана Кучума, где изрядное число воинов было из ногайских улусов.

Иван Кольцо снял серую баранью шапку, обнажил крупную, со лба облысевшую голову. Лицо с дважды рубленной левой щекой было строгим – его редко видели смеющимся, разве только тогда, когда враг, спасаясь, вздымал пыль в степи, унося голову от лихой казацкой сабли.

– Благодарствую, товарищество казацкое и стрелецкое, за доверие. Послужим Руси, а хану Кучуму подкинем горячих угольков под широкий зад, чтобы впредь не отваживался набеги чинить на наши селения и городки за Камнем, как это делал его старший сын Алей недавними годами назад. Со мной пойдут мои казаки, думаю, сорока человек будет в пору. Возьмем по две пищаля каждому и свинца с порохом впрок!

– Так и порешим, братья-казаки. Матвей, подай знак княжичу Бекбулату и мурзе Кутугаю одним въехать в Кашлык, выслушать решение казацкого круга, – попросил атаман Ермак

Матвея Мещеряка, и тот скорым шагом поспешил из ханского городка в поле, где, держа коней под седлами, около голого еще по весне дуба у костра сидели и стояли воины князя Карачи. Приметив идущего к ним Мещеряка, Кутугай вышел из круга татар и поспешил навстречу, шагах в шестидесяти от дерева остановился, с легким поклоном спросил, пытливо посмотрев в глаза казацкому атаману, стараясь угадать решение атамана Ермака:

– Идет казак к нам князя Карача?

Без толмача Еропкина Матвей не мог толком объяснить мурзе суть дела, потому жестом руки сделал знак в сторону Кашлыка, добавив несколько слов:

– Идет! Зови к атаману Бекбулата!

Мурза крикнул что-то своим воинам, к ним подъехали верхом три бородатых татарина, слезли и протянули поводья один мурзе, другой Матвею. Княжич Бекбулат подъехал на роскошно убранном сбруей и покрывалом белом коне.

– Добро, так быстрее доедем, – улыбнулся атаман Мещеряк, вдел ногу в стремя и легко поднялся в седло.

Пока Матвей Мещеряк ходил за татарами, казаки покинули круг и разошлись по землянкам и избам. У крыльца дожидаться посланника князя Карачи остались трое – атаман Ермак, Иван Кольцо да русоволосый толмач Микула, который зябко поеживался в толстом кафтане на свежем ветру с полуночной стороны – истощавшее за зиму тело и в одежде не держало тепло.

Княжич Бекбулат приложил правую руку к груди, с легким поклоном головы через толмача Микулу спросил:

– Что сказать мне князю Караче, атаман? Согласен ли ты выступить в поход против общего врага – незаконного хана Кучума?

Медленными движениями ладоней атаман Ермак огладил волнистую бороду, не торопясь, словно все еще обдумывая принимаемое решение, ответил княжичу, пристально всматриваясь в его черные раскосые глаза:

– Микула, перескажи княжичу, что казацкое товарищество согласно послать Караче ратную подмогу. Поведет казаков атаман Иван Кольцо. Да плохо дело в том, что казаки наши пешие, пришли мы на хана Кучума в стругах, а он по степи бежит, словно сайгак, за ним трудно угнаться!

Скуластое, с длинными отвислыми усами лицо княжича озарилось радостной улыбкой, сверкнули крупные белые зубы.

Микула едва успевал пересказывать торопливую речь молодого татарина:

– Князь Карача в ожидании непременно доброго согласия нашего повелел пригнать сюда табун коней в сто голов. Пушай наши казаки берут их себе, они уже с седлами. Мурза Кутугай готов дать знак своим людишкам, они пригонят коней к Кашлыку безмешкотно. Князю в большую радость будет принять сотню казаков в своем теперешнем становище у Бегишева городка. Карача уже договорился с князем Бегишем о совместном выступлении против Кучумки-хана.

– Доброе дело сотворит князь Бегиш, коль примет участие со своими воинами в походе. Сколь велико его воинство? – спросил атаман Ермак, поглядывая в дальний край ханского городка, где размещался со своими ратными товарищами атаман Кольцо. У трех длинных срубовых построек большой толпой гомонили казаки, прощаясь с теми, кто должен был покинуть Кашлык.

Только на миг задумался княжич Бекбулат на вопрос атамана, потом как бы через силу сообщил, что у князя Бегиша наберется до полутысячи сабель.

– Добро! Прикажи, мурза Кутугай, коней пригнать к городку, а казаки тем часом соберутся в дальнюю дорогу.

Уложив в приседельные мешки провиант и ратный припас на возможно многие баталии с кучумовскими отрядами, Иван Кольцо вывел своих казаков за ров Кашлыка, куда по слову мурзы Кутугая пригнали табун оседланных коней. Не зная, сколько человек пошлет с

ними атаман Ермак, татары привели весь табун, но когда увидели, что с Иваном Кольцо всего сорок казаков, гримаса досады застыла на лице княжича Бекбулата, мурза Кутугай даже плетью хлестнул себя по правому сапогу.

– Что лопочет княжич, Микула? Чем недоволен, спроси.

Заранее догадываясь о причине татарского неудовольствия, толмач Микула не без злораства задал эти вопросы молодому Караче.

– Великий атаман, глаголет сей княжич, – перевел ответ татарина толмач, – посылает в помощь князю Караче так мало воинов. Что могут сделать они против многотысячного войска Кучума? Князь Карача хотел бы иметь в своем стане сто и больше твоих людей! Ишь, басурман, чего захотел! – от себя добавил толмач и мотнул головой. – Можно подумать, хочет побить Кучумку только нашими казаками, а сам будет сидеть за бугром да баранину жарить на кострах!

Атаман Ермак тихо засмеялся на эти рассуждения толмача, развел руками и сказал:

– Скажи княжичу, что часть войска нашего ушла на север против пелымского князя, союзника Кучума. Когда прибудет от Карачи гонец и сообщит, что их отряды уже собрались выйти супротив Кучума, тогда и я со всей ратью приду в его улус и вместе погоним хана в дикие степи, ежели не изловим в каком-нибудь сражении, как Маметкула. Казаков посылаю сорок человек с лучшим атаманом, каждый из них в бою десятерых стоит, о том вы хорошо знаете! – как бы ненароком напомнив это татарам, добавил атаман Ермак. И тут у него едва не слетел с языка вопрос: не встречались им, сюда идучи от Бегишева городка, пятеро казаков на повозке, но что-то удержало.

«Через день-два возвратится есаул», – успокоил себя атаман Ермак, от моста через ров поглядывая, как казаки Ивана Кольцо уселись в седла и позади княжича и воинов поехали по тракту на юг, в сторону Бегишева городка, до которого было верст сорок, не более.

– Только бы все обошлось, – неожиданно тихо проговорил рядом Матвей Мещеряк, и на вопросительный взгляд Ермака пояснил: – Ко вчерашним недругам поехали, а не на Москву калачами угощаться в блинных рядах!

Ермак помолчал, поджав губы, наблюдая, как конный отряд, обогнув глубокую балку с голым кустарником, постепенно ушел за лес, и только растревоженное воронье долго еще кружилось в том месте, словно сопровождая ушедших в чужое владение отважных казаков.

– Господь не выдаст, Кучум не съест! Иного выбора у нас пока нет, Матюша, как рассорить тутошних князьков с пришлым ханом! Иван не даст себя в обиду, случись какой ратной баталии быть со всей кучумовской армией! Да и недалеко до Бегишева городка. Ежели Кучум подступит неожиданно всей силой, мы на стругах живо придем на подмогу. У князей да с помощью казаков тоже сила немалая получается, в один день Бегишева городка хану не захватить!..

Знать бы атаманам, что беда грянет совсем не с той стороны, откуда они ждали ее...

Глава II. Око за око

Сполошный выстрел в ночи мигом поднял казаков с соломенных самодельных матрасов. Кашлык будто и не спал – каждый, схватив оружие, которое всегда было под рукой, побежал к тому месту на валу, где ему заранее определено быть по тревоге. Вдоль вала понеслись тревожные безответные вопросы:

– Кто всполошил нас?

– Откуда стреляли? В кого?

– Братцы, кто видел татарина? Где он?

– Дьявол его знает! Вона тьма какая! Вот вылезет луна на чистое место, оглядимся, как тот лис, в курятник забравшийся!

– Не смыкать глаз! Татарин во тьме и за пазуху незримо пролезет, тащи его потом оттуда!

Атамана Ермака в броне уже и при оружии на крыльце ханского дома перехватил Матвей Мещеряк, чьи казаки этой ночью были в караулах по валу вокруг Кашлыка. Запыхавшись от быстрой ходьбы, он взволнованно выговорил, оглядываясь, чтобы никого рядом не было:

– Недоброе известие, Ермак. Десятник Иванка Камышник при недолгом свете луны на стремнине Иртыша приметил струг, под парусом и на веслах. Скоро струг поравняется с Кашлыком. Идут так спешно, что Иванка смекнул – проскочить мимо нас норовят непримеченными. Вот десятник и всполошил нас выстрелом. Идем на береговой вал, сам увидишь. Право дело, кого может нести река в такую пору?

– Далеко тот струг от нас? – живо спросил Ермак, скорым шагом направляясь на вал вдоль берега Иртыша.

– Уже хорошо виден. Идут против течения не так быстро, хотя и при добром попутном ветре, – пояснил Матвей, стараясь не отстать от казацкого предводителя. – Интересно, кто бы это мог быть?

– А вот мы сейчас и поглядим, что за рыбаки на большом струге рыбку в Иртыше ночью гоняют! – бросил резким голосом атаман.

Казаки, которые были в карауле на иртышской круче, посторонились, десятник Иванка Камышник, прихрамывая на правую ногу, подошел и стволом пищаля указал на струг, который скользил по реке уже мимо Кашлыка и явно торопился уйти на юг непримеченным, хотя на нем, похоже, заметили сумятицу на валу.

– Собачий сын! – зло выругался Ермак, вытянул руку перед собой, словно можно было дотянуться до загадочного струга, и, ухватив за корму, подтянуть к кашлыцкому берегу.

И тут у Матвея Мещеряка молнией пронеслась в голове страшная догадка:

– Неужто... мурза Таймас... вспять поворотил? Но зачем?.. Всего-то три дня минуло, как вниз по Иртышу спустился от нас!..

– У здешних татар таких стругов отродясь не строилось! – резко выкрикнул атаман. – Это наш струг, мы сами его дали мурзе Таймасу! Ладно, ежели мурза чего-то обьелся да отдал аллаху своему пакостную душу или нечаянно в Иртыше утонул... Тогда почему к берегу не приткнулись, чтобы пояснить причину возврата! А ежели измену какую умыслили? А теперь торопятся в Бегишев городок к Караче? Из головы не идет думка – отчего есаул Яков Михайлов до сей поры не воротился? Где можно ездить уже целую неделю?

– В угон за стругом идти без пользы, до Бегишева городка успеют прежде нас догрести. Мурза уже вона куда ушел, а нам еще струги на воду с берегового песка стащить надобно, – с разочарованием выговорил Мещеряк и в великом огорчении развел руками.

– Струг не догонит, а легкий челн сможет, – рядом с атаманами подал хриплый голос десятник яицких казаков Ортюха Болдырев, высясь над Ермаком едва ли не на голову. – Доз-

воль, Ермак Тимофеевич, в угон пойти, сто чертей в печенку тому мурзе, чтоб не спалось спокойно!

– На челне вас десяток будет, а у мурзы вдвое больше воинов. В драку не лезьте, только проследите, как мурза будет в Бегишеве высаживаться. И особенно постарайтесь разведать, где теперь наши казаки с Иваном Кольцо. В Бегишеве или уже пошли с Карачей против казахских налетчиков? Днем и ночью мурза будет идти на веслах и под парусами по стремнине безбоязненно, а тебе, Ортюха, надо беречься, чтобы не заметили да не изловили. Нам теперь терять нельзя ни единого казака! Уразумел?

– Уразумел, Ермак Тимофеевич! Левым берегом Иртыша погоним, ближе к зарослям. Туман бы под утро лег на воду, так и вовсе было бы ладно! Так я пошел к воде, челн снимать с колышка?

– С Богом, Ортюха! Возьми пищалей по три на человека, зарядите их да холстом укройте от речной сырости, чтобы порох не напитался влагой, – приказал атаман Ермак и неожиданно добавил тихо, что его услышали только Матвей Мещеряк да Ортюха Болдырев, которые стояли совсем рядышком: – Теперь и за Ивана с товарищами душа разболелась – не в петлю ли татарской хитрости отпустили мы казаков?

Матвей в ответ лишь молча стиснул кулаки и ударил один о другой, а Ортюха насупил брови, зло бросил с угрозой:

– Ежели что с казаками учинят подлого – до гробовой доски икать будут со рвотой! Хоть под землю заройся Карача, а от казацкой сабли не упасется, сколько бы дней или годов минуло! Не мы, так другие пометят русские ратники, в том веру в душе имею твердо! Ну, пошли, казаки, к Иртышу, челн спустим и – в угон! Пищали да порох с пулями возьмите, как для долгой войны – береженого и бог бережет. Прощайте покудова, верьте, охулки не допустим!

Казаки из десятка Ортюхи Болдырева, обвешанные оружием, бережно спустились извиистой тропой по круче правого берега, там им товарищи уже на руках снесли челн к воде, уселись и разобрали весла. Мещеряк, провожая казаков, сам проверил, цел ли парус и снасти – будет попутный ветер, так и под парусом можно будет идти. Потом посмотрел вверх по течению – струг мурзы Таймаса был далеко, и юркий челн с него вряд ли разглядят, тем более что по воде туг и там плыли смытые с берегов могучие стволы деревьев, льдины группами или в одиночку.

– Ждите нас, Матвей, с вестями, что-нибудь да привезем! – обратился Ортюха Болдырев к своему атаману Мещеряку. И к другу своему Тимохе Приемышу: – Сядь за кормовое весло. Навались, ребята! Гребите так, будто за вами гонятся воеводские ярыжки⁴ изловить и на деревьях поразвесить, чтоб кафтаны после дождей просушились! Перейдем Иртыш да и погоним за мурзой, как борзые за зайцем! Мне бы только руками дотянуться до татарина, а уж его трясти буду похлеще, чем голодный нищий трясет пустую торбу в надежде добыть хотя бы одну полушку!⁵

Почти квадратная фигура широченного в плечах Тимохи Приемыша заняла едва не всю кормовую доску челна. Казаки, уложив пищали в носовой части и укрыв их сухим рядном, разобрали весла, и челн, раскачиваясь на боковой волне – сырой и прохладный ветер гнал ее с севера, – быстро пошел поперек реки. Ортюха присел на край рядна на носу челна и следил за водой, чтобы ненароком не наскочить на притопленное дерево, то и дело подавал команды гребцам и кормчему Тимохе, как грести да куда подвернуть челн, чтобы идти возможно ближе к низкому, голыми пока что лесами поросшему левому берегу Иртыша. Под утро струг мурзы Таймаса почти нагнали и за легким туманом над водой двое суток из-за льдин сопровождали до самого Бегишева городка, который, как и бывшая ханская столица, располагался на крутом

⁴ Ярыжка – низший полицейский служитель.

⁵ Полушка – мелкая медная монета в четверть копейки.

правом берегу, а неподалеку широкая лощина давала возможность довольно удобному подходу к реке – казаки издали сумели разглядеть большой табун лошадей, которых пригнали на водопой.

Струг Таймаса приткнулся к берегу как раз у начала лощины, почти все татары с него сошли на песок и долго разминали ноги, прежде чем гурьбой стали подниматься вверх, чтобы обойти кручу и по удобной дороге подняться в городок. Ортюха Болдырев, укрыв челн у самого берега под нависшим над водой деревом, через Иртыш наблюдал за татарами, которых на круче при появлении струга объявилось довольно много. Иные из них криками и взмахами шапок еще издали приветствовали появление мурзы Таймаса на полоске песка у воды – его синий халат ярко выделялся на фоне желтого глиноземного обрыва и среди серых однообразных халатов воинов.

– Дьявол козлобородый! – процедил сквозь зубы Ортюха, не оглядываясь на Тимоху Приемыша, который тихо ругался за его спиной. – Кабы и в самом деле посылал князь Карача своего мурзу к царю в Москву, то не радовались бы так столь поспешному и необъяснимому его возвращению! Стало быть... – и умолк, словно боялся высказать пришедшую на ум страшную догадку.

– Стало быть, – договорил за него со злостью Тимоха, – татары знали, что мурза возвратится в Бегишев городок к Караче через несколько дней! И его слова о грамоте князей в готовности служить Руси – сплошной обман. Обошли они нашего атамана, туману напустили в голову льстивыми словами о своей якобы вражде хану Кучуму! Эх, какую оплошку мы сотворили!

– Боже праведный! – От резких слов друга у Ортюхи в голове звон пошел, а на глаза словно легкая пелена легла – так у него случается всякий раз, когда нерадостное сообщение неожиданно обрушивается с какой-нибудь стороны. – Что же с казаками Ивана Кольцо стало? Неужто своей волей влезли на кухню самого дьявола? Неужто вправду говорят старики, что на грехи ума не напасешься? Неужто перехитрил нас злопакостник Карача, сто чертей ему в печенки, а?

Со скамьи подал голос казак Федотка Цыбуля, молодой еще годами, выходец из Украины. Он бежал на Дон от польского пана из-под Полтавы, убоявшись угодить под плети за то, что по недосмотру несколько коров наелись дурной травы, вспучились животами и подошли.

– Думается мне, Ортюха, надо повечерью подсунуться под Бегишев городок да и поглядеть, там наши казаки альбо нет их? Что-то я на круче ни одного своего казака не приметил, все сплошь татары.

– Так и сделаем, братцы! – проговорил хрипло Ортюха, и вид его выражал крайнюю озабоченность всем, что успел приметить. – Эх, теперь влезть бы нам всем войском в это подлое городище да перекумиться саблями с карачатами!.. Спать будем по очереди, а по трое со мной да с Тимохой стеречь челн и наши головы от случайного наскока татар. Глядеть надо и за рекой, и за лесом, чтобы со спины не налетели толпой. Пищали разобрать по три и держать при себе неотлучно. По нужде на берег сходить тако же втроем, ради бережения. Боже праведный, спаси наших товарищей... ежели они еще живы, – молил бога Ортюха. Надвинув баранью шапку по самые брови, он остался с двумя казаками доглядывать за Бегишевым городком – отсюда видна была верхняя часть каменного минарета, крыша просторного дома князя Бегиша, хозяйские и жилые постройки. Просторные юрты виднелись только макушками – невысокий вал по берегу Иртыша вовсе скрывал все остальное, в том числе и людей, которые там находились. Легкое облако сизого дыма поднималось в дальнем невидимом с реки углу городка, словно там был разведен большой жаркий костер. Ветерок сносил дым на юг, в сторону лощины, где справа на выпасе по молоденькой траве ходил большой, в несколько сот голов, конский табун, и охрана верхом то и дело мелькала у обрыва. На валу городка маячили три воина, по углам и в середине,

доглядывая за всем, что плыло по недавно вскрывшемуся Иртышу – смытые с корнями деревья, груды лесного мусора, большие и малые льдины, оторванные водой от береговой кромки.

«Стерегут себя татары, опасаются налета казаков, – отметил про себя Ортюха, умачиваясь на передней скамье челна поудобнее. – Стало быть, есть к тому причина, поневоле чешется затылок, как у блудливой кошки, что слизнула сметану с горшка! Не видать мне Руси святой, ежели не дознаюсь, чту сотворили клятые князья с нашими казаками! Верные вести привезу атаману! Эх, кабы знать заранее, что у подлого мурзы Таймаса раздвоенный змеиный язык, так отрубили бы вместе с головой напрочь! А теперь казись, Ортюха, в темном неведении, пока не узнаешь истины... радостной или горькой!

Часа три прошли спокойно, если не считать того, что к Бегишеву городку подъезжали и отъезжали в степь конные татары, по двое и по трое. Очевидно, князь Карача рассылал куда-то посыльщиков с важными новостями, и в наступившие сумерки, когда на воде трудно было приметить челн со стороны правого берега, Ортюха Болдырев решил действовать.

– Тимоха, садись за рулевое весло. Братцы, толкайтесь веслами в дно, выбираемся из этой берлоги, будет нам здесь отлеживаться! Вот та-ак, добро! Теперь за весла! – командовал Ортюха, руками поднимая над головой тяжелые и сырые ветки дерева, за которым укрывались почти весь день. – Тимоха, правь челн вправо, пройдем малость вверх, а потом погребем поперек Иртыша. Нас аккуратно снесет течением к ложбинке городка, там и вылезем на берег, поднимемся под теплый бок спящего татарина! Эх, знать бы, сон тот – как у праведников альбо как у великих грешников? – И сам себе добавил: – Скоро узнаем, не будем заранее рвать себе душу черными думами!

Несколько раз успешно разминулись со льдинами и огромными деревьями, пока шли против течения, а потом и наискось через темный Иртыш. Ортюха на передке доглядывал и за водой, за берегом, когда приблизились к круче шагов на пятьдесят – не выставил ли князь Карача, если он и в самом деле теперь соединил свои войска с войском князя Бегиша, дальние дозоры по речному берегу? Но сторожевых костров не видно, и челн никто не окликнул.

– Тимоха, правь к ложбинке, покудова поблизости нет плывущих деревьев! Видишь, глубокая вымоина в берегу? Туда и ткнемся! Тихо гребите, братцы, а то наша посудинка расколется себе нос о землю. Дай-ка мне багор, Митяй, упрись в твердь! – Ортюха осторожно уткнул длинный багор в твердую стенку обрыва, потом ловко ухватил крюком обнаженный корень старого клена, росшего над вымоиной, – еще два-три половодья, и этот столетний гигант рухнет в воду, Иртыш понесет его далеко на север, до Оби, а потом, быть может, и до Ледовитого океана, если прежде не застрянет где-нибудь в мелкой заводи.

– Федотка, возьми канат, привяжи челн к корневищу! Тут и притаимся, а место удобное, с кручи челн не враз можно приметить.

Ловкий Федотка уверенно прошел на нос, и пока Ортюха держался багром за корень, притянул суденышко к берегу вплотную, завязал надежные узлы на скамье и на оголенном, в руку толщиной, ответвлении корня.

– Вот и славно, – тихо выговорил с хрипотцой Ортюха, видя, как челн повернуло течением и прижало левым бортом к берегу. – Теперь сделаем так: со мной пойдут Федотка и ты, Митяй. – Ортюха назвал еще одного молодого казака, на лице которого только-только начала кучерявиться русая борода и почти неприметные усы. – Берем по пицали. Ты, Тимоха, с казаками и со всем оружием вылезете на берег и заляжете кругом около этого дерева и будьте готовы отбить татар, ежели они кинутся за нами в угон.

– А ты что надумал, Ортюха? – спросил шепотом Тимоха, поглядывая на спящий городок и на редкие костры, которые горели на валу, обращенном в сторону степи: самих костров не разглядеть из-под берега, но ветерок повернулся и нес дым в направлении реки.

– А вот хочу поглядеть, как Федотка с арканом управляется. Хвастал намерении, что диких коней на скаку за шею ловил и тем укрощал их, – отшутился Ортюха, но Тимоха понял десят-

ника, поостерег, чтобы береглись и сами – татары также лихо хватают арканами не только коней, но и наездников, так что и на земле очутиться можно, полузадушенным и без шапки, оброченной в бурьяне!

– Наш бог милостив, – ответил Ортюха, ухватился обеими руками за обнаженный корень и легко и взобрался наверх, оглядел правый склон ложбины, дальний от городка – вокруг не видно ни души, только частые густые кусты, лишенные пока что зеленых листьев. Земля влажная, холодная. Не жаркое по весне солнце растопило снег, прогрело южные склоны, но в ложбинах, обращенных вершиной к северу, как эта, было довольно прохладно. Ортюха подождал, когда к нему поднимутся молодые казаки, привстал на корточки и так, по-гусиному, поковылял вверх по склону, стараясь не задевать веток кустарника. Казаки, молча улыбаясь за спиной десятника, таким же гусиным шагом последовали за ним, поглядывая один влево, на городок, другой вправо, на срез лощины, чтобы оттуда нечаянно не наскочили карачинские или бегишевские ратники. Но было тихо в ночи. В городке изредка лаяли собаки, а впереди и справа легкий ветерок не доносил пока что даже пофыркивание лошадей из табуна, который казаки видели днем. Должно быть, отогнали от берега на ту сторону ложбины, ближе к городку...

«Учил нас атаман Ермак, что ежели удалось врага напугать – считай, победил. А ежели обхитрил – наполовину дело сделал! Напугать Карачу и Бегиша мне с этими молодыми казаками вряд ли удастся, а вот попробовать обхитрить? Что делает голодный волк у овечьего стада? Караулит роковую овцу! И у казака выдержки не меньше, чем у голодного волка. Топор своего дорубится, тако же и я теперь своего часа не должен упустить!» – Ортюха оглянулся на молодых товарищей – сопят и побрякивают, не привыкли ходить вприсядку, ноги затекают. Дал знак лечь на прошлогоднюю траву и передохнуть несколько минут.

– Малость пересопнем и подкрадемся к городку. Может, там отыщем роковую овцу, отбившуюся от общей кучи, – прошептал Ортюха, когда оба казака придвинулись к нему вплотную. – Где-то неподалеку от верха ложбины должна быть дорога, по которой днем беспрестанно скакали туда-сюда верхоконные. Один бы такой всадник куда как и нам пригодился покалякать по душам!

Дорогу отыскивали буквально в ста шагах от того места, где отдыхали – она пересекала ложбину, глубиной в этом месте не менее четырех аршин⁶, так что даже всадника на коне из городка разглядеть будет нелегко в этом месте, где лощина далее к востоку от Иртыша постепенно переходила в длинный извилистый овраг.

– Хорошее место для засады, – решил Ортюха, осматривая овраг и дорогу. – Быть того не может, чтобы за ночь ихний аллах кого-нибудь да не послал нам в подарок! Подыщем кустики погуше.

– А если погонят сильную команду? Управимся ли? – спросил Митяй без тени робости в голосе, словно разговор шел не о возможном количестве врагов, а о блинах на тарелке в дни Масленицы.

– Одолеем и большую команду, ну ежели только не в сотню татарских конников, – с улыбкой ответил Ортюха. – Федотка, сруби-ка мне два крепких колышка. Вот из этого молодого деревца. Митяй, дай-ка сюда свой аркан, хватит ему без дела болтаться на поясе.

Митяй снял с петельки аркан, протянул его десятнику, не понимая еще, что именно тот задумал, но когда Федотка срубил из дерева саблей и заточил два крепких колышка в поларшина каждый, смекнул, в чем была задумка бывалого казака.

– Учитесь у стариков, малолетки, в схватках со степняками и вам может сгодиться такой прием валить всадника на землю! Федотка, бери вот этот камень в полпуда, а ты, Митяй, держи колья. Заколотим по обе стороны дороги да арканом перетянем поперек. Хотя конь и на четы-

⁶ Аршин – 0,71 м.

рех ногах, да не устоит! А лежачего татарина можно голыми руками брать, ежели только сам не разиня и смекалку добрую имеешь.

Колья вбили с трудом – на глубине более пяти вершков⁷ земля еще слабо оттаяла, но аркан натянулся крепко, над дорогой на ступню ноги, не более. Проверив надежность кольев, Ортюха распорядился:

– Теперь сами схоронимся хорошенько, так, чтобы не выдать своего места. Вот в этих кустах засядем. А чтобы и вовсе было хорошо, Митяй, сруби вон те дальние кусты, а эти мы теми ветками загустим, чтобы и просветов больших не было.

Работали казаки сноровисто, знали, что от этого зависит исход задуманной засады – удастся дело, так уйдут счастливо, не удастся, сами могут оказаться в руках лютых недругов. И тогда уж князь Карача не поскупится на плети, допытываясь об истинном числе казачьего войска да о замыслах русского «атамана-визиря».

Первым в сторожа пошел сам Ортюха. Он поднялся на склон оврага в сторону Бегишева городка, где у края, ближнего к степи, по-прежнему виднелось небольшое зарево, словно там догорал зачем-то разведенный огромный костер.

– Интересно, зачем в городке разводить такой огонь? На нем не только барана, а и целого быка легко можно зажарить, – пробормотал удивленный Ортюха. – Сторожевые огни вона, цепочкой вдоль вала – это понятно. Должно, пожар нечаянно случился, какой-то сруб сгорел! Если с ясаком от населения – убыток для Бегиша немалый! Ну и бес с ним, и мы не с пирогами к нему подлезли. – Ортюха поглядывал на дорогу в оба конца – кто знает, откуда объявятся татарские гонцы. Однако утром и днем больше всего покидали городок от князя Бегиша, или от Карачи, если только он и сам уже в гостях у своего сродственника. А может и так, что Бегиш, погубив казаков Ивана Кольцо, теперь сносится гонцами с Карачей, который к зиме откочевал, как сказывали верные атаману князьки, до реки Ишим и далее, до реки Шиш.

«Жаль, земля сырая, конского топота, ухо приложив к дороге, издали не расслышишь, – подумал Ортюха, вытянувшись на подсохшей за день прошлогодней траве. Глянул вверх – серое и бескрайнее небо было сплошь затянуто облаками, еще больше сгущая полуночную тьму. – Как бы дождь не полил, – невольно поежился десятник. – Земля еще сыроватая, да ежели вода с небес польется...» – и тут же мысли о погоде прервались сами собой – справа, из-за лесистого холма, в сотне саженей объявились две темные фигуры всадников. Над головами раскачивались пики, видны части луков и колчаны со стрелами.

«Дождались!» – мелькнула радостная мысль у Ортюхи и, не вставая даже на четвереньки, он лежа скатился вниз по склону, ткнул спящих казаков. Шепнул так, чтобы враз выветрился из головы сон:

– Готовсь, братцы! Татары скачут к городку!.. Будем брать. Да брать живыми, нам мертвецы и задаром не нужны, многого не скажут!

– Сколько их? – спросил Федотка, бесшумно вынимая саблю из ножен. То же самое сделал и Митяй, сел на корточки, чтобы удобно было вскочить на ноги и метнуться на врага.

– Двое, – ответил Ортюха. – Да сами берегитесь – свалившись на землю, татары могут успеть и за сабли схватиться. А среди них есть лихие рубаки, не потерять бы свои головы, чужие добывая, – предупредил Ортюха, хотя знал, что оба казака бывали уже не в одной рукопашной сшибке, не положат охулку на руку и в этот раз.

Всадники почти стремя в стремя объявились на правом срезе оврага и, должно быть, хорошо зная это место, не сбавляя конского галопа, пустили коней вниз... Вскрики и конское ржание, глухие удары упавших коней, дикий, душу раздирающий вопль одного из всадников – лошадь, рухнув на землю, перекатилась через спину и перемяла своему наезднику, должно быть, все кости.

⁷ Вершок – 4,4 см.

– За мной! – Ортюха Болдырев рванулся из кустов, в несколько прыжков очутился около упавших татар, успел заметить, как ближний к нему конник делает отчаянные попытки выдернуть ногу из-под коня. Вороной конь сам вскочил на ноги и, несомненно, уволок бы хозяина головой по земле, но Ортюха ударом сабли разрубил ремень, конь взбрыкнул и пустился почему-то не в сторону городка, а назад, к лесистым невысоким холмам. Второй татарин стоил, а над ним с обнаженной саблей стоял Федотка, не смоги сразу ударом клинка прервать его мучения.

– Брось его, сам отойдет к своему аллаху без соборования, – негромко проворчал Ортюха. – Хватайте этого, волочим к челну.

– Аркан заберем? – спросил Митяй, с содроганием в душе наблюдая за предсмертными судорогами изломанного при падении молодого, с тонкими усиками над широко раскрытым хрипящим ртом татарина, все реже и реже делающего последние вздохи...

– Некогда возиться с арканом, – отмахнулся Ортюха. – Может, еще кто голову себе сломает, нам только легче опосля будет! Да угомонись ты! – прошипел десятник в лицо длиннотного и на удивление пышнобородого татарина лет сорока, не менее. Митяй, сунь ему в пасть его собственную шапку, авось не задохнется от меха рыжей плутовки. Чтоб не заголосил еще раз, когда поволокем мимо городка. Руки за спиной его же поясом скрутите покрепче! Сделали? Тогда пошли скорее, не объявились бы другие всадники, за нами в угон пустятся!

Федотка и Митяй подхватили мычащего татарина и потащили его вниз к Иртышу, а Ортюха, пригибаясь, шел сзади шагах в тридцати, изготовив пицаль на случай появления преследователей. Вокруг было тихо, должно, караульные на валу городка не уловили крика всадника, перемятого конем, а теперь он и вовсе утих, должно быть, отдал душу своему аллаху.

У берега были минут через пятнадцать. Тимоха Приемыш, не скрывая радости, встретил добытчиков пленного тихим восклицанием, сгреб татарина за ворот теплого халата и, ногами свесив с обрыва, проговорил казакам в челне:

– Ловите нехристя! На дно челна положите. Давай, Ортюха, спускайся и ты со своими молодцами. Дело к утру, на Руси скоро вторые петухи заголосят спросонок. Надобно уйти подальше от этого места, могут и вослед нам кинуться. Днем видел я на песке под городком с десяток рыбацких челнов.

Ортюха отвязал канат от корневища, последним вскочил в челн и багром оттолкнулся от обрыва.

– Разобрали весла, братцы! Тимоха, садись за рулевое весло сызнава, погоним скорее к атаману! Пуцай спрос хороший учинит татарину, что случилось с нашими казаками.

Ортюха прошел на нос челна, чтобы следить за водой Иртыша, по которому по-прежнему плыли разновеликие обломки зимнего льда, деревья, а иногда неведь как попавшие в воду и вспухшие от долгого там пребывания конские трупы. Казаки осторожно вывели челн из береговой вымоины и погнали на стремнину, подальше от городка, и почти в то же время по лошине к реке вымчало десятка два всадников, криками и руганью провожая уходящий от берега челн.

– Укройте щитами, братцы! – криком предупредил казаков Ортюха и между гребцами поспешил на корму. – Кажись, они за луки берутся. Федотка, Митяй, взяли за пицали! Бейте по куче, авось отпадет охота стрелами кидаться! – И сам подхватил пицаль, которая стояла стволом вверх у кормовой скамьи, почти не целясь, выстрелил. За общими криками татар и ночными сумерками не мог понять, был ли выстрел удачным, но тут же поочередно выстрелили молодые казаки. Им начали передавать свои пицали другие гребцы, и пальба учинилась такая частая, что татары, похватав своих упавших на песок всадников, упились вверх по лошине, а на темной земле у берега осталось лежать пять или шесть лошадей. И только когда пальба утихла, до слуха десятника долетел сдерживаемый стон Тимохи. Во все это время он сидел спиной к берегу, и казаки не видели, что татарская стрела впилась ему в левое плечо чуть выше подмышки. Удар был настолько сильным, да и расстояние едва больше пятидесяти шагов,

что кольчуга не выдержала, одно из колец лопнуло, и стрела, потеряв былую скорость, вошла неглубоко. Еще с десятков стрел обнаружили воткнутыми в щиты, в корму челна, прочие, по словам гребцов, падали довольно близко от бортов.

– Стрелки с коней луки натягивали, потому и стрелы не так метко ложились, – пояснил Ортюха Болдырев, оглядываясь на Бегишев городок. – Тимоха, скинь кольчугу и кафтан, надо перевязать битое место, чтобы крови не ушло много. Митяй, садись за кормовое весло; шестеро гребут, а ты, Федотка, живо заряди пищали. Думается мне, что татары не раз попытаются догнать нас, отбить пленника и тем сохранить тайну о судьбе наших казаков.

– Пушай пытаются! Не всякий раз щуке удастся схватить жирного карася, иногда и колючий ерш попадает! – ответил Тимоха, стягивая с помощью десятника кольчугу, а потом и кафтан с рубахой, испачканной почти во весь бок теплой кровью. Ортюха из походной котомки достал узелок с лечебными травами, свернутую в тугой моток шириной с ладонь чистую белую холстину—у каждого казака такой запас на случай ранения имелся, – присыпал рану толченым чистотелом и кровохлебкой, наложил повязку, помог надеть чистую рубаху, на плечи накинул кафтан, чтобы Тимоха не застудился на свежем сыром ветру. После этого помог Федотке зарядить снова все тридцать пищалей и сам сел на кормовое весло, велел Митяю с носа челна следить за водой Иртыша.

Казаки гребли, помогая течению, челн шел быстро, нагоняя лениво идущие льдины, иные светло-белые, иные измазанные землей, с кучками прибрежного мусора из веток и смерзшихся листьев. Несколько раз нагоняли большие толстые льдины, которые загораживали Иртыш едва не на четверть его ширины, и тогда Митяй длинным багром упирался в лед, челн медленно обходил препятствие и снова старался идти стремниной, подальше от лесом поросших берегов.

На востоке заалел небосклон, розовые лучи солнца окрасили в теплый цвет спящие еще после зимы леса правобережья. Ортюха причалил челн к льдине, велел казакам поднять весла и дать телу роздых.

– Подкрепиться надобно, братцы, – полушутя распорядился десятник. – Кору не погладав, и зайцу от лисы не долго бегать! Покудова на спине этой льдинки путь продолжим, она просторная, расчистит нам дорогу от коряг. А вообще причудлива сия сибирская река – Иртыш! Днями вроде бы основной ледоход утих, а ныне опять с верховий льда нагнало! Должно, боковые сестрички ему свои зимние уютные кафтанчики, сбросив, одолжили до будущей зимы. Ну, это так, стариковское брюзжание. Тимоха, ты как себя чувствуешь? Рана не дергает, воспаляясь?

Тимоха Приемыш полулежал на правом боку борта челна, вытянув ноги по днищу, рядом с кормовой скамьей, голос Ортюхи вывел его из дремоты. Он прислушался к своей ране – болело, но боль была ровная, и это его успокоило.

– Заживет до свадьбы, первая она у меня, что ли? И, бог даст, не последняя, только бы голова не потерялась где-нибудь в бурьяне!

Ортюха протянул другу кусок вяленой оленины, слабо подсоленной—дар князя Бояра, привез еще по снегу, чем спас от голодной смерти не один десяток казаков. Казаки, не покидая челн, кто мясом, кто рыбой утолили голод, повздыхали, что в здешних краях население очень мало сеет ржи и пшеницы, отчего с хлебными припасами вовсе скудно, потому как зерно привозят большей частью из бухарских областей.

– Теперь, братцы, всем спать, ночь была бессонной. Я сам постерегу челн, – приказал Ортюха. – Уже довольно светло, небушко над головой от земли ввысь поднялось, покажется скоро и солнце. Льдина наша идет по стремнине, татары с берега на нее не заскочат. И за спиной пока погони на челнах не видно. Ежели какая опасность объявится – мигом подниму!

Казаки и без того валились от усталости, а на сытый желудок сон сморил их в пять минут. Ортюха уселся поудобнее на кормовой скамье, поглядывал больше на крутой правый берег Иртыша, где глинистые откосы сменялись покатыми ложбинами, по некоторым из них со сто-

роны степи текли бурные по весне ручьи. Стая ворон с громкими криками кружила над какой-то падалью, прибитой течением к берегу, рядом с грудой земли, недавно упавшей с обрыва. На краю этого холмика видны изломанные при падении кусты.

«Им дела нет, какой хан владеет Сибирью, – усмехнулся про себя Ортюха, поглядывая на ворон. – Как и нашим, все едино, какой боярин или воевода дерет с мужика или посадского по три шкуры на год! Оттого и бегут людишки на окраину, в казаки, думая здесь обрести волю и легкую жизнь. Да где она, эта воля? На Волге? На Яике, на Дону и Тереке опять же без царского снаряжения свинцом и порохом, хлебными припасами казакам не держать в узде ни крымского татарина, ни ногайских разбойных мурз, ни здешнего хана Кучума... Вона как вышло с воеводой Волховским – пришел без хлебного припаса, сам погиб, стрельцов сгубил да и стольких казаков за собой увел на тот свет!» Краем глаза Ортюха успел приметить, как на вершине пологого увала, где лес был редким, промелькнула группа всадников, человек пять или шесть, через время появились другие, гораздо в большем числе.

– Похоже, князь Карача или Бегиш за нами увязался, – довольно громко проговорил Ортюха. – Надеется, что мы где ни то приткнемся к берегу костер развести! Братцы, гоните от себя сладких баб, ежели таковые к вам притулились теплым боком! Другие гости пообок объявились! Митяй, бери багор, отпихивайся от льдины! Весла взяли! Обходим ее с левой стороны, правая слишком близко к берегу присунулась, опасно от лучников!

Казакам все же удалось поспать часа два, не меньше, живо разобрали весла и дружно принялись грести, огибая льдину, а потом погнали челн по довольно чистой воде.

– Жаль, ветер боковой, не задействуем парус, – подал голос Тимоха. Он привстал с днища и сел на кормовую скамью рядом с десятником. – Где ты приметил татар? Далеко?

– Вона на том безлесом гребне, – Ортюха волосатой рукой указал вправо, где между двумя лесными массивами виднелся увал, поросший отдельными голыми деревьями. – Там, должно, дорога пролегает от Кашлыка к Бегишеву городку.

– Много было татар? Неужто князь Карача со всем войском на атамана двинулся? А казаки ведь не чают беды! – заволновался Тимоха, по широкому рябому лицу прошла гримаса досады, ярко-синие глаза с прищуром уставились на берег. – Не успеем упредить Ермака!

Ортюха посмотрел на воду, на гребцов, потом на берег – хотел определить, быстро ли идет челн? Если его ход не меньше легкой рыси коня, то могут успеть – ведь лошадям надо будет давать роздых, пятьдесят с лишним верст по извилистой дороге больше, чем это же расстояние по прямой воде Иртыша.

– Татар я приметил до сотни, ежели только другие иным путем не выступили в обход Кашлыка с востока и к северу, чтобы обложить Кашлык со всех сторон. Братцы, не жалейте рук, гребите как можно сильнее!.. Где-то там бродит наш есаул Яшка Михайлов в досмотре за степью... ежели только не угодил в лапы татарскому князю, – вспомнил Ортюха отправленного для разведывания окрестностей ратного товарища, который почему-то не вернулся еще. – Ох, как надобно нам поскорее примчать в Кашлык с нашим уловленным татаринком для спроса! Чует мое сердце – дурное умыслил изменщик Карача! Разве что пнуть этого гонца в толстое пузо, может, теперь скажет, что сотворили с нашими товарищами? Да кто его поймет, коль лопотать примется! Ладно, ежели в бою погибли, а то... – И умолк, прервав свои горестные размышления на полуслове – впереди длинной полосой выстроились льдины, должно быть, натолкнулись ниже по течению у Кашлыка на лед, который вырвался на простор из верховий Тобола.

– Ах ты, дьявол, чем досадить нам умыслил, ерша колючего тебе в глотку! – ругнул нечистого Ортюха. Од привстал на ноги и, придерживаясь за плечо Тимохи, внимательно осмотрел водно-ледяное пространство впереди. – Надо же такому случиться именно сегодня!

– Крепкий затор? – забеспокоились казаки, перестав грести. Челн почти вплотную подошел к ледяному полю.

– Ежели полезем между льдинами, боюсь, затрут нас, а то и вовсе раздавят, как хрупкое яйцо, тогда только по дну Иртыша вниз по течению бежать... С правого берега видна небольшая полоса, сажень в шестьдесят, где вода о крутой берег упирается и отжимает лед к стремнину.

– Тогда поспешим в прогалину, – подсказал Тимоха, вытирая пот со лба снятой суковой шапкой.

– В том месте нас могут поджидать татары, – пояснил свою тревогу Ортюха. – Будь я на их месте, непременно весь берег закрыл бы лучниками.

– Шестьдесят сажень – не шестьдесят шагов, не так-то легко попасть в казака, укрытого за щитом. Да и ветер лучникам не с руки, вона, уже к югу малость отошел, будет сносить стрелы. – Тимоха тоже привстал, внимательно осмотрел правый берег – на обрыве среди густого леса всадников не видно. Глянул в нахмуренное лицо десятника: он над ними старший, ему и принимать решение. На нем и ответ за судьбу десятерых казаков.

– Рискнем проскочить! – решил Ортюха и тряхнул головой. – Навались, братцы! А татары выскочат ежели откуда, угостим их свинцовыми орешками до полной сытости!

Повернув челн вправо, быстро прошли вдоль препятствия, обогнули угол затора, и челн пошел вперед, по течению. Ортюха правил кормовым веслом так, чтобы их маленькое суденышко скользило по воде как можно дальше от берега и ближе к ледяному полю. Тимоха, которому грести нельзя было, с носа подсказывал, когда и в каком месте отвернуть от льда, едва видного из-под воды и потому особенно опасного. Прошли так вдоль кромки затора с версту, когда на небольшом мысу объявилось немалое число конных татар – они спустились с обрыва ближайшим оврагом и теперь потрясали над головами копиями и луками. Что-то кричали по-своему, но понять их было невозможно.

– Дождались нас, – буркнул со злостью Ортюха, и не понять было, огорчился ли десятник, или наоборот, рад очередной возможности схватиться с неприятелем, который своими действиями показывает, что все разговоры о мире с русским царем – сплошная уловка. – Наддай, братцы! Наберем скорость, а потом возьмемся за пищали! Тимоха, прими кормовое весло. Сможешь челн удержать так, чтобы его течением не развернуло носом к берегу? Тогда нам стрелять будет неудобно: поодиночке, а не залпами!

– Постараюсь, – тут же ответил Тимоха, занял место на кормовой скамье. – Готов, разбейте пищали.

– Палить в татар с правого борта по очереди, чтобы в одно тело не попадало по две, а то и три пули! Проверить затравку. Казакам левого борта заряжать пищали новыми зарядами без мешкотни. Зададим карачатам жару, братцы, век помнить будут, каково с нами играть в кошки-мышки! – Ортюха уверенным взглядом окинул свое «войско»: казаки бывалые, не дрогнут и перед большим татарским отрядом!

Пятеро стрелков с правого борта изготовили пищали, выставили рядом с собой добрые щиты, которые у казаков всегда были на стругах и челнах, чтобы укрываться от вражеских стрел, внимательно стали присматриваться к поведению врага.

– Татарские лодки! – Этот выкрик Федотки Цыбули с носа челна заставил Ортюху вздрогнуть. И тут же из-за мыса показались две плоскодонки, какими пользовались манси для плавания по Иртышу и для ловли рыбы. На правом берегу, чуть повыше от воды, открылось взору маленькое становище – три избушки, воткнутые в землю шесты и развешанные на жердях сети. Возле избушек толпились их обитатели, мужчины и подростки, наблюдая за тем, что происходит в неширокой протоке льдом забитого Иртыша.

– На перехват идут! – догадался Ортюха Болдырев, чувствуя, как от волнения напряглось все тело. – Ну, братцы, быть драке крепкой! Ежели сойдемся на сабли, тебе, Тимоха, оборонять пленника. Может статься, захотят его первым делом отбить!

– Не отобьют! Разве что прежде меня в куски изрубят, а это не холодные щи из миски хлебать! – зло выговорил Тимоха и клацнул тяжелой саблей в ножнах.

Ортюха прикинул расстояние до татарских лодок, командовал:

– По первой лодке, от носа первый Федотка – пали!

– Готов! – отозвался молодой казак, прицелился и выстрелил – до лодки татар было совсем близко, промахнуться практически невозможно, однако то, что челн слегка раскачивало, внесло свою поправку – пуля ударила в край борта, срикошетила, и передний гребец, бросив весло, волчком завертелся на месте.

– Пали! – командовал Ортюха. Выстрелы загремели с равными промежутками, казаки били метко, а выстрел самого десятника сбил с кормы татарина, который сидел за рулевым веслом. Спасая своих от частой стрельбы пищалей, конные татары быстро спешили и взяли за луки. Десятки стрел взвились в воздух, и команда Ортюхи – «Укройсь!» – была дана вовремя – в борт челна, в щиты, рядом в воду застучали и зафыркали тяжелые стрелы. В короткий промежуток, пока лучники доставали очередные стрелы и натягивали луки, Ортюха успел командовать своим казакам:

– Залпом по второй лодке – пали! Сменить пищали, залпом – пали! Укройсь!

По второй лодке казаки стреляли уже с расстояния в сорок шагов, и почти все пули нашли свою цель – половина гребцов свалилась, кто, вскочив на ноги, рухнул в воду, кто упал на дно лодки, битый насмерть или раненный. Второй и третий залп стрел с берега обрушился на челн, словно град на траву, густо и дробно, и если бы не выставленные щиты, теперь густо утыканные впившимися в них стрелами, многим казакам пришлось бы горько...

– Залпом по второй лодке – пали! Ишь, тако же за луки хватаются! – снова командовал Ортюха, видя, что старший там татарин все еще пытается идти на сближение с челном, имея на борту не менее двух десятков воинов. Первую лодку течением понесло к берегу, в заводь за мыском – в ней маячило уцелевших человек шесть-семь, не более, не считая раненых, лежащих на днище.

– Слава! – выкрикнул Тимоха, увидев, как очередным залпом из лодки выбило троих, в том числе и кормчего.

– Укройсь! – И через время вопрос казакам левого борта: – Пищали готовы? – Ортюха Болдырев успевал стрелять и следить не только за лодкой, но и за теми, кто стоял на берегу и вновь натягивал луки, не теряя надежды все-таки остановить казачий челн с пленником.

– Готовы! – отозвались заряжающие и протянули стрелкам пищали, сами снова, не поднимая голов над щитами, сноровисто начали заряжать еще каждый по стволу.

– По берегу, по очереди – пали!

Расстреляв тридцать пищалей по лодкам и вынудив лучников отказаться от нападения на челн, Ортюха решил весь огонь пищалей перевести по берегу. Правда, стрельба теперь была не столь частой, потому как перезарядка требовала не менее минуты времени, но урон татарам был ощутим, и конники, видя бесполезность своих усилий, вскочили в седла и отъехали к избушкам рыбаков.

– Зарядить все пищали! – приказал Ортюха Болдырев, глянул на лицевую сторону своего квадратного, в аршин высотой щита – не менее десятка стрел торчало в нем. – Все ли целы, братцы?

– Митяя легко в ногу задело, – отозвался Федотка Цыбуля. – Стрела между щитами проскользнула, портки порвала. Я перевяжу его, рана не глубокая, будто ножом чиркнуло.

– Мы у них десятка два, если не больше, до смерти подстрелили, – заметил Тимоха. Он поставил свой щит на дно челна и осторожно начал выдергивать торчащие в нем стрелы. На немой вопрос десятника, зачем он это делает, пояснил: – Стрелы крепкие, отдадим их нашим союзникам из манси, хотя бы и князю Бояру. Он будет рад, стрелы у них в большой цене.

– Добро, но стрелами займемся чуток попозже, – распорядился Ортюха. – За весла, братцы. Пищали держать у ног, погребли, пока протоку не закрыло вовсе! Ветер начинает теснить лед к правому берегу! Если вовсе придавит – худо нам будет, татары, видите, решили следом за нами по речному песку идти.

Вдоль затора челн шел еще версты две, после чего крупные льдины остались позади и появилась возможность, лавируя между более мелкими, отойти ближе к стремнине. Здесь Ортюха повелел поднять парус, взял длинный багор и перешел на нос челна, Тимохе поручил управлять кормовым веслом, а казакам вытащить из щитов неповрежденные стрелы, связать их в пучки по двадцать штук, после чего вытянуть ноги и руки да отдыхать.

– Будем надеяться, что подобных больших заторов до Кашлыка нам по дороге не встретится, – проворчал Ортюха, багром отпихивая в сторону очередную, не очень широкую льдину. – А конные татары поотстали, по песку лошадям не очень удобно идти, ноги грузнут. Теперь им выбираться на дорогу, где прочие всадники идут к нашему лагерю в ханской столице. Часок отдохнем, и в помощь парусу за весла сядем. Надобно скорее к атаману с этим пленником! Как он там, не умер от страха? С мертвого какой спрос, только на небе перед Аллахом за прошлые грехи каяться!

– Живой, боров жирный! – с кормы отозвался Тимоха. – Сопит да черными глазищами днище челна буравит! Доведем, с голоду не успеет подохнуть, пес некрещеный!

Кашлыка, с его сторожевыми кострами, достигли ближе к полуночи, затратив на путь от Бегишева городка целые сутки. Пальнули с челна, давая знать, что возвратились свои. Им с вала сполошным выстрелом отозвались караульные казаки, и через полчаса, втащив пленного в бывший зал ханского дома, Ортюха Болдырев предстал перед атаманом и есаулами. И первое, что спросил Ермак, мельком глянув на повязанного пленника, был тревожный вопрос, не потеряли ли казаки в этом походе кого-нибудь из товарищей.

– Все возвратились, атаман, только Тимоха да Митяй легко стрелами поранены. Татар пбили десятка два аль чуток побольше, во тьме некогда было считать. Кличь толмача, много скверны может поведать нам этот змей подколодный! – И Ортюха так зло глянул в лицо пленника, что тот отпятился на шаг и спиной прижался к стене просторной комнаты, в которой хан Кучум когда-то принимал послов и знатных гостей.

Помятый, потому как успел уже хорошенько вздремнуть, толмач Микула явился к атаману в сопровождении Матвея Мещеряка, зевнул во весь рот с немалым уроном в зубах, перекрестился и с поклоном спросил, уже догадываясь, зачем, увидев в комнате повязанного татарина:

– Звал, батюшка атаман? Ага-а, словлена заморская ворона! Спрос снимать будем?

– Попервой спроси, как зовут его да какому князю служит этот воин? – задал вопрос атаман Ермак, усаживаясь в просторное кресло, некогда служившее Кучуму тронem.

Шмыгнув носом, Микула перевел вопрос атамана, от себя добавил, что если пленник будет говорить честно, то его не станут окунать за ноги со струга головой в ледяную воду, пока он не станет корчиться в предсмертных судорогах. Татарин опустился перед атаманом на колени, заговорил, а Микула, выслушав, пересказал его слова:

– Зовут его Тягрулом, он из войска князя Карачи, а послан был в становище хана Кучума с известием, что князю Караче жестокой пыткой удалось узнать от пленного русского промысловика о великом голоде, который был в войске московского царя. Получается так, атаман, что татары изловили-таки есаула Якова и его казаков, до смерти замучили, изверги! Прознав о нашей беде, хитроумный Карача решил через ложное посольство выманить часть казаков из Кашлыка и напасть тогда, когда эти казаки не ожидают нападения. По прибытии Ивана Кольцо, – имя атамана казаков Тягрул, разумеется, не знал, это уже Микула сам добавил, – в Бегишев городок, казаки разместились отдельно, в просторном срубовом доме, на ночь выставили свой караул из четырех человек, а ближе к утру по приказу князя Карачи две сотни его

отборных воинов напали на спящих ермаковцев, стрелами зажгли камышовую крышу, стрелами же убивали тех, кто пытался выбежать с оружием из двери или выскочить в окна. Многие казаки из горящего дома отстреливались до последней возможности, пока на них не стала рушиться прогоревшая кровля. После этого в доме слышны были взрывы – это воспламенялись казачьи пороховницы и огневой припас, взятый в поход против Кучума.

Гнетущая тишина придавила, казалось, всех, кто был в комнате, едва Микула умолк и зубами закусил оба кулака, прижатые ко рту. Атаман Ермак с трудом поднял правую руку, перекрестился, сдерживая голос, тихо спросил:

– Узнай, Микула, у нехристя, это он сам видел альбо с чужих слов пересказывает? – сдавленным голосом спросил Ермак, раздвинул затекшие от напряжения широкие плечи. Карие глаза еще больше потемнели, едва пленник поведал о страшной гибели сорока отважных казаков, без которых его малое войско стало еще более обессиленным перед лицом новой летней военной кампании с Кучумом.

Толмач немедленно повторил спрос атамана, потом пересказал, что этот татарин в ту пору был послан к хану Кучуму с известием о том, что в стане русских был сильный голод и у Ермака осталось мало воинов. А про побитие казаков в Бегишевом городке узнал от встречного вестника, когда возвращался от Кучума.

– Та-а-ак! Что велел сказать хан Кучум князю Караче на его известие? – играя желваками на широких скулах, укрытых короткой черной бородой, спросил Ермак и всем телом подался вперед, словно уже сейчас готов был кинуться на вал и отбивать общий татарский налет на Кашлык с его крохотным войском. Пленник пожевал мясистые губы, с опаской глянул в суровое, словно окаменевшее лицо атамана Ермака, охотно пояснил, понимая, что от его правдивости зависит его жизнь:

– Хан Кучум повелел князю Караче окружить Кашлык со всех сторон сильными заставами из всадников, – перевел толмач Микула, – для чего прислал сюда полутысячу своих воинов в помощь Караче, чтобы и мы все полегли от полной бескормицы.

Толмач умолк, с трудом сдерживая слезы на воспаленных глазах. Умолкли и все, кто был в комнате, только слышно было, как Ермак сильными пальцами со скрипом сжимал подлокотники кресла, обитые соболиными шкурами. Ужасная смерть Ивана Кольцо, Якова Михайлова и их казаков так поразила всех, что нарушить молчание долго никто не решался, пока Ортюха Болдырев не заговорил первым:

– Я видел остатки того пожарища ночью, когда у городка подстерегал этого гонца. Вечная память нашим казакам...

Матвей Мещеряк, который был выбран на место Ивана Кольцо, зло выругался, клацнул саблей в ножнах и, едва сдерживая закипевшую в душе лютую ненависть, чтобы тут же не выместить ее на пленнике, выдал из себя несколько слов:

– Нешто спустим мы Караче такую подлость? Дай, Господь, нам случая поквитаться! На его хитрость найдется и наша выдумка похлеще.

Атаман Ермак отпустил нижнюю, зажатую зубами губу, со скорбным взглядом на своих соратников проговорил:

– Стало быть, они прежде прихода подлого Бекбулата с мурзами ухватили в степи Якова Михайлова. Казаки либо убиты были, либо в пытке смолчали, а промысловик Фролка не сдюжил, от него и прознал Карача, что голод удавил костлявой рукой стольких казаков и стрельцов. Спроси, Микула, кто из казаков живой есть в руках татарского иуды?

– Якова, пораненного в драке, четырьмя конями разорвали, а избитого Фролку заковали в железные цепи и отвезли к хану Кучуму. Что с ним там сотворили, он не знает.

– Добро же, Карача! Теперь ни единому слову, ни единой клятве, даже на их Коране, веры иметь не будем! Сабля и пицаль нас рассудят!

Стрелецкий голова Иван Глухов, обычно немногословный при казацких разговорах, снял со светло-русых прямых волос стрелецкую красного сукна шапку, перекрестился, ярко-синие глаза с тревогой осмотрели казацких командиров и негромко заметил, вспомнив слова пленного татарина:

– Днями ждать нам татарского приступа. Кучум возрадуется нашим потерям, похочет поквитаться за прежние поражения.

– Твоя правда, стрелецкий голова! А посему надобно срочно слать гонцов вниз по Иртышу и вверх по Тоболу для сбора ясака. И не только соболя нужны, в первую голову – битую дичь, оленей да рыбу. Кучум непременно обложит нас, словно медведя в берлоге. Иван, – обратился Ермак к десятнику Камышнику, – бери струг, казаков, вооружись добре и гони к князю Бояру! Пущай вывернется наизнанку, а соберет все, что можно зубами перемолоть, и шлет сюда спешно. А потом чтобы откочевал со своими людьми подальше на север, опасаясь мести от Карачи или самого Кучума. Ортюха, тебе с твоими казаками гнать на струге вверх по Тоболу и у тамошних жителей собрать ясак, тако же съестными припасами. Скажи, кто много даст, того на будущий год тревожить с ясаком не будем, порукой тому мое атаманское слово. Сдюжат твои казаки? Не сильно притомились?

– Сдюжат, Ермак Тимофеевич! – ответил Ортюха и добавил: – А конные татары числом до сотни шли уже к Кашлыку за нами следом. Как бы под утро или днем поблизости не объявились!

– Встретим! Не литаврами и дудками, а огненным боем из пушек, – уверенно пообещал атаман Ермак, повелел пленника запереть накрепко, чтобы не умудрился каким образом выбраться да бежать, наказал стрелецкому голове Ивану Глухову и Матвею Мещеряку: – Готовьтесь, начальники, в осаду можем сесть на все лето, ежели как не исхитримся до полусмерти побить змея подколодного Карачу. И хорошо бы его побить, покудова из дальних кочевий не подоспел ему в подмогу со всем войском Кучум. Пока что прислал, как показал пленник, малую толику, которая, похоже, была под рукой. Думается мне, братцы, что хан поначалу постарается набрать к себе бухарцев, ногайцев и иных степняков, пообещав им богатую и легкую добычу. Ну, поговорили – теперь за дело! Надобно вал подсыпать повыше хотя бы на сажень да частокол на том валу поставить для большей надежности. Лес рубите неподалеку, под надежной охраной. Можно даже два-три строения разобрать, а из бревен по углам небольшие башни с бойницами возвести, чтобы из них пушечным боем татар побивать, а пушкарям чтобы было удобное укрытие от стрел. Иван, – обратился он к стрелецкому голове Глухову, – вели своим стрельцам проверить ваши три пушки, которые остались на Карачиновом острове в тамошнем стане, да поднять их в Кашлык. Рядом с нашими установим. Ортюха, Иван, идите на свои струги, теперь нам и часа мешкать негоже!

– Идем уже, Ермак Тимофеевич, – Ортюха поднялся с лавки, на которой сидел рядом с усаатым и серьезным Иваном Камышником. – А вы тут без нас держитесь. Постараемся через пять-шесть дней возвратиться со съестными припасами.

Конные разъезды татар появились в виду Кашлыка уже пополудни. Их заметили караульные казаки на вышках, оборудованных в кронах высоких деревьев с настилом из толстых веток, чтобы передвигаться можно было, не опасаясь провалиться и покалечиться до полусмерти. В разъезде было не более полусотни всадников, ехали весьма бережно по дороге от Бегишева городка, издали разглядели в голой кроне на ветках четверых казаков, пытались обстрелять их из луков. Казаки, укрытые от стрел невысокими загородками в виде плетней, спокойно подпустили нападавших на сотню шагов и открыли пальбу из пищалей, которых было по три на каждого человека. Стрелы застревали в плетеной загородке, а от пуль казаков среди нападавших сразу же появились раненные, трое замертво свалились на землю и поволоклись ногами в стремени, а головой в бурьян. Всадники подхватили их в седла и поспешили отъехать от дозорных, а казаки, отстреливаясь от десятка смельчаков, благополучно отошли в Кашлык.

– Кроме тех, что на вас напали, другие конники не объявлялись? – тут же начал расспрашивать дозорцев Ермак. – Много их было, Кузьма?

– Других не видели, атаман. Десятков пять-шесть наскочили на нас, не более. С дерева далеко видна степь, но татар больше не приметили, – ответил пожилой, с седеющими усами и с длинным чубом из-под бараньей шапки казак. Он расстегнул кафтан, чтобы немного остыть после быстрой ходьбы от сторожевой вышки, до которой было почти две версты по неровной кочкастой дороге.

– Добро, Кузьма, перекусите у старца Еремея да отдохайте. Батюшка Еремей успел поутру уху сварить, горячего похлебаετε с рыбицей. Не мог подлый Карача вот так сотню татар послать под Кашлык, зная, что его коварство стало нам ведомо. Послал лазутчиков для пробы? А вдруг пленник исхитрился да обвел нас вокруг кривого пальца? Ан не обвел, ежели мы встретили его людей огненным боем!.. Ну что же, днями придет и сам Карача, теперь его лисьи увертки не обманут нас! А за своих казаков-мучеников мы еще поквитаемся. За дело, братцы, насыпаем вал и готовим колья для частокола!

Несколько дней прошли спокойно. Князья ближних родов манси с большого озера Аба-лака, памятного казакам тяжким боем с царевичем Маметкулом и гибелью там есаула Богдана Брызги, успели привезти в Кашлык крупную партию дичи, вяленой оленины, несколько пудов рыбы, и по просьбе атамана Ермака оставили в городе десяток своих коней. За это им позволено было не отдавать этим годом ясак соболями, чему они были весьма рады.

– Ежели успеете привезти еще битой дичи, будет вам от меня награда, – обещал атаман Ермак князькам. – Кучум придет – уходите на север, к Бояру, дани хану не давайте!

– Конных воинов Карачи видели от нашего озера на восход солнца, – сообщил старенький и морщинистый князек с покрасневшими и воспаленными, без ресниц, глазами. – Мы успели проехать, а теперь они уже, наверно, в наших стойбищах. Что присоветовать им, атаман? – это уже спросил толмач, закончив пересказ слов князька.

– Скажи им, Микула, будут спрашивать карачинцы, что привозили в Кашлык, пушай сказывают, что везли ясак соболем и белкой, а про съестное пусть не знают наши враги.

Князьки поняли атамана и дружно обещали не сказывать всадникам Карачи, сколько продуктов доставили в Кашлык. Через день после их отъезда по дальним окраинам леса вокруг бывшей ханской столицы стали появляться крупные, в несколько сот человек, конные отряды. Казаки, поднятые по тревожному выстрелу, заняли места на валу, пушкари встали с зажженными запальниками у пушек в срубовых башнях, готовые по знаку атамана встретить вражескую конницу чугунными ядрами на дальних подступах к городу.

– Обложил нас Карача конниками, так что и по грибы в лес не выйдешь! – проворчал Матвей Мещеряк, рассматривая всадников. Татары с вызывающим видом разъезжали перед бывшей ханской столицей, издали грозили обнаженными саблями, потрясали над головами хвостатыми копьями. Несколько десятков отчаянных молодых татар с гиканьем устремились было к городу, словно вызывая казаков в поле на сабельную схватку.

– Прокоп, пальни по ним из пушки, пушай поостынут храбрецы! – крикнул Ермак с вала в сторону башенки с пушкой.

– Добро, атаман, пошлю нехристям горячего кулича, благо Пасха совсем недавно была! – отозвался коренастый пушкарь, присел на корточки около пушки, подаренной казакам самим Строгановым, прицелился и поднес фитиль к запальному отверстию. Пушка бабахнула, облако дыма на время закрыло вид перед атаманом, а со стороны татар раздались крики – ядром сбило на землю лошадь, всадник с воплями пытался выдернуть ногу из-под рухнувшего коня, и только подоспевшие два других татарина с усилием выдернули его из-под конского трупa и подняли к себе, перегнув через круп впереди седла. Остальные, все также потрясая оружием, из осторожности поторопились отъехать на безопасное расстояние.

– Не по вкусу наш куличик пасхальный! – хохотнул бородатый Прокоп. – Теперь чешут свои тыковки, как бы нас взять голыми руками да не поколоться до крови!

– Вряд ли полезут на вал брать приступом, знают, что и половины войска в живых не останется! – пояснил атаман Ермак. – А заморить голодом попытаются. Теперь все дороги в Кашлык Карачей перекрыты, ни одна телега с пропитанием к нам не проедет. Будем ждать, кто кого пересидит. Ежели Карача нас одолеет, среди окрестных татар, хантов да манси станет главным, тогда многие сами от Кучума отшатнутся и встанут на его сторону!

– Был подданный князь Карача – станет новым ханом Сибирского ханства, к Руси враждебно настроенным по причине побития казаков, – добавил Матвей Мещеряк. И неожиданно его зоркие глаза разглядели верстах в трех от Кашлыка на приметном Саусканском, как его называли местные жители, мысу заметное оживление. – Глянь-ка, Ермак! Не иначе Карача место для походной ставки выбрал! Видишь, большой шатер поднимают почти над обрывом Иртыша, рядышком еще несколько шатров для княжеской свиты!

Атаман долго всматривался в сторону Саусканского мыса, в раздумье покручивая бородку пальцем правой руки, потом покачал головой с явным огорчением, вздохнул:

– Известился Карача о нашем бедственном состоянии да казаков кольцовских погубил коварством, оттого и осмелел так! В который раз проклинаю Боярскую думу за то, что снарядила воеводу Волховского прескверно и не упредила должным образом о делах тутошних, великое начинание в покорении Сибири на корню могут погубить! Добраться бы до главного виновника да поспросить с пристрастием...

– Далековата отсюда дума Боярская, атаман, не поквитаться с царскими ближними людьми! Сюда не приедут в своих соболиных шубах, а кто из нас сумеет отсюда живу возвратиться – бог весть. Может статься, что и все ляжем в сибирскую землю, ежели к осени не подойдет новая ратная подобающая силушка.

– Потому и надо нам каким-то способом, исхитрившись, побить Карачу и спокойно заготовить в зиму достаточно пропитания. Отправился по осени с пленником Маметкулом Киреев Иван, а доехал ли до Москвы, передал ли царю Федору Ивановичу, что воевода Волховской с пустыми руками в Сибирь прибыл. А ну как и другого воеводу тако же не вразумят должным образом, налегке для скорости прихода пошлют? Последних казаков уморят голодом!

– Денно и ночью будем следить за Карачей! Не может быть такого, чтобы где-нибудь да не дал промашки! Уверовал в свою удачу князь, высоко голову задрал от спеси, под ноги на кочке не смотрит! – Матвей Мещеряк закусил губу, серые глаза потемнели от подступающего к сердцу гнева. – Готов дьяволу душу продать, лишь бы с Карачей за Ивана и его казаков поквитаться как следует!

Атаман сокрушенно, с запоздалым раскаянием негромко выдавил из себя покаянные слова:

– Сплоховали и мы, Матюшка, даже сплоховали! Надобно было княжича Бекбулата с иными мурзами и татарами оставить у себя в заложниках! Поверил я подложному письму Карачи и их клятвам... Таких казаков потеряли, от досады душа сажей покрылась...

– Непривычные мы к клятвоотступничеству, Ермак. На Руси так издавна принято меж людьми – коль ударили по рукам, то слово становится тверже булатного клинка! А у них, видно, язык вертится, что хвост лисий, когда от гончих собак удирает... Твой стремянной Гришка спешит с улыбкой на лице, словно скатерть-самобранку в кустах отыскал и зовет казаков вдоволь насытиться!

К ним развалистой походкой довольно скоро подошел длинный и рыжеголовый Гришка Ясырь, щедро улыбаясь, порадовал атаманов:

– Пошла рыбица, батько Ермак! С ночи сети поставили в заводи за Чувашиным мысом. Улов получился добрый. Прикажешь кормить казаков и стрельцов?

Видно было, что известие пришлось атаману по душе, он повеселел лицом, убрал суровые складки у рта.

– Повели батюшке Еремею залить артельные котлы водой и готовить уху погуще. Эх, теперь бы по доброй горбушке свеженького из печи ржаного хлебца в придачу...

– На нет и суда божьего нет, атаман, – отозвался Матвей Мещеряк. – Хорошо хоть, что Иртыш Караче перекрыть не под силу, так что хоть рыбой, а кормиться будем, пока в хвостатых русалов не обратимся, – пошутил Матвей. – Иди, Ермак, отдохни к ухе, я за полем и татарами сам досматривать буду.

Атаман Ермак распорядился нести службу на валу и у пушек в три смены, всякий раз бить сполох, если будут замечены какие-то крупные перемещения татарских всадников перед Кашлыком, а тем более их скрытые попытки подобраться к городку незамеченными.

Неделя прошла спокойно. Татарские конники издали объезжали поле около Кашлыка. Три раза, бахвалясь, показывали обозы северных князьков, которые, не зная о приходе Карачи, добросовестно везли ясак «большому визирю-атаману».

– Одна теперь надежда на наших десятников со стругами, – в который раз, не скрывая отчаяния, говорил атаман Ермак, наблюдая, как перехваченное продовольствие увозят на Саусканский мыс, где Карача устроил свою главную ставку.

И оба десятника, Ортюха Болдырев и Иван Камышник, не обманули надежд атамана. С разницей в три дня они возвратились в Кашлык, привезли продукты, вяленое мясо, солонину, сушеную и свежую рыбу. Ортюха Болдырев на струге поднялся по Тоболу, а затем и по реке Тавде в пределы Пелымского княжества. На одном из стойбищ неожиданно наткнулся на чердынского купца Игната Федотова, который двумя днями раньше прибыл в эти края. Бесстрашный купец пустился с десятью стражниками через зимний Камень на вьючных лошадях для скупки пушнины. Обрадованный встречей, Ортюха предложил купцу ясашных соболей, выменял с большой выгодой для купца почти десяток мешков свежих ржаных сухарей, шесть мешков пшена и что особенно ценно – свыше пуда добротной очищенной соли, без которой и уха – не уха. Ортюха упросил Игната по возвращении на родину сообщить чердынскому воеводе Пелепелицыну для передачи в Москву весть о голодной смерти князя Волховского и почти всех его стрельцов, а также большей части казаков Ермака и просить спешной помощи ратными людьми и провиантом. Купец обещал передать просьбу атамана Ермака и за пушнину отдал почти все свои хлебные запасы муки, сказав, что на обратный путь настреляет дичи.

Казаки и стрельцы Ивана Глухова были несказанно рады – теперь в уху можно будет для сытости добавлять пшено, а с такой еды не грех и с татарами на сабельную сечу сойтись.

Иван Камышник успел пройти по Иртышу вниз по течению до устья реки Демьянки, где располагались юрты князя Бояра. Князь отдал почти все, что было заготовлено из продуктов, особенно вяленое и соленое мясо, немного разных круп, купленных прошлым летом у заезжих с юга купцов, битого зверя, и не советовал идти дальше по Иртышу, где были улусы князя Нимнюана, который, прознав о гибели большого отряда казаков, а также о голодной зимовке, отсекся от ранее принятой шерти русскому царю и отказался давать ясак.

– Бес с ним, – махнул рукой атаман Ермак, радуясь, что хоть какой-то запас продуктов удалось собрать к тому часу, когда войско Карачи обложило Кашлык плотным кольцом. – Побьем татар и до северных князей сызнова доберемся. – Обернулся за спину, к Иртышу – там беглый поп, которого казаки уважительно звали «отче Еремей», вместе с рыжим атамановым стремянным Гришкой Ясырем принимали поднятые со струга Камышника съестные припасы и размещали в амбаре, укладывая что по полкам, а что в глубокий погреб, набитый иртышским льдом, чтобы свежбитая дичь и мороженая рыба хранились подольше и не портились. В амбаре для бережения круп и сухарей от вездесущих мышей день и ночь дежурили стрельцы Ивана Глухова, ночью зажигая на земляном полу небольшой костерок.

– А каковы татары? – спросил Иванка Камышник – боялся, что может вернуться в Кашлык, а там одно пепелище и нет никого в живых! Он приподнялся на носок левой ноги, потому как правая все еще побаливала, раненная татарским копьем в одной из последних стычек с пелымскими манси князя Аблегирима летом прошлого года. – Не пытались взять Кашлык приступом? Пока нас с Ортюхой здесь не было. Ведь и двадцать казаков – сила немалая!

Отшумели весенние дожди, умылась земля, бурно полезла трава, зазеленели окрестные леса, делая их плохо просматриваемыми, наполненными птичьим гомоном, медвежьим ревом и еле слышным шорохом прошлогодних листьев под ногами скрытно идущего человека или зверя, который с наступлением тьмы выходил для тайного подгляда или на еженощную охоту, а атаман Ермак все ждал нужного часа. И вот, в один из дней «пролетая», когда с востока показалась темная туча, обещая если не грозовой дождь, то по крайней мере безлунную ночь, атаман Ермак отвел Матвея Мещеряка к южному валу Кашлыка и здесь, на круче Иртыша, всматриваясь в еле различимые шатры ставки князя Карачи, сказал то, о чем до головной боли раздумывал не одну бессонную ночь.

– Будучи в Кашлыке, нам злоехидного князя не осилить и не пересидеть. Лето как ни то рыбой прокормимся, а в зиму как? Остальные казаки перемрут, нас проклиная, что худые атаманы не сумели их спасти, а главное – врага наказать и за своих пометить!

Матвей вытянул губы трубочкой, поправил баранью шапку, улыбнулся и внимательно посмотрел в строгие глаза Ермака. Похоже было, он давно ждал какого-то важного решения атамана и, словно угадав его замысел, не то спросил, не то утвердительно сказал:

– Надо рискнуть, Ермак! И ежели сил нет на открытый бой со всем войском Карачи, попробуем перекинуться словечком с самим князем и его славной и храброй свитой!

– Что, известили тебя наши подлазчики? Успел с ними переговорить, покудова я с Иваном Глуховым считал наши остаточные припасы?

– Да вон они оба, Ортюха да Тимоха Приемыш, тебя ждут для оповещения. День в лесу, в подкореньях отсиживались, а как стемнело, бурьяном переползли в Кашлык. – Матвей Мещеряк взмахом руки подозвал десятника Ортюху и Тимоху, усадил на вал рядышком с собой и долго расспрашивал, что видели они, подобравшись почти к самой ставке Карачи. Велика ли охрана? Когда князь уходит спать? Сколько татар остается в карауле, и откуда легче всего незаметными подползти к той ставке?

Посоветовавшись, Ермак принял решение:

– Ты прав, Матвей, надобно рискнуть! Как говорят шутейно у нас на Дону: «Давай, брат, перегащиваться меж собой: то я к тебе, то ты меня к себе на угощение зовешь!» Тако и нам теперь с Карачей поступать. Он у нас Ивана Кольцо с казаками в гости выманил, так мы теперь сами наведемся! Вот что, Матвей, бери полста казаков, вооружись каждый двумя семипядными скорострельными пищалями, пороху и пуль с большим запасом, потому как бог весть, что с вами может случиться на мысу. И береги себя, потому как ты у меня остался последним атаманом – нет Ивана Кольцо, нет Никиты Пана, на Абалаке погиб в бою с Маметкулом Богдан Брызга... И казаков береги – еще одной большой потери нам не вынести, Карача вовсе тогда задушит. Теперь снаряжайтесь, а к полночи я сам осмотрю казаков и провожу вас, и батюшка Еремей молитву прочтет в напутствие.

Казаки умели ходить ночью тихо, под стать дикой кошке, все видя во тьме, без лишнего шума. Как и присоветовал атаман Ермак, из Кашлыка вышли в самую полночь, гуськом след в след пошли за проводником Ортюхой Болдыревым, который минувшей ночью проходил здесь с Тимохой и обследовал под иртышской кручей каждый куст и трещину в обрыве. Туча укрыла небо, было темно, даже вода Иртыша, казалось, остановилась, не плескалась у самой кромки берега, а в нескольких местах, подняв оружие и порох над головой, казаки пробирались под отвесным склоном едва не по пояс в воде.

– Терпите, братки, – шептал еле слышно Матвей Мещеряк, сам провожая казаков у каждой такой заводи. – Зато татары не чают нашего нападения отсюда! Тихонько идите, не плещите, словно вспугнутые из-под коряги аршинные сомы! Друг дружку поддерживайте, чтобы ноги по глинистому дну не скользили!

Недалеко было до Саусканского мыса, да подкрадываться со всяким бережением пришлось почти два часа. Казаки вжались в обрыв, молча ждали, что предпримет походный атаман, как им теперь подняться на кручу и грянуть на ставку Карачи? А если татарские дозоры каким-то образом приметили казаков у иртышской воды, и теперь затаились наверху, сабли да луки изготовили...

– Ну, Ортюха, с богом! Давай первым, – прошептал Матвей, обнял верного друга, потом перекрестил. – Вяжи канат за дерево понадежнее, чтобы не сорваться кому-нибудь. Шум поднимется, татары всех побьют стрелами, как глухарей на току!

Ортюха Болдырев отдал свои пищали Тимохе Приемышу, обвязал вокруг пояса канат, проверил, на месте ли сабля и засапожный нож, и только после этого бережно стал подниматься тесной расщелиной вверх, перед этим прошептал атаману почти в ухо:

– Да простит меня Господь за прошлое, да и напередки тоже! Неужто отсекут мне татары голову, и не увижу я более благозрочной девы, да такой, чтоб бесы в глазах плясали, а?

– Бог не без милости, казак не без счастья, – в тон ему пошутил Матвей. – Верю, Ортюха, что наши с тобой девы не за дальними горами живут... Берегись там, наверху!

Ортюха, стараясь выбирать место для ноги так, чтобы затвердевшая на солнце глина не осыпалась, медленно поднимался по круче. В некоторых местах он доставал засапожный нож и осторожно вырубал в земле место для ступни, делая нечто вроде будущей лесенки. Вот уже и верх обрыва рядом, десятник на минуту затаился, левой рукой ухватился за корневище дерева, которое росло в пяти шагах от кручи. Прислушался – легкий ветер с востока шелестел в кронах деревьев, долетал запах дыма сторожевых костров, лишь в отдалении чуть слышны голоса караульных.

«Спит клятый Карача, густые слюни по атласной подушке ручьем текут, – со злостью подумал Ортюха, осторожно поднялся на обрыв, лег в густую траву, чтобы оглядеться. До ближних шатров, а их было десятка полтора, не более шестидесяти шагов, до крайнего слева костра – и того меньше. – Слава тебе, господи, что послал ты ветер от татар на нас, любой шорох не так слышен будет!» – Ортюха сноровисто обвязал канат вокруг ствола дуба, надежно затянул узел и несколько раз дернул, давая знак атаману, чтобы казаки поднимались, пользуясь канатом и ступеньками, которые он вырезал в откосе.

Первым, закинув за спину четыре пищали, осторожно поднялся походный атаман. Ортюха снял с него оружие бережно, чтобы не звякнули стволами, а когда Матвей Мещеряк улегся рядом, прошептал:

– Спят карачата, по сто чертей каждому в печенки, чтоб и далее весело спалось! Караульные у костров сидят, стерегут стан со стороны степи. Морду берегут, а о затылке им и заботы нет! Ну что же, злая совесть стоит палача! Не так ли, атаман Матвей?

– Так, Ортюха, истинно так! Их беспечность – нам в подмогу, – порадовался Матвей, оглянувшись к обрыву – поднимался Тимоха Приемыш. – Тише! Ползи сюда, к дереву. Пищали изготовьте к стрельбе, ненароком не нагрянули бы еще караульные, которые делают обход с проверкой тех, кто сидит у костров.

И словно в воду глядел атаман – едва на обрыв взобрались десятка три казаков и по слову Матвея Мещеряка распластались в траве по самой кромке, слева от расщелины показались трое дозорных татар верхом на конях. Конский топот и пофыркивание упредили казаков, и они затаились, боясь даже неожиданным чихом выдать свое присутствие. Переговариваясь, всадники проехали буквально в двадцати шагах от берега, счастье было на стороне ермаковцев, что ветер

дул к Иртышу и чуткие кони не уловили запах вспотевших при подъеме обвешанных оружием казаков.

Переждали, пока всадники отъедут по ту сторону ставки, и дали знак остальным товарищам подниматься. Через полчаса вся полусотня лежала над обрывом. Поделив отряд на пятерки со старшими, Матвей наметил каждому конкретные цели.

– Перво-наперво сбить на землю караульных у костров, а после, как учинится сполох, стреляйте в тех, кто будет выскакивать из шатров. Да стреляйте поодиночке, чтобы всем скопом по одному татарину не пальнули! Нам в ночи сабельная схватка ни к чему, беречь себя надобно. Этих побьем, от Кашлыка всем туменом навалятся – вот тогда и будет по-настоящему тесно старому деду на раскаленной печке, только успевай поворачиваться! Ну, а теперь с богом, казаки! Пометим за наших братьев, обманом погубленных! Удастся Карачу живьем ухватить – было бы славно, ну а нет – башку ему с плеч!

Ползком, стараясь не издавать лишнего шума, с двумя пищалями за спиной, казаки одновременно поползли каждый к своей цели. И внезапное нападение удалось – до шатра князя Карачи оставалось несколько шагов, когда слева от сторожевых костров почти разом бабахнуло выстрелов пять или шесть, послышались отчаянные крики, звон схлестнувшихся сабель.

– Круши-и нехристей!

– За смерть наших братков-кольцовцев!

– Вали-и дружно! Слава! Слава!

Шквал яростных криков и выстрелов мгновенно разорвал безмятежную тишину раннего предраассвета, ударился в густую стену окрестного леса и, отразившись, покатился над иртышской гладью, покрытой плотным пологом тумана.

– Первый! – выкрикнул Матвей Мещеряк и почти в упор выстрелил в грудь рослого татарина, который откинул ковер у входа большого княжеского шатра и с обнаженной саблей бросился навстречу атаману.

– Второй! – отозвался рядом Тимошка Приемыш, и еще один телохранитель упал, не отбежав от входа в шатер и трех шагов. В большом, коврами увешанном даже снаружи шатре послышались перепуганные крики, стражники саблями начали резать боковые стенки, чтобы вырваться наружу в разные стороны, но едва чья-либо голова показывалась из прорези, раздавался выстрел из пищали или с криком возмездия «За Ивана Кольцо!» резко взлетала серебристая сталь, и обезглавленное тело тяжело валилось внутрь шатра, оросив кровью разноцветные рисунки ковра.

– Карача, выходи! – зычно крикнул Матвей Мещеряк, и его голос на секунду утонул в дружных пищальных выстрелах около других шатров – застигнутые внезапным нападением, татары либо падали под пулями, либо бросали оружие и покидали ненадежное убежище.

– Карача, выходи! – снова прокричал Матвей. – Не выйдешь – прикажу шатер зажечь! Твой труп волки и в жареном виде сожрут!

Из шатра неслись непонятные вопли, словно кто-то своей волей заканчивал жизнь собственным кинжалом, слышны были перезвоны обнаженных сабель. Матвей догадался, что стража встала кругом, готовая биться насмерть с теми, кто попытается ворваться в просторный шатер князя Карачи.

Мещеряк дал знак охватить шатер полукругом – задняя часть его примыкала к иртышскому берегу почти вплотную, не далее двух-трех шагов.

– Ложись! – скомандовал атаман, и когда казаки залегли около шатра, отдал второй приказ: — Слева по одному – пали!

Выстрелы, крики и стоны, шум падающих тел, еще трое охранников князя сделали попытку выскочить из дверного проема и умереть с честью, в открытом бою, но казацкие пули оборвали их храбрый порыв на пороге. По вражескому стану еще кое-где раздавались разроз-

ненные выстрелы, а потом наступила какая-то настороженная тишина в полумраке предрасветного часа.

– Вскрыть шатер! Да бережно, может, там кто еще затаился! – предупредил Матвей Мещеряк. – Рубите веревки, стаскивайте покров в сторону!

Федотка Цыбуля и его дружок Митяй быстро обрубали крепкие веревки и сволокли покров. На коврах в разных позах лежало восемь трупов, двое еще были живы.

– Ищите Карачу! Он должен быть здесь! – заволновался Матвей, и казаки, переворачивая убитых, рассматривали лица.

– Во-о! – неожиданно воскликнул восторженно Тимоха Приемыш. – Знакомая рожица!

– Кто, Карача? – тут же отозвался Матвей, перешагнул через несколько тел убитых, подошел поближе.

– Карачу я не лицезрел воочию, – отозвался Тимоха. – Это княжич! Тот, что к атаману Ермаку с посольством приходил, казаков в подмогу Караче звал и на татарской книге святой клялся в честном намерении! Гляди, атаман, наша пуля ему красивую голову насквозь прошибла!

– Княжич Бекбулат? – удивился Матвей. Посмотрел в смуглое усатое лицо, залитое кровью и искаженное предсмертным ужасом. – Вот как Господь покарал клятвопреступника! А самого князя, похоже, среди них нет. Тимоха, потряси раненых, может, скажут, где их князь Карача ночевал в этот раз. Будут молчать, прикажу до костра тащить и голым задом на угли посадить! Это им за Ивана Кольцо и его братьев! Трясца их матери, чтоб весело жилось!

И тут один из раненых довольно сносно заговорил на русском языке. Он лежал у самого края шатра, зажимая рукой простреленное левое бедро, а из-под пальцев заметно сочилась густая кровь, и чуть приметный пар был виден в предутренней прохладе.

– Не нада костер, не нада! Нет Карача, бежал Карача! Урус-казак стрелял, Карача нора бежал!

Матвей Мещеряк подскочил к заговорившему татарину, ухватил за плечо и повернул лицом к себе. И глаза раскрыл от удивления – он признал того самого толмача, который приходил с княжичем Бекбулатом – то же морщинистое лицо без бороды и с седыми космами, растрепанными по плечам, только глаза без злого испуга, а как у загнанного в угол серого волка, робкие и умоляющие о пощаде.

– Ага-а, – возликовал атаман и, ухватив толмача за толстый халат, силой поднял на колени. – Попалась хитрозадая лисица, не все тебе по земле ползая, юлить! Говори, как бежал Карача?

Из сбивчивого рассказа толмача Матвей понял, что из юрты в сторону Иртыша была прорыта недлинная, в две сажени, нора. Когда началась стрельба, Карача понял, что напали казаки. Не надеясь на стражников, он живо метнулся к потайному ходу и успел уйти. За ним пролезли двое слуг, княжичи Бекбулат и Едигер не успели уйти, казацкие пули свалили их рядом, сразу же... А он, толмач Байсуб, из ногаев, зван на службу князю Караче ради знакомства с русским языком, на казаков с саблями не ходил и о тайном умысле Карачи погубить атамана Кольцо с казаками ничего не знал...

– Какая досада, – едва сдержав бранное словцо, выговорил Матвей Мещеряк. – Под статью волку из капкана, отъев собственную ногу, ушел клятвопреступник, оставив в шатре убитыми обоих сыновей. Теперь под Кашлык помчал, должно, за ратной силой. Этих раненых перевяжите, хватит им землю кровянить.

От дальних сторожевых костров прибежал Ортюха Болдырев, возбужденный, с обнаженной окровавленной саблей в руке. Запыхавшись, доложил атаману:

– Никто не ушел, Матвей! Но слышали в отдалении конский топот, должно, это те карульщики, которые на конях дозоры объезжали.

– Или сам Карача, – уточнил Матвей, окидывая внимательным взглядом разгромленное становище. Не менее сотни отборных воинов было в ставке князя, и все полегли, так и не выскочив из шатров для сабельной сечи – сила была на стороне пищальников. – Ушел главный змей! Хитер князь, шатер поставил у обрыва, тайный лаз велел прокопать и ковром накрыть. Видно, что в этого волка не один раз из пищали били, умеет вовремя прыжок сделать... Теперь вот что надо, Ортюха и ты, Иван, – обратился Матвей к десятникам Волдырю и Камышнику. – Собрать все годное оружие, особенно луки и колчаны, раздать казакам, которые умеют из них стрелять. А главное – зарядить все пищали, под кустами вокруг стана нарыть вал хотя бы в пол-аршина высотой. Каждому казаку иметь над головой из куска шатрового материала навес на случай дождя – отсыреет порох, не сможем стрелять, татары нас живо на копья поднимут! И теперь же, до рассвета, нарубить кольев и вбить их в несколько рядов перед станом, чтобы конной лавой татары нас не задавили. А колья переплетите потуже веревками, которыми крепились шатры. – Посмотрел на восточный окоем, там еще даже заря не начала разгораться. – Часа три у нас в запасе, – добавил он, – чесать в затылках нет времени, да и не по нутру перед боем!

Иван Камышник, который как раз скреб ногтями затылок под шапкой, засмеялся и в тон атаману сказал:

– А я аккурат добрую думку наскреб, Матвей! Погляди, каждый шатер обставлен кольями по кругу, а на кольях – веревки! Живо устроим плетень по высокой траве перед княжьей ставкой, ни один конь не проскочит!..

– Добро, делайте. Шагах в двухстах от стана, чтобы, слетев с коня, не враз пешие до нас добежать могли. Тимоха, обшарь стоянку Карачи. Не может того быть, чтобы не оставил князь нам что-нибудь на зубы положить. Не евши и воробей на ветку не взлетит!

Тимоха не заставил себя упрашивать дважды, тем более что разговор шел о плотном завтраке – казаки понимали, что с рассветом предстоит сражение со всей силой Карачи, а то и с полками хана Кучума, если он успел подойти на подмогу своему подданному. Съестное нашлось, и в изрядном количестве. Завтракали по очереди, сменяя друг друга на сооружении петлевых ловушек для всадников и на рытье защитного возвышения для стрельбы лежа, не подставляя же себя под тучи татарских стрел в открытую. Ели жареное мясо вечером освеженных баранов, а тут и предостерегающий крик от караульных казаков:

– Татары у леса объявились! Вона, их передовые разъезды!

Мещеряк подал знак казакам укрыться за насыпным небольшим валом, замаскированным свежесорванными пучками травы и густо утыканными нарубленными ветками клена, так что издали они походили на обычные кусты.

– Пушай думают, что мы на челнах приплыли к мысу и на челнах же уплыли в Кашлык, – сказал Матвей казакам. – Передних, кто ежели подойдет для досмотра брошенной ставки, ближе к веревочным заграждениям не подпускать, чтобы заранее не обнаружили. Нам надо вызвать на себя конную атаку, а по гуще и промахнуться грешно будет! – Он посмотрел на посветлевший восточный небосклон, порадовался, что хмурые тучи к утру рассеялись, разно-великими кучками ушли на запад, за Каменный Пояс, а, стало быть, дождя не будет и стрельбе из пищалей не помешает.

Первый дозорный отряд в полста всадников отделился от конного войска, которое осталось на опушке, в расстоянии около версты, и легкой рысью начал приближаться к Саусканскому мысу. Этот мыс имел удобную для обороны позицию – за спиной иртышская круча, по бокам два довольно глубоких оврага, и только с востока открытое ровное поле, поросшее редким кустарником и высоким, до конского живота разнотравьем с тьмой трескучих кузнечиков, бесшумных бабочек и трудолюбивых пчел.

– Спокойно, братцы! Когда татары поравняются вон с теми соседними березками, стрелять десятками, начиная с левого края! Опять же, чтобы в одного не попали две-три пули! – Мещеряк следил внимательно за приближением врага, который, похоже, не очень-то надеялся

найти ставку совсем пустой, а потому приближался с бережением. – И эти нехристи пойдут в зачет нашей кары за казаков Ивана Кольцо!

Нестройной лавой татары все же довольно быстро достигли намеченного расстояния, и атаман вскинул руку, громко дал знак голосом:

– Первый десяток – пали!

Князь Карача, посылая для осмотра покинутой ставки небольшой отряд, должно быть, надеялся, что казаки, сделав мстительный налет, покинули Саусканский мыс, и он теперь сможет найти тела своих убитых сыновей, если только они не оказались ранеными и теперь пребывают в плену у Ермака.

Залп десяти пищалей был неожиданным для скакавших по полю всадников, тем более что со стороны мыса, кроме легкого дыма догорающих костров, никаких признаков противника не было замечено. Несколько коней вместе с наездниками свалились на землю, отбрасывая копытами пучки вырванной с корнями травы.

– Второй десяток – пали! – снова подал команду Матвей Мещеряк и порадовался в душе, заметив, что татары уже под третьим залпом, не доскакав до намеченных им двух рядом стоящих берез, осадил коней, повернули и, похватав сбитых на землю своих конников, умчались к опушке леса, где на белом коне гарцевал раздосадованный их князь.

– Не стрелять более! Зарядить пищали! Ждать конной атаки! – Атаман прикинул на глазок, что татар было сбито наверняка более десятка – для такого расстояния стрельба вполне удачная.

– Прищемили кошке хвост лещедкой⁸, пойдет теперь с воплями по крышам носиться! – подал голос Ортюха Болдырев, сноровисто засыпая в пищаль меру пороха, потом загоняя пыж, круглую пулю и снова тугой пыж. – Взяло кота поперек живота, теперь мается князь в глубоком раздумье, что с нами делать.

– Кабы по крышам начал бегать, а то, остервенясь, в нашу сторону кинется, – отозвался Тимоха Приемьш.

– Непременно в нашу сторону кинется Карача, тряща его матери! – пояснил ситуацию Мещеряк. – Неужто оставит тела своих сынов разлюбезных неприбранными зверью на съедение? А нам их хоронить времени нет. Они нашего друга Якова Михайлова вона как похоронили – конями разорвали да в поле бросили. Пусть и княжичей воронье исключает! – Матвей заметил оживление на дальнем краю поля, насторожился. – Ну вот, братцы, кажись, Карача настоящих гостей к нашему столу посылает! Перекрестясь, изготовимся! – А про себя вдруг подумал, что мог, погромив стан, спокойно спуститься к Иртышу и еще до рассвета возвратиться в Кашлык без потерь. Место удобное именно здесь дать бой Караче, потому как охватить со всех сторон меня нет возможности, а в лоб бить – бараном надо быть! Пометим за атамана Кольцо в полную силу, повышибем лучших всадников у подлого клятвопреступника, так что и на Кашлык ему не с кем будет нападать!

– Употчем и этих, крупной соли в толстые задницы вгоним – все лето в Иртыше отмачиваться будут! – со злостью пошутил кто-то из казаков и спросил у атамана: – Когда палить начнем?

– А как первый конь на канатах кувыркнется, так десятками и будем стрелять! С небольшими промежутками, досчитав до десяти! Это чтобы первый десяток, отстреляв, мог перезарядить пищали. Запасные пищали, братцы, покудова не трогать! Они на случай, чтобы пешие татары, побросав коней, скопом не навалились. А так пушай думают, что мы уже отстреляли и без огненного боя сидим. Тут они без опаски и полезут в сабельную сечу! А мы их – под корень!

⁸ Лещедка – расколота на конце, расщепленная палка для сжимания чего-либо (прищепка).

Атаман, шурша сапогами по примятой траве, прошел вдоль немудреного укрепления: худо-бедно, как говорится, а от стрел укрытие! Порадовался, что успели за ночь подготовиться к встрече татарского воинства.

– Пошли, родимые! – прокричал насмешливый Ортюха Болдырев. – Не грози попу кадиллом, он им кормится! Не пугай казака саблей, он с ней сроднился до самой смертушки! Распахнем кафтаны, братцы, прижмем карачат к самому сердцу покрепче, сто чертей им в печенки, чтобы ночью не спалось!

Матвей Мещеряк опытным взглядом определил, что князь Карача оставил у Кашлыка для досмотра за сидевшими там ермаковцами часть войска, в атаку на его отряд бросил все, что мог. Он приберег на крайний случай около себя не более ста конников, а остальные, подбадривая себя воинственными криками, размахивая над головами саблями и поднятыми копьями, числом не менее четырех сотен, устремились в сторону бывшего княжеского стана, где этой ночью была постреляна и порублена саблями отборная сотня личной охраны князя Карачи, и только уничтожением этих засевших казаков мог он спасти свою репутацию.

– Негусто в поле татар, негусто! – прокричал Тимоха Приемыш, багровея рябым лицом от нервного напряжения. – Маловато пшена у Карачи в торбе осталось, жидковатая каша получается!

– Не петушись, Тимоха! – отозвался на слова друга Ортюха. – И с этими на каждого из нас почти по десятку будет! Ежели ворвутся в стан, тут такая каша заварится – черпаком не промешаешь!

И Матвей Мещеряк предостерег казаков от излишней бравады:

– Беречь каждый выстрел, не палить мимо татар по лесным птицам.

Крики со стороны казаков неслись также громко, подбадривая самих себя:

– Давай, давай! Не жалея плетью, яри коня!

– Еще малость, сотня шагов, и полетишь башкой вперед, под копыта своего скакуна!

– Не тужите, казаки, что смерть рядом гуляет – и в аду люди живут, не мерзнут!

– Мурзе не спится, мурза казака боится!

– Атаман Кольцо, братцы наши! Зрите с небес – за вас мстим подлому Караче.

Кричали казаки, сплошным воинственным ревом накатывалась на мыс татарская лава, вот и мимо двух берез приметных промчались конники, хрупкие кусты и чертополох неслышно хрустели под ударами копыт, вот словно по чьей-то команде исчезли над головами татар сабли и копья, выхвачены из колчанов стрелы: натянуты тугие луки...

– Ну-у! – не выдержал и закричал Матвей Мещеряк, непонятно к кому обращаясь. И в тот же миг передовые всадники вдруг на полном скаку вместе с набравшими огромную скорость конями, теряя луки, шапки, копья, полетели на землю. Иные кони, перекувырнувшись через голову, оставались лежать неподвижно, другие вскидывали ноги, пытались подняться и бежать неведомо куда. На всадников, упавших первыми, налетали сзади скачущие, добывая живых копытами коней, сами падали в огромную клубящуюся массу людей и лошадей. Те, кто мчался сзади, не понимая, что творится впереди, успели выпустить первые стрелы, как тут же, словно в ответ, с равными промежутками, по ним начали палить казацкие пищади. Залп – пауза в несколько секунд, еще залп, и так беспрестанно. К тем, кто упал вместе с конем, споткнувшись о туго натянутые канаты, начали валиться и сраженные с расстояния в двести шагов казацкими пулями. В войске поднялась неопишуемая паника – татары не видели за кустами врагов, не знали о численности засевших, но по скорости стрельбы у многих возникло предположение, что за эту ночь все казаки атамана Ермака успели переправиться на Саусканский мыс и теперь беспомешно расстреливают сбившуюся с атакующего галопа конницу.

Видя, что противник в полном замешательстве и достаточно еще одного решающего удара, Матвей Мещеряк решился на рискованный шаг. Не видя новых летящих в их сторону стрел, он привстал на колени и громко скомандовал:

– Взять запасные пищали! Целься верно! Залпом по всей куче – пали-и!

Свинцовым градом на землю свалило более двух десятков конников, кто вместе с лошадью рухнул, а кто и сам, отбросив бесполезную саблю или копье, а троих, застрявших в стремених убитых или раненых, кони поволокли по полю, сумев проташить через натянутые канаты.

– Зарядить пищали! Быстро! – поторопил Матвей Мещеряк, опасаясь, что конным татарам удастся теперь, когда они практически остановились, спокойным шагом, переступая через канаты, пройти малозаметное препятствие и продолжить прерванную атаку.

– Атаман, смотри, часть татар прошла вдоль опушки! – подал голос глазастый Федотка Цыбуля. Но Матвей и сам уже увидел, что десятка три всадников, миновав край веревочной изгороди, вышли на поле, но на рывок в сторону бывшей ставки им явно не хватало рискованной смелости. Не далее чем в двух сотнях шагов они остановились, то ли показывая остальным, где именно надо прорываться к мысу, то ли просто дожидались, когда остальное уцелевшее после казацкой стрельбы войско ринется на противника.

– У кого пищали заряжены – палите по боковым татарам! – громко крикнул Матвей Мещеряк, понимая, что теперь судьба его отряда висит, можно сказать, на волоске. – Палите поодиночке, прицельно! Не давайте им времени спокойно осмотреться! Остальные – заряжай пищали.

Казаки, которые десятками первые сделали свои залповые выстрелы, теперь, словно на учебном поле, прицеливаясь в гарцующих на месте всадников, открыли стрельбу друг за другом, выбивая из кучи одного противника за другим, и когда на землю свалилось до десятка воинов, остальные, не дожидаясь своей доли свинцовых зарядов, поспешили тем же путем отойти подальше, за роковую черту досягаемости прицельного огня.

– Пали по войску! – командовал атаман, перебегая от одного куста к другому и внимательно наблюдая за перемещениями татарских всадников. – Не давай им опомниться! Пали всяк, кто успел зарядить запасную пищаль!

– Татары спешиваются, атаман! – Этот выкрик с правого края ставки от Ивана Камышника заставил Матвея перебежать на сторону их невысокого вала. Действительно, оставив коней у канатов, большая группа татар краем вдоль оврага, на бегу стреляя из луков по невидимым за кустами казакам, устремилась в сторону бывшей ставки Карачи, криками подбадривая себя и своих соратников.

– Спокойно, братцы! Неспешно целясь, палите по ним! Пеший не так скоро доберется до сабельной рубки! Только не высовывайтесь излишне, чтобы не словить татарский подарочек с гусиным оперением!

Подбадривая казаков, Матвей Мещеряк и сам не забывал, что у него одна заряженная пищаль на спине, а другая в руках. Он встал на колени, привычным движением бывалого ратника прицелился в крупного татарина в красивой собольей шапке. Он бежал впереди, беспрестанно оборачивался и звал за собой других. «Должно, мурза какой-то», – догадался Матвей и решил остановить жожака. Его противник только на несколько секунд задержал бег, чтобы выпустить стрелу, как быстрая пуля ударила ему в живот. Натянутая тетива отброшенного лука швырнула стрелу вверх, стрела удачно пролетела сквозь крону зеленого вяза, блеснула на солнце кованым наконечником и унеслась влево от стана.

Казаки теперь стреляли выборочно, целясь в перебегающих татар, в то же время успевая пригнуть голову за насыпной вал, чтобы вражеская стрела пронеслась мимо, сшибая чуть подвядшие листья с их маскировочных кустов. Не упускал из вида атаман и тех конных татар, которые числом до сотни человек после залпа полусотни окончательно смешались в нерешительности у канатов, видя, что от огненного боя несут такие потери, и в то же время опасаясь, что впереди в густом разнотравье казаки могли подготовить какие-нибудь новые ловушки, хотя бы и в виде невысоких, остро заточенных кольев, упав на которые не только всадник, но и конь уже не поднимется.

Должно быть, именно такие опасения заставили князя Карачу дать сигнал своему войску оставить попытку уничтожить крепко засевших в его бывшей ставке казаков. Подбирая раненых и убитых, конники отошли к опушке леса и закружились вокруг своего правителя.

– Не по зубам Караче казацкий сухарь пришелся, малость пообломал клыки! – сбалагурил Ортюха Болдырев, поглядывая на татар поверх насыпного вала, привычно заряжая горячую от частой стрельбы пищаль. – Ишь, шушукаются теперь вполголоса, чтобы мы не прознали про их коварство! Похоже, черти возят жерди, хотят ад городить! – под смех казаков проворчал Ортюха, указывая рукой на постоянно перемещающихся у опушки конных татар. – Куда теперь кинется Карача? На Кашлык, альбо сызнова на нас? Тимоха! – крикнул он Приемышу, которого старый казак врачевал, посадив на примятую траву – татарская стрела пронзила ему левую руку у самого плеча, и ему делали тугую повязку из чистой белой холстины.

– Чего тебе? – отозвался Тимоха, морщась от боли. – Забыл, как звать? У атамана поспрошай, напомним!

– Ты бы не валялся на траве, подобно сытому лежебоке, радуясь второй раз и почти в то же место татарскому гостинцу, а сбежал бы к Караче да поспрошал ласково, можно нам к обеду приступить, аль чуток погодить, и его к скатерти расшитой дожидаячи?

Казаки, довольные успешным отражением первого налета татар, – кто один раз утром бит, весь день будет оглядываться! – посмеялись шутке Ортюхи, а Тимоха, не обижаясь на товарища, ответил:

– Вот кончит Омелька возиться около моей руки, сгоняю к татарскому князю. Только б ты, Ортюха, в Иртыше морду свою от пороха отмыл, а то больше на трубочиста похож, а не на гостеприимного казака.

– Э-э, Тимоха, пошел в попы, так служи и панихиды! – посмеялся Ортюха. – Коль стал казаковать, не миновать пороха нюхать! А Караче наш порох явно не по нутру, не скоро прочихается!

Матвей Мещеряк улыбнулся на слова Ортюхи, сказал Ивану Камышнику, который подошел и остановился около атамана:

– Крепко осерчал на нас Карача, очень крепко! Лучшую сотню воинов из охраны здесь потерял, да гораздо больше при наскоке убитыми да ранеными. Добре за казаков Ивана Кольцо поместили, но еще не полной мерой!

Иван Камышник хмуро сдвинул густые кустистые брови, из-под нависшего на лоб волнистого чуба посмотрел на татар, которые мало походили на войско, выстраиваемое к новому нападению, ответил:

– Расшиби гром Карачу натрое, он теперь, как тот былинный путник на распутье, в неведении, куда податься – и в Кашлык не пробиться, и нас в Иртыш ежели и собьет, то добрую половину войска потеряет, потому как не на ягнят наскочил волк зубастый, убедился только что. Самое лучшее для него – отойти в свои улусы и сил поднабраться.

– Быть тебе воеводой, Иван, по твоим здравым рассуждениям, – пошутил Мещеряк, в душе соглашаясь со своим десятником. – Пождем малость, поглядим, что надумает Карача.

Казаки, среди которых оказалось семеро раненных стрелами, трое из них довольно сильно, но не смертельно, как заверил атамана казак Омелька, перезарядили пищали и теперь спокойно наблюдали за поведением татар.

Карача не разбил себе шатра на дальней опушке, недалеко от дороги на Бегишев городок, воины не разводили костров готовить обед, стало быть, долго стоять здесь не собираются. Словно услышав добрый совет казацкого десятника Камышника, Карача, не оставив даже малого прикрытия перед мысом, пополудни повел своих всадников на юг, в сторону Бегишева городка, а над полем, где лежало более полусотни убитых коней, под легкими кучевыми облаками начало кружить воронье в предвкушении богатого пиршества.

– Слава Господу, да и нам немножко! – радуясь такому обороту событий, трижды перекрестился Матвей Мещеряк. – Теперь и перекусить княжескими дарами не грех, а то у меня кишки в животе начинают браниться, словно неуживчивые соседи друг на дружку через ивовый плетень! Федотка! – позвал атаман молодого казака Цыбулю, который старательно чистил пищаль после недавней стрельбы. – Собери на рядне, коль Карача доброго стола не оставил, перекусим да и покумекаем, что дальше делать! Не забудь дать что-нибудь и татарскому толмачу Байсубу, авось еще живым пригодится для атаманова спроса.

Вихрастый Федотка, зная, в каком шатре у Карачи хранились припасы, живо выложил на несколько расстеленных по траве ковров съестное, которое не надо было готовить, – хлеб, копченое мясо, вяленую рыбу, целую корзину крупных бухарских яблок. Казаки кружком, кроме оставшихся в карауле, уселись вокруг и без мешкотни переложили пищу с одного места в другое, более приспособленное для перетаскивания, а ближе к вечеру, когда солнце готовилось опуститься за далекими от Иртыша горами Каменного Пояса, казаки и стрельцы, сидевшие в Кашлыке, радостными криками приветствовали возвратившихся с Саусканского мыса своих товарищей.

– С победой, Матвей, с великой победой вас всех, казаки! – Атаман Ермак крепко обнял верного помощника, по-мужски расцеловал трижды. – Умно повели битву с Карачей, потому и таким малым числом устояли супротив татар! Не скоро Карача очухается, потерявши столько лучших всадников! – А когда узнал, что, кроме личной охраны, князь лишился и двух сыновей, сброшенных казаками с кручи в Иртыш, не мог не порадоваться. И впервые после гибели Ивана Кольцо на широком лице атамана, обрамленном черными усами и бородой, показалась радостная улыбка, и он даже рассмеялся. – Добро! Добро вышло, Матвей! Сия победа вровень с абалакской битвой встанет для нашего войска! А сынов потерял – так это ему божья кара за подлый обман и за смерть наших казаков! Однако и Карача теперь ни на какой мир с нами не пойдет – кровная вражда легла между им и Русью. – И снова радостный смех вырвался из могучей груди атамана Ермака, казаки тоже заулыбались, видя, что их атаман отходит сердцем после долгой печали. – Как славно у вас получилось, Матвей, татар побили и своих казаков спасли. Кто поранен – живо в избу к батюшке Еремею, он выходит. Теперь отдыхайте, отсыпайтесь вволю, а завтра будем думать, что и как делать наперед станем. Провизию, взятую в ставке Карачи, снести в амбар к нашим припасам. Этот запасец нам будет впору, а Карача, думаю, за ним не воротится, не востребует платы золотом или соболиными шкурками! Однако, братцы, спать беспечно не придется: ведомо всем, что Господь добр, да черт проказлив! Не исхитрился бы Карача альбо сам Кучум против, поквитаться захочет!

Нескоро успокоился возбужденный Кашлык, всем хотелось в подробности узнать, как удалось мещеряковцам скрытно влезть в охраняемый стан князя, перестрелять сотню отборной охраны, а потом успешно отразить атаку конницы, когда на одного казака было почти десяток всадников.

Ортюха Болдырев, засовывая облизанную ложку за пояс, перекрестился, негромко, но казаки это услышали, сказал:

– До той поры не успокоимся, пока и самого Карачу – сто чертей ему в печенку! – не скинем с иртышского обрыва ракам на кормление! А теперь – спать, братцы... Глаза слипаются, будто медом намазанные, того и гляди, мухи щекотливые на лицо сядут...

Известие о разгроме войска князя Карачи и о его позорном уходе от Кашлыка, словно на птичьих крыльях, быстро разнеслась по окрестным улусам. Одних оно заставило спешно сняться со стоянки и ради бережения откочевать подальше, вверх по Иртышу, других, наоборот, ободрило. Принесшие шерть русскому царю местные князья, с Оби и с ее западных притоков, вновь спешили выказать преданность. В Кашлык стали приходить небольшие караваны с ясаком и с продовольствием, которого хватало на прокорм казацкого отряда, однако, помня трагедию минувшей зимы и опасаясь ее повторения, атаман Ермак крепко задумывался

о создании более существенного запаса продовольствия к моменту прихода нового воинского подкрепления из России. И случай, казалось бы, самый что ни счастливый, скоро выпал на долю покорителя Сибирского царства.

Глава III. Вагайская трагедия

Атаман Ермак вслед за главным войсковым кашеваром старцем Еремеем спустился в глубокий погреб, пол которого с весны был устлан глыбами иртышского льда, поверх которого навалили сухой соломы, чтобы летом не таял и сохранял холод для сбережения собранного в зиму съестного припаса. Осмотрел и остался доволен – здесь мясо, соленая рыба, сушеная рыба, битая дичь хранились надежно. Когда собирался уже подниматься, толстая дверца погреба открылась, сверху послышался встревоженный голос вихрастого Федотки Цыбули:

– Ермак Тимофеевич, к нам с верха Иртыша большая лодка с какими-то людьми близится! Атаман Матвей к берегу поспешил, велел и тебя оповестить!

– Кого это к нам Господь в гости шлет? – удивился атаман, хмыкнул, крутнул головой и осторожно по доске, положенной поверх соломы, прошел к крепко сколоченной лестнице и проворно покинул прохладный погреб. За ним вылез и Еремей, прикрыл погреб дверцей, сверху бросил несколько овчин, чтобы тепло не проникало в хранилище продуктов.

– Ладно, ежели Господь, – проворчал Еремей, недоверчиво покусывая нижнюю губу. – А ну как сам дьявол недоброе умыслил?

Атаман Ермак похлопал старца по плечу, заглянул в щекастое, заросшее белой бородой и усами лицо с густыми черными бровями, сказал шутливо:

– Тогда мы тебя, батюшка Еремей, впереди войска поставим с большим крестом, чтобы оборонил нас от нечистого! Пошли, Федотка, на берег. Толмача позвал? – уточнил атаман, потому как неведомо, что за люди плывут к Кашлыку со стороны владений хана Кучума.

– Ушел уже вместе с Мещеряком, – ответил Федотка и поспешил за широко шагающим атаманом к иртышскому берегу.

В момент их прихода к реке туда уже подходил небольшой струг под парусом ярко-желтого цвета. На носу струга стоял высокий ростом, дородный в теле мужчина с удивительно жиденькой длинной бородой, которая как бы являлась продолжением его узкого и длинного морщинистого лица. Одетый в шелковый голубой халат, который висел на нем просторно, без пояса, а под халатом тоже шелковая, но светло-синяя рубаша и такие же шаровары. На голове не меховая, а суконная островерхая шапка, расшитая разноцветными нитями. Кроме двух десятков гребцов, около важного человека стояло с десяток людей в воинском снаряжении – в железных шапках, в кольчугах и со щитами. За поясом у каждого кривая сабля в ножнах, а в руках длинные копья.

– Не похож на здешних татар, – высказал предположение Матвей Мещеряк, когда рядом с ним остановился Ермак, тоже удивленный неожиданными гостями. Из-за спины атамана подал голос толмач Микула:

– Из бухарцев, не иначе. Они обычно в такие цветастые халаты облачаются. Неужто от самого бухарского хана Абдуллы к нам посланец прибыл? Только ежели у них русского толмача нет – я вам не слуга, по-ихнему вовсе лопотать не способен.

– Приведите сюда татарского толмача, которого взяли на Саусканском мысу, – приказал Ермак, и двое казаков поспешили вверх по склону. – Что этому человеку от нас нужно? Аль за своего подданного хана Кучума Шейбанида хлопотать будет, чтобы не воевали с ним? – продолжал удивляться атаман Ермак, и сам себя остановил: – Ну, не беда, не след нам гонять телегу порожняком, строя домыслы. Коль добрались до Кашлыка – сами и объяснят свою нужду.

Казаки помогли стругу пристать к берегу, привязали двумя канатами к большому валуну, для чего развернули носом навстречу течению. Гребцы спустили с палубы на берег неширокие сходни. Первыми сошли воины, встали по пять человек в два ряда, и только после этого, внимательно смотря себе под ноги, на каменистый берег сошел важный гость в голубом халате. Он безошибочно, словно раньше видел предводителя казаков, направился к Ермаку, который

в сопровождении полусотни ратников с пищальми поджидал его чуть в стороне, где от Кашлыка к Иртышу был спуск по крутому берегу. Редкобородый с морщинистым лицом незнакомец остановился в десяти шагах, приложил руки ладонями к груди, слегка поклонился и заговорил на языке, несколько схожем с татарским. Толмач Байсуб, которого успели привести на берег и он стоял теперь рядом с Микулой, внимательно выслушал гостя, который постоянно моргал воспаленными покрасневшими ресницами, старательно начал пересказывать, а Микула для проверки то и дело останавливал его, переспрашивая то или иное выражение, чтобы не вышло какой фальши.

В Кашлык прибыл бухарский кутидор – это значит богатый купец Махмет-бай с жалобой на сибирского хана Кучума за то, что он запретил бухарским купцам ехать вниз по реке Ишим к Иртышу для выгодного торга с урусами, то есть с казаками и с народцами, которые живут по Иртышу и Оби, что они, купцы, прежде до прихода русских совершали каждый год, покупая здесь мех и иные товары. У Махмет-бая в караване много товаров, в том числе и зерно разных сортов, как пшеница, просо, рис, только пройти на Иртыш не могут – боятся, что, когда вступят во владения Кучума, он их просто ограбит, не заплатив и одной таньга за товар под тем предлогом, что он, бухарский купец, хочет спасти пришедших казаков от голодной смерти будущей зимой.

– Чего же просит Махмет-бай? Я не властен повелевать Кучумом, еще он не схвачен казаками и не посажен в сруб под крепкий запор. Скажи гостю об этом, татарский толмач, а ты, Микула, проследи, чтобы верно передал мои слова, – приказал Ермак, внешне оставаясь спокойным. Однако Матвей Мещеряк, хорошо зная старшего товарища, догадался, что весть о бухарском караване весьма заинтересовала его.

Кутидор Махмет-бай внимательно, слегка наклонив голову к правому плечу, выслушал вопрос атамана, пересказанный толмачом Байсубом, снова заговорил, несколько раз левой рукой указывая за спину, в сторону верховий Иртыша.

– Купец хочет договориться с тобой, атаман, чтобы ты со своими казаками-батырами поднялся по Иртышу до реки Ишим и там ждал подхода купеческого каравана, – пересказал толмач Микула, выслушав то, что сбивчиво, на трех языках, перевел татарский толмач. – Тот караван остановился в верховьях Ишима, не доходя до владений хана Кучума, сто чертей ему в печенки, как приговаривает Ортюха, – добавил Микула. – В срок через двадцать дней караван будет у берегов Иртыша и после этого под нашей охраной пойдет в Кашлык для торга с казаками и князьками, которые принесли присягу московскому царю. Вот и весь его сказ, Ермак Тимофеевич. Что поспросить еще?

– Велика ли охрана воинская при том караване, спроси, Байсуб, – обратился атаман к татарскому толмачу, поглаживая коротко стриженную бородку. Его карие с прищуром глаза пытливо всматривались в смуглое, морщинами изрезанное лицо бухарского купца.

«Остерегается, чтобы не повторилась беда, какая случилась с подложным посольством кучумовского княжича Бекбулата и мурзы Кутугая, вернее, с карачинским, – подумал Матвей, – и вполне резонно остерегается – на одни и те же грабли только слепой может наступить дважды. А тутошние людишки татарские и бухарские под одним аллахом ходят, поди да разбери сразу, у кого что на уме!»

– Охрана невелика, Ермак Тимофеевич. Ратных воинов, рассказывает купчина, всего три десятка, прочие погонщики верблюдов и лошадей. Шли своей землей без опаски, пока не приблизились к владениям Кучума и не встретили посланцев хана с повелением повернуть назад под угрозой быть побитыми и пограбленными, – пересказал ответ Махмет-бая сперва Байсуб, а потом и Микула.

– Добро-о, – в раздумье проговорил атаман Ермак, вновь взъерошив кучерявую бороду. Потом решительно сказал толмачу Байсубу, а сам испытующе глядел в сухощавое лицо бухарского кутидора: – Дозволяем гостям ночевать здесь, на берегу, в Кашлыке покудова им делать

нечего. Поутру, подумав, порешим, что и как делать будем, с купцами вместе альбо сами по себе.

Кутидор Махмет-бай выслушал казацкого предводителя спокойно, обеими руками огладил бородавку сверху вниз, приложил ладони к груди, поклонился, отошел к стругу и что-то негромко приказал своим людям. Атаман Ермак обернулся к Микуле, одними глазами спросил: о чем он говорил? Микула в замешательстве пожал узкими плечами, скорчил в досаде безбородое лицо, а за него, коверкая иные слова, ответил толмач Байсуб:

– Повелеть котел нести на берег река, ужин варить, плов делать.

– Чудно! Что-то я не видел на струге бегающих баранов, – заметил острослов Ортюха Болдырев. – Должно, спали еще, вот теперь, очнувшись, под нож пойдут, ежели в реку не сиганут, со страху спасаясь от бухарских зубов!

Толмач Микула пояснил, что в дорогу бухарцы берут с собой вяленое мясо, так оно дольше сохраняется в жаркую пору.

– Аллах с ними, – поразмыслив, проговорил Ермак, направляясь вверх от реки к городку. – Пушай едят своих вяленых баранов. Однако, Матвей, оставь десяток казаков с Иваном Камышником на берегу, якобы для бережения бухарскому купчишке, а паче того, чтобы досматривать за гостями недреманно. Господь добр, да черт проказлив, – добавил атаман свою любимую присказку. – Не учинилось бы и нам какого лиха. Шли ведь через земли Кучума да Карачи. Ночевавши там, могли и тамошних блох нахвататься.

– Твоя правда, Ермак, – согласился Матвей Мещеряк, поотстал немного, поманил десятника Ивана Камышника и, таясь от бухарцев, которые шумной толпой сошли на берег и помогили по-своему, устанавливая огромный котел, передал повеление атамана. Иван выслушал молча, кивнул головой, мол, уразумел, и пошел распорядиться, чтобы и его казаки зажгли себе в ночь костер, подальше от воды, у самой кручи.

– Чем поужинать, я тотчас же пришлю к вам старца Еремея, – пообещал Матвей и добавил с улыбкой: – А иначе, не евши, языки изжуете, глядя, как бухарцы плов с бараниной наворачивают большими ложками. Потерпите малость, – и поспешил в Кашлык вслед за Ермаком.

Поутру казацкие командиры и стрелецкий голова Иван Глухов собрались у атамана, недолго обсуждали, идти ли им встречь бухарскому каравану, рискуя ввязаться в новые схватки с войском побитого Карачи и ушедшего в верховья Иртыша самого хана Кучума, или ограничиться обороной Кашлыка и ждать прибытия новых ратных сил из-за Каменного Пояса.

Осторожный стрелецкий голова высказал опасение, что, отправляясь в поход, они рискуют потерять многих казаков и тем самым подвергнуть опасности все отвоеванные у Кучума земли.

– Бог весть, – добавил в конце Иван Глухов, пятерней ерша светло-желтые прямые волосы, сняв стрелецкую красного сукна шапку, – вдруг да откажет Боярская дума слать за Камень новых стрельцов, узнав от Ивана Киреева о смерти воеводы Волховского и его стрельцов? И неведомо нам, каковы теперь дела у царя Федора Ивановича на польских рубежах да на южных засеках. Может статься, что теперь каждый стрелец дорог тамошним военным командирам. А с Сибирью, скажут царю воеводы, и повременить можно, не так уж и дорого плачено государевыми людьми!

– Не приведи господь новой войны с поляками да литовцами. Их король Стефан Баторий дюже любит саблями махать около российских рубежей! – согласился атаман Ермак, покрутил в пальцах клочок черной бороды, потупил взгляд в дощатый пол, устланный пестрыми коврами, и высказал то, о чем не один день размышлял с горечью: – В гибели стрельцов воеводы Волховского нашей вины нет, потому как не полагали вашего прибытия налегке, без съестных припасов, отчего и казаков столько потеряли. Но ежели и в эту зиму не наготовим должного количества провианта на случай прибытия нового воеводы, то тяжкий грех падет на наши головы! У северных князьков, сами знаете, ясак большей частью берем мягкой рухлядью, а

вот бухарский караван везет всякой брашны изрядно, в том числе крупы рисовой, пшеница да пшеницы хлеба печь! А крупы можно хранить всю зиму и весну. В Кашлыке останутся твои, стрелецкий голова, ратные люди, да срочно пошлем к князю Бояру гонца, чтобы отправил сюда полста самых лучших воинов, благо стрел для них у нас припасено достаточно. За пушками да пищами сумеете удержать город до нашего возвращения, тем более что, узнав о нашем походе вверх по Иртышу, в самую середину их владений, ни Карача, ни Кучум не отважатся половинить свои войска. Им важен не Кашлык, важно наших казаков изничтожить, а этого на Иртыше сотворить Кучуму не удастся, не в здешних диких дебрях бродить будем, а на вольном речном просторе!

Атаман умолк, прислушиваясь к людскому гомону, который доносился с площади в открытое окно ханского каменного дома, выпрямил спину, оглядел соратников:

– Тем паче, ежели царю нашему в эту пору приходится тяжело на польских да крымских рубежах, то мы, добывая Карачу и Кучума, надежно оберегаем от новых татарских набегов восточные окраины Руси. Уже и теперь, побив Карачу и убив двух его сыновей, пленив главного их военачальника Маметкула, мы опутали хану Кучуму ноги крепкими веревками, – широко не шагнет!

– Тогда и мешкать нечего! – согласился с атаманом Матвей Мещеряк. – Шлем гонца к Бояру, а пока от него придут воины, начнем собираться в поход. Сколько стругов возьмем с собой?

– Думаю, семь стругов будет достаточно. Да за каждым стругом привязать по челну. В поход возьмем сто двадцать человек, а те, что были ранены или приболели, останутся в Кашлыке, в подмогу твоим стрельцам, голова. На этом и кончим малый сход. Идите к своим людям да готовьтесь в дорогу основательно. А до князя Бояра я стремянного Гришку Ясыря пошлю. Ему князь поверит, потому как хорошо знает рыжеголового верзилу, – добавил с улыбкой атаман. – По Иртышу сплывут на чёлне с гребцами, воротятся конно. В неделю обернутся до реки Демьянки, где становища Бояра. Мы же тем временем и сами изготовимся. Поход будет трудным, с боями, проверьте пищали хорошенько! – И неожиданно добавил то, о чем, вероятно, давно задумал: – Хочется мне князюшку Бегиша на кольцовское пепелище голым задом посадить!

Собирались без спешки, осмотрели оружие – каждый взял с собой по две пищали, на головной струг установили большую затинную пищаль, отлитую накануне похода в Сибирь с надписью: «В граде Кергедане на реке Каме дарю я, Максим Яковлев Строганов, атаману Ермаку лета 7090»⁹. Запас пороха и свинца, отлитого уже в пули, отнесли на струги из расчета, что придется воевать с кучумовцами не раз и не два, беря их городки приступом или отбиваясь от них на берегах Иртыша.

Тихим июльским утром семь казацких стругов, провожаемые с берега прощальными взмахами красных стрелецких шапок и меховых шапок воинов князя Бояра, отошли на стремнину Иртыша. Позади стругов с белыми полотняными парусами шел струг бухарского кутидора Махмет-бая, красуясь яркими желтого цвета парусами под лучами вставшего над Иртышом солнца. Начался затяжной поход вверх по реке, благо в первые часы дул не сильный, но попутный ветер с севера, и на стягах подняли паруса, чтобы сберечь силу рук на тот час, когда ветер утихнет, и придется сесть за весла, преодолевая встречное течение. Небольшие, ветром нагнанные волны качали струги, берега, поросшие буйными нехоженными лесами, казались пустыми, на середину могучей реки не доносились ни звериные рыки, ни жизнерадостное щебетание несметной пернатой братии, только легкий плеск воды у борта да редкое хлопанье парусов. Казаки разместились на палубе, грелись в лучах солнца, которое поднялось над кру-

⁹ Не позднее августа 1582 года (год начинался с 1 сентября).

тым правобережьем, тихо переговаривались, словно боялись нарушить первозданную тишину природы.

Атаман Ермак, одетый в желтый парчовый халат, некогда висевший в ханском покое, поверх которого опоясан голубой кушак с шелковыми кистями, отыскал взглядом Ортюху Болдырева и показал на место рядом с собой на носу головного струга, пообок с затинной пищалью, завел негромкий разговор:

– Ты плавал на челне до Бегишева городка, брал пленника, так? Стало быть, хорошо знаешь тутошние приметные места.

– Знаю, Ермак Тимофеевич, – уверенно ответил Ортюха, искоса посмотрел в сосредоточенное нахмуренное лицо атамана. И в свой черед спросил, заранее догадываясь, о чем думает вожак. – Замысел есть, что ли, как князя Бегиша поколотить, помня его и Карачи злодейскую измену и гибель казаков Ивана Кольцо?

– Посмотри повнимательнее на правый берег. Видишь ли что-нибудь особенное?

Ортюха осмотрел правобережную полосу реки, затем почти отвесные обрывы, изрытые промоинами, по которым в Иртыш скатывались весенние потоки, осмотрел лес – тихо, никого не видно. Так и ответил атаману.

– А я заметил, как трое татар, пригибаясь, перебежали вдоль опушки, за памятным Саусканским мысом. Должно быть, дальний дозор Карачи. Теперь метнутся в седла и погонят в Бегишев городок, чтобы предупредить князя о походе наших стругов.

– Скверно, что татары обнаружили нас. – В досаде Ортюха Болдырев сплюнул за борт струга в покатую речную волну. Сказывали умные люди, что когда дитя падает – бог перинку подстилает, когда старый падает – черт борону подставляет! Хотелось бы и мне на один вечер в черта обернуться и подставить Бегишу острозубую борону под бока! И куда легче было бы грянуть на городок нечаянно, с ночи под туманное утро, аккуратно перед вторыми петухами!

Атаман Ермак засмеялся нелепому желанию десятника, а Еремей, обеими руками провёл по щекастому лицу, огладил белую бородищу и со словами: «Чур его, господи!» – трижды перекрестил Ортюху. Десятник, улыбаясь в усы, нахмурил брови, с деланой миной недовольствия буркнул:

– Ну вот! В который раз хотел сделать доброе дело, так нет, не дали! Теперь махать тебе, Ортюха, булатной саблей над татарами!

– Придется, братец, потому как ждал нас Карача, для бережения своего да бегишева улусов и оставил дозоры смотреть за Кашлыком и за стругами. Знал: не пеши пойдем на татарские городки, но по Иртышу. – Он по привычке огладил черную бороду, карие глаза продолжали следить за крутым правобережьем, хотя внезапного нападения на суда он и не ожидал, не было у Карачи столько лодок, чтобы разместить войско и дать сражение казакам на воде.

К обеду показалась знакомая Ортюхе лощина со становищем манси в три избушки. На мысу, который выдавался в Иртыш на сотню шагов, толпились с десятков местных рыбаков, которые выбирали сети из воды. Приметив казацкие струги под парусами, манси побросали сети, шесты и с криками побежали вверх по лощине, к избушкам.

– Всполошились, словно цыплята, приметив летящего на них коршуна, – проговорил рыжеволосый Гришка Ясырь, покривив в презрительной улыбке красное, будто кипятком ошпаренное лицо. Тонкие рыжие усы задвигались, когда он по-рысьи хищно оскалил редкие крупные зубы.

За спиной атамана подал басовитый голос старец Еремей:

– Не иначе как люди Карачи напугали манси страшными сказками о лютости казаков, потому вона как, видите, похватили детишек и бегут, спасаясь, к лесу. Не скоро тутошние жители уверуют, что русские ратники – не бесята из преисподней, кровь не пьют и малых детишек живьем не терзают, пожирая, аки псы ненасытные! – Он запахнул плотнее подаренный атаманом новенький татарский ватный халат ярко-синего цвета, опоясанный черным шелко-

вым поясом, снова трижды перекрестился, как бы утверждая свои слова о том, что казаки без надобности не поднимут оружие на мирных жителей Сибири.

– Срок придет, батюшка Еремей, и сибирские народцы примут московского царя, а многие уверуют и в нашего господя, особливо те, кто ныне поклоняется не аллаху, а молятся своим идолам, – ответил Ермак, левой рукой погладил на груди теплую на солнце кольчугу – подарок отважного полководца Петра Ивановича Шуйского. Позолоченные круглые медные бляшки с двуглавым орлом на лицевой стороне сияли, отражая солнечные блики.

Ортюха Болдырев улыбнулся, видя, как посветлели постоянно строгие глаза атамана, не сдержал восхищения ратной броней:

– Знатная бронь! Не всякая стрела прошибет эти колечки. Видна рука отменного коваля.

– Вот бы с кем давно мне хотелось сразиться с врагами Руси бок о бок! Как воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин в сражении с крымским ханом Девлет-Гиреем при Молоди летом семьдесят второго года прославил свое имя отвагой и ратным умом, так и князь Петр Иванович Шуйский не имел себе равных среди царских воевод в минувшей войне супротив поляков и литовцев!

– Не печалься, Ермак Тимофеевич, что нет рядом князя Шуйского, успокаивая атамана, вполне серьезно пробасил старец Еремей, умащаясь на скамье так, чтобы солнце прогревало спину. – И побитие коварного хана Кучума будет памятно на Руси долгие годы!

– Ты так думаешь, батюшка Еремей? – повеселел и Ортюха Болдырев, даже на кормовой лавке завозился от нетерпения. – Что же такого натворили мы, чтобы о нас помнить, да еще и поименно?

– Да как же! – воодушевляясь, отозвался старец, и его ясные серые глаза загорелись от нахлынувших радостных чувств. – Спокон веку татары то и дело вторгались на землю Русскую, грабя и пожигая города и веси! А ныне мы сами вошли во владения Сибирского хана! Вошли первыми и побили крепко хана Кучума, поместили за его постоянные набеги за Каменный Пояс! То и будет памятно на Руси!

Атаман Ермак с долей сожаления покачал обнаженной кудрявой головой, вздохнул и хрустнул стиснутыми пальцами обеих рук:

– Побить-то побили, да ускользнула блоха из-под обуха! Убежал Кучум в южные улусы, должно, там силу супротив нас собирает! И Карачу окоротили, да ноги не спутали – убежал, сыновей мертвых бросил речной твари на съедение! Теперь не иначе, как у Бегиша остановился, его ратниками войско умножил.

Ортюха поддакнул, сказал, что Бегишев городок довольно крепок, стоит над иртышской кручей, но он с казаками ходил вверх по ложбине, что южнее городка, до проезжей дороги.

– Это там мы полонили татарина, который и поведал нам о горькой участи казаков Ивана Кольцо. По той ложбине можно обойти городок и влезть на вал.

– Вал-то высок будет? – уточнил атаман, словно уже прикидывал, легко альбо трудно придется казакам в скором сражении.

– Да не дюже высок. Скорее это преграда для конника, а не для пешего ратника. Аршина три-четыре, не более. И частокола поверх нет. Нужда будет – влезем легко, – пояснил Ортюха, оглядываясь за корму головного струга – на втором струге плыл Матвей Мещеряк.

– Славненько! Вот когда присунемся к тому городку, так и порешим, как нам князька Бегиша на копье посадить! – решил атаман Ермак и повелел казакам перекусить на ходу, благо время уже было за полдень, ветер покрепчал, и струги пошли быстрее, теперь уже раскачиваясь с кормы на нос, пропуская под собой невысокие пологие волны. Постепенно на землю опускались вечерние сумерки, ушло за Каменный Пояс солнце. Некоторое время его лучи, не доставая воды, продолжали освещать зеленые леса и обрывистые склоны высокого правого берега, а потом медленно поднялись вверх, подкрасили в розовые цвета подбрюшья больших куче-

вых облаков, постепенно теряя яркость и угасая, пока не зажглись на востоке первые вечерние звезды.

– Будем идти и по темному времени, – ответил атаман Ермак на вопрос Еремея, не время ли приткнуться где-нибудь и стащить артельные котлы на берег, чтобы подкормиться пшенной кашей с бараньим мясом. – Как покажется Бегишев городок, так и сделаем привал. Он повернулся лицом к Болдыреву – десятник внимательно следил за правым берегом Иртыша, во тьме пытаясь по приметам угадать, далеко ли еще им плыть. – Ну, Ортюха, разглядел что-нибудь?

– Да, Ермак Тимофеевич, по приметам признаю места. Думается мне, что вон за тем небольшим холмом над обрывом и быть Бегишеву городку. С ходу кинемся, альбо подождем, когда солнышко воротится с другого бока земли?

Атаман усмехнулся в бороду, ответил шуткой:

– Еще мой дед Кондратий говаривал: не зная броду – не суйся в воду! Удача, Ортюха, не батрак, за вихор к себе не притянешь! Тут смекалка добрая нужна! Так и нам, не осмотрев силы татарской, негоже лезть напролом по этакой круче, можем головы себе сломать! Да к тому же нас теперь не пять с гаком сотен, а всего ничего! Каждая сабля на счету.

Верный глаз оказался у десятника Ортюхи: когда струги прошли мимо приречного холма, впереди и слева на высоком плоскогорье показался городок, который, несмотря на полночь, светился многими десятками сторожевых костров.

– Надо же, как напуганы татары! – удивился Болдырев, когда насчитал на приречном песке не менее двух десятков костров. – Не только распалили огонь по берегу, но и вокруг городка, вон зарево светит по ту сторону Бегишевой столицы!

– Чему дивиться? – отозвался Ермак. – Это на случай, ежели мы сразу пойдем на берег под городком. Татары во тьме будут, а мы на свету, так нас стрелами куда сподручно угощать! – Он повернулся и прошел с носа на корму, повелел кормчему править струг ближе к противоположному от городка берегу. – Поищем укромное местечко для стоянки, да и сами запалим костры.

Десятник присоветовал заводь, где он укрывался на челне, когда приходил к Бегишеву городку проведать о судьбе Ивана Кольцо. Заводь отыскали, она оказалась довольно просторной, с невысокими, в сажень, берегами, покрытыми густой травой, кустарником и редко растущими деревьями.

– Доброе место, – порадовался старец Еремей. – Сушняка достаточно, земля не болотистая, вмиг каши наварим. А супостатов к трапезе призовем? – со смехом спросил Еремей, вытаскивая из кормового ящика мешочки с пшеном, соль и вяленое мясо. На шутку старца откликнулся атаман Ермак, бросая конец каната на берег Гришке Ясырю, чтобы привязал струг к дереву понадежнее:

– Им нет нужды через Иртыш тащиться. Поутру сами свезем брашно к Бегишу, угостим на славу, чтобы и внукам было о чем поведать, отходя в мир своего аллаха! Гришка, привязал? Ну тогда покличь ко мне атамана Матвея, живо!

– Иду, батько атаман, – отозвался в темноте басовитый стремянной, и его неспешные, шаркающие по траве шаги затихли, удаляясь. Через несколько минут у головного струга объявился Матвей Мещеряк. Придерживая левой рукой длинную персидскую адамашку, осторожно перешагнул с берега на борт струга.

– Звал меня, Ермак Тимофеевич? – спросил Матвей, присаживаясь на скамью около матчы с опущенным парусом.

– Обмозговать надо, как поутру городок взять да по ветру пустить! Уверен, что Карача и Бегиш хорошо приготовились к сражению, одолеть их одними пищалями трудно будет... Ортюха! – громко позвал атаман Ермак Болдырева, который отошел к соседнему стругу, где готовили ужин казаки его десятка, а более всех старался с виду неуклюжий Тимоха Приемыш, изрядный любитель поест у артельного котла – всегда просил двойную меру щедрого черпака.

– Иду, Ермак Тимофеевич! – прокричал в ответ Ортюха и широкими шагами пошел на зов, присел рядом, ссутулил спину, чтобы не выситься над атаманами, которые оба были чуть выше среднего роста, но плечистые и крепкие в сабельной рубке.

– Вот что, братья-казаки, пришло мне в голову, пока шли мы Иртышом в эту заводь. Ежели бить Бегиша от реки в лоб – трудновато придется, уклон довольно крут, взбираться будем с пропотевшими спинами, да еще и под стрелами татарскими. А вот ежели мы того князька ударим разом в лоб и по затылку – то всенепременно у него глаза из-под лба вылетят! А ударить по затылку князя Бегиша должен ты, Матвей! Так же крепко, как ударил Карачу на Саусканском мысу... Только теперь я могу дать тебе под твою руку не более трех десятков казаков. С остальными полезу на кручу сам. У нас нет другого выхода, как бить князей порознь, покудова они не сгуртовались сызнова вокруг хана Кучума. Супротив всей татарской силы не устоять, толпой они просто задавят!

– Стало быть, мне с казаками обойти Бегишев городок со спины? Тогда надо на двух стругах сплыть вниз по Иртышу, до холма, струги оставить и выйти на берег незамеченными, – вслух поразмыслил Матвей Мещеряк. – До восхода солнца должны успеть.

Атаман Ермак покачал головой, с чем-то не соглашаясь:

– Ежели я утром подступлюсь к городку на пяти стругах, Карача и Бегиш догадятся, что часть казаков где-то укрылась в засаде. А надобно вот как сделать – усади своих людей в челны, по этой стороне спустись вниз, а за холмом, когда ночной туман укроет Иртыш, плывите к правому берегу. Должны успеть к восходу солнца, только постарайтесь не ткнуться в татарские дозоры, обнаружат – поднимут сполох на все Сибирское царство! Уразумел, Матвей? В поход наденьте броню для бережения от стрел.

– Уразумел, Ермак Тимофеевич. Ужинать из котла некогда, возьмем хлеб да вяленое мясо, в челнах перекусим. Ну, прощай покудова, Ермак Тимофеевич, пошли собираться...

* * *

Невысокая пелена тумана в полном безветрии надежно укрывала челны от вражеского подмотра. Казаки гребли изо всех сил, стараясь как можно быстрее пересечь Иртыш и уткнуться в песок правобережья. Матвей Мещеряк, изготовив заряженную пищаль, облаченный в тяжелую кольчугу под кафтаном, в железной шапке, застегнутой на ремень под подбородком, внимательно поглядывал вперед, чтобы вовремя дать знак гребцам, если вдруг появится упавшее в воду дерево или плывущая по реке коряга. Иртыш, к счастью, был чист, потому как давно над степями не было проливных дождей с их мутными потоками.

– Осторожно, братцы, – предупредил Матвей Мещеряк сидящих за веслами. – Кажись, берег близок. Вона, туман как потемнел впереди.

Действительно, впереди, сквозь туман, стал просматриваться обрывистый берег, а сверху, совсем неожиданно, из близкого леса донеслось раскатистое уханье пернатого хищника, только не понять было, просто ли пугал кого филин или кричал с досады, упустив юркую мышь в глухое подкоренье.

– Тащите челны на песок, – вполголоса распорядился Матвей Мещеряк. – Может статься, что пригодятся еще. А теперь поищем удобной лощины для карабканья наверх.

Казаки, вскинув по две пищали на плечи, придерживая сабли, чтобы удобно было идти, гуськом потянулись за атаманом, каждый в своем десятке с Ортюхой Болдыревым и Иваном Камышником. Ивану идти было труднее – давала о себе знать рана, полученная еще летом минувшего года в хождение за ясаком в Пелымское княжество, где правил Аблегирым, давний враг Руси, не единожды нападавший вместе с Кучумом на русские городки за Каменным Поясом.

– А-а, дьявол, расшиби тебя гром натрое! – шептал всякий раз Иван Камышник, когда чем-нибудь задевал за раненое правое бедро. – Торчало бы себе на радость в другую сторону, так нет же, норовит в больную ногу сунуться!

Третий десяток казаков вел Тимоха Приемьш. Чтобы облегчить ходьбу другу, попросил казаков забрать у Ивана пищали, и Камышник взбирался вверх, опираясь обнаженной саблей в твердую сухую землю, словно старец о звонкий посох. Вскоре продрались сквозь кусты и ложиной поднялись на северный склон холма, густо поросший соснами. Под ногами мягкий слой опавших игл и разной травы, над головой изредка просматривались яркие мигающие звезды, а над Иртышом все та же пелена тумана, которая лишь местами, ближе к стрежню, разрывалась темными пятнами над спящей рекой.

– Поспешим, братцы, скоро восток зарозовеет, а нам шагать еще верст пять по лесной чащобе, – поторопил Матвей Мещеряк товарищей.

Шли бережно, прислушиваясь к каждому звуку, который так хорошо слышен в ночном лесу, но кроме неспящих филинов да легкого шуршания убегающих мышей, ничего подозрительного не замечалось. К Бегишеву городку вышли с первыми из-за горизонта лучами утреннего солнца, когда однотонные кучевые облака над головой подкрасились снизу бледно-розовыми красками.

– Ого! Татарские князья решили отгородиться от нас кострами, как ладанным дымом отгораживаются от нечистой силы! – пошутил Ортюха Болдырев.

Он остановился на опушке леса рядом с атаманом, казаки залегли в бурьяне, не переставая наблюдать вокруг и особенно за городком. Внимание атамана привлек большой табун коней, которые стреноженными паслись между лесом и сторожевыми кострами, разложенными с наружной стороны неглубокого рва. На валу парами, через полста сажень, стояли дозорщики, высматривая в поле, что может вдруг пошевелиться. На юг по тракту изредка скакали парные всадники из городка и в городок.

Ортюха Болдырев узнал и дорогу, и неглубокую балку, где он с молодыми казаками брал пленного татарина. Напомнил об этом Матвею Мещеряку, добавил приглушенным голосом:

– Да-а, бережет себя Бегиш, ждет казаков. Еще час-другой, и атамановы струги пойдут через Иртыш, а нам отсюда из-за кручи берега их не увидеть.

– Услышим, когда струги к берегу приблизятся, – отозвался Матвей Мещеряк. – Условились мы с Ермаком, что он из затинной пищали пальнет по татарам, когда приблизится к городку. А вот как нам подступиться к Бегишу со степи незамеченными – загадка пострашнее сказки о змее девятиголовом. Приметят татары издали, почти за версту, кинутся встречь скопом, так что и отбиться не сумеем! Стало быть, надо что-то придумать!

Ортюха Болдырев еще раз оглядел поле вокруг городка, окраину леса, решил посоветовать атаману свою задумку:

– Надобно краем леса быстро пройти к вон тому южному тракту, овражком спустимся и перекроем дорогу Бегишу и Караче, ежели они надумают бежать в степи, к хану Кучуму. А сюда, в сторону Кашлыка, они отступать и не подумают. Оттуда и до вала рукой подать, заранее не увидят нашего приближения.

Матвей Мещеряк раздумывал недолго, принял совет десятника, тут же отступил с опушки к залегшим в бурьяне казакам.

– Поспешим, братцы, не за грибами пришли, да и не видно их здесь!

И вновь шли лесом, не углубляясь, но и не показываясь на открытом месте, хотя в лесу было еще довольно сумрачно, зато Бегишев городок уже освещен косыми лучами солнца довольно хорошо, так что огонь сторожевых костров померк, и только столбики дыма указывали место, где догорали толстые поленья.

– Пришли, – тихо проговорил Ортюха, когда перед ними объявился заросший высокой травой и кустами овражек, уходящий в сторону Иртыша мимо городка. – Теперь поспешим вниз. Как бы не опоздать к началу сражения.

– Скорее, скорее, братцы! – заторопил свое малое войско атаман Мещеряк. – Иван, как твоя нога? Поспеешь за нами? – Матвей видел, что трудный переход лесом дался Камышнику непросто.

– А что ей сделается, этой ноге, разве что как у бабы-яги станет вдруг костяной? – шутиливо отозвался десятник, левой рукой провел по длинным вспотевшим от тяжелого дыхания усам. – Вот ежели был бы я восьминогим пауком, так и вовсе никаких забот... Не отстану, Матюша, не беспокойся из-за меня!

Матвей и рядом с ним Ортюха торопливым шагом пошли вниз по овражку, и через десять-пятнадцать минут ступили на дорогу, которая пересекала поле от Бегишева городка к южным улусам, ближайшим из которых был Саргачский, где в городке Тебенди правил своим родом князь Елыгай. Чуть южнее Тебенди в Иртыш впадал Ишим, еще одна крупная река во владениях хана Кучума.

– Ну вот, теперь до вала рукой подать. Отсюда и кинемся на Бегиша со спины, когда под обрывом начнется сражение. Мы Кашлык брали боем от берега, без охвата. Думаю, и на сей раз Бегиш с Карачей, ежели и он здесь, не чают удара в спину, – с видимым облегчением выговорил Мещеряк, посмотрел на своих казаков, которые изрядно притомились из-за бессонной ночи, сказал: – Перекусите, братцы, да ногам роздых хоть малый дайте.

– Надо отойти от дороги чуток вон к тем кустам, ниже по оврагу. Вдруг конники будут поутру скакать туда-сюда, увидят нас и сполох поднимут, – предостерег Ортюха.

Матвей признал совет десятника здравым, и казаки спустились ниже дороги, залегли в кустах и высоком бурьяне, который густо пах свежей полынью, достали из карманов куски вяленого мяса в белых тряпицах, принялись есть.

– Тихо, братцы! – негромко подал голос атаман. – Кажись, кого-то черти несут по степи! Да не одного, а несколько грешных душ! Всем лечь животами на траву и голов не поднимать!

Конский топот с каждой минутой становился все яснее, и вскоре по дороге, придерживая коней у овражка, показались всадники с хвостатыми пиками, которые торчали над меховыми шапками. Матвей Мещеряк насчитал около четырех десятков всадников. Татары миновали овражек и поскакали к городку, по мосту через ров въехали в открывшиеся ворота, где их взмахами шапок встретила стража.

– Кто-то из улусских старшин своих воинов прислал на зов князя Бегиша. Худо, ежели к началу сражения к нему еще какая ратная сила подоспеет, а то и сам Кучум объявится, – с сожалением прошептал Матвей Мещеряк, а Ортюха добавил, что ладно малая сила подъехала, а кабы сотни три-четыре, то и вовсе казакам трудно пришлось бы. Он приподнялся на длинные ноги, чтобы лучше видеть городок, и тут же, не сдерживая голоса, с хрипотцой сказал так, чтобы слышали все:

– Кажись, пошли струги через Иртыш! Вона, дозорные на валу забежали, свои места побросали без догляда!

Казаки поднялись на северный склон овражка, по-прежнему хоронясь в траве и за кустами, хорошо разглядели, что в городке поднялась изрядная паника, вновь раскрылись толстые дощатые ворота в степную сторону, и три всадника наметом пустили коней, пригибаясь шапками к лохматым гривам степных скакунов.

– Бегиш вестника погнал к Кучуму или к Караче! – догадался Матвей Мещеряк. – Ортюха, вели казакам спешно натянуть аркан на те колышки, которые ранее вбили!

Ортюха подхватил за руку Федотку Цыбулю, и они быстро намотали оба конца крепкого аркана на колья, которые вбили здесь, когда брали пленного татарина.

– Укроемся, – сказал Ортюха, ложась на живот в бурьян. – Как объявятся, будь готов метнуться на упавших. Не стреляй, чтобы лишнего шума не случилось.

За спиной послышался легкий шорох, Ортюха обернулся – это товарищ Федотки Митяй подполз к ним со своим арканом. Ортюха кивком дал знак безумному казаку, чтобы он воспользовался своим арканом, случись вдруг если татары успеют заметить западню.

«Ежели и разглядят, то успеют ли поднять коней и перескочить через препятствие?» – успел подумать Ортюха, наблюдая, как всадники, нахлестывая коней, вымчали к овражку и, не сдерживая галопа, ринулись вниз.

Остальное произошло в считанные секунды. Казаки рванулись вперед, прежде чем передний конь, запнувшись о туго натянутый аркан, заржал и головой вперед рухнул на землю. Его хозяин вылетел из седла, раскинул руки – в одной плеть, а другая пустая, – издал крик испуга и гулко ударился грудью о твердую землю. Скакавший за ним татарин налетел на упавшую лошадь и завалился вместе со своей, третий чудом успел натянуть повод, конь взвился на задние ноги, прошел на них несколько шагов, потом дико взбрыкнул, да так резко, что всадник не удержался в седле, слетел вправо, успев освободить ноги из стремян.

– Хватай нехристя! – не сдерживая голоса, закричал Ортюха и одновременно с Федоткой навалился на дюжего татарина, но тот выхватил из-за пояса кривой, с широким лезвием кинжал, размахнулся, чтобы ударить молодого казака в живот. На какую-то долю секунды Ортюха сумел опередить врага и удачно ткнул саблей в шею, не дав ему возможности поразить Федотку. Татарин всхрипнул разорванным горлом, выронил нож, охватил шею руками, словно так можно было остановить хлынувшую между пальцев кровь, и завалился на обочину дороги, ломая высокие пахучие стебли полыни.

И будто короткая стычка с Бегишевыми посланцами дала сигнал кровавому сражению. Со стороны Иртыша послышались раскатистые крики казаков, которые из стругов дружно повалили на берег. Бабахнула затинная пищаль, ударил первый залп пищалей, из-за невысокого вала городка в ответ полетели сотни стрел, от которых казаки укрывались круглыми щитами.

– С богом, братцы! Поможем атаману влезть на кручу! – выкрикнул Матвей Мещеряк и рывком поднялся из бурьяна, взял легкий щит из-за спины, надел его на левую руку так, чтобы он прикрывал грудь, но не мешал стрелять из пищали. Другая заряженная пищаль висела на ремне за спиной.

Его маленький отряд скорым шагом, растянувшись цепью, пошел от овражка к городку, до которого было шагов двести, не более. Какое-то время на валу не было видно ни одного человека, но когда прошли почти половину пути, на вал вбежало два десятка воинов, они что-то кричали, размахивали обнаженными саблями, беспрестанно оглядываясь в сторону городка.

– Сполах подняли! – громко выкрикнул Мещеряк, сапогом подминая на ходу упрямую полынь. – Это Ермаку в радость! Бегиш начнет крутить головой туда-сюда, не зная, сколько нас у него за спиной! Идем без робости, братцы! Пушай нехристи видят силу русского ратника! Палить из пищалей только в крайности да наверняка! А уж потом сабли в дело пустим!

Казаки взяли оружие на изготовку, молча шли к городку, татар на валу становилось все больше и больше. Под кручей крики и пищальная пальба набирали силу, потом все слилось воедино, и сквозь людской гомон стал все отчетливее доноситься яростный сабельный скрежет – дерущиеся сошлись, что называется, зев в зев, когда в ход идут не только сабли, но и ножи, кулаки и зубы.

– Ермак в городке! Смотрите, братцы! Казаки через вал полезли! Неча-ай! – зычно прокричал Матвей Мещеряк и с быстрого шага перешел в бег, увлекая за собой соратников.

– Неча-ай! – подхватили боевой клич казаки и вслед за атаманом пустились бежать в сторону вала, куда с боем отступали от иртышского берега воины Бегиша и Карачи.

Когда до вала оставалось менее сотни шагов, татары ринулись в ров, а из него в поле, навстречу небольшому казачьему отряду. Сколько было врагов, Матвей не мог определить точно, он подал команду:

– Встать плотнее! Пищали готовы! Щиты выставь перед собой!

Прокричал вовремя, потому как многие татары начали на бегу натягивать луки и пускать стрелы в шеренгой остановившихся казаков. Вот между врагами восемьдесят, шестьдесят шагов, еще меньше...

– Пали-и! – крикнул, чуть не сорвав голос, Матвей Мещеряк и сам выстрелил в рослого, хорошо одетого воина, который на бегу размахивал кривой сверкающей на солнце саблей, прикрыв себя ярко-красным круглым щитом, над которым видно было красное от возбуждения лицо с горбатым носом над черными длинными усами. Пуля пробила щит, ударила в грудь, и татарин, сделав по инерции три неуверенных шага, рухнул боком в бурьян. Рядом с ним густо повалились убитые и раненые, одни неподвижно, другие пытались встать на колени и снова падали в густой бурьян. В толпе атакующих, или вернее сказать, убегających из городка, образовалась изрядная дыра, и пока она заполнилась новыми воинами, казаки быстро поменяли пищали и по команде атамана дали второй залп, уже шагов с сорока. Редкая пуля прошла мимо татарского воинства.

– Сомкнись! Сабли к сече! – крикнул Матвей Мещеряк, принял на щит удар хвостатого копья и одним махом рубанул набежавшего рослого воина с дикими от ярости округлыми черными глазами.

– Секи-и!..

– Вали тварь поганую!

– Ал-ла!

Вихрились крики и стоны, лязгала сталь, раздавались удары клинков о щиты, шлемы, ругань понятная и незнакомая, предсмертные вопли упавших на измятую прохладную поутру траву.

– Держись, братцы! Ермак жмет татар со спины! Наши рядом! – Матвей Мещеряк стоял в подвижном строю своих казаков чуть впереди, резко взмахивал тяжелой длинной саблей с утолщением на конце, что делало его удары особенно тяжелыми для противника. Он сшибал набежавших татар, не давая им возможности наваливаться плотной кучей, успевал следить за тем, как стойко и умело бьются его казаки, став полукругом и укрываясь щитами.

В стороне от места скоротечной схватки убегających из городка татар с казаками атамана Мещеряка, пригибаясь к конским гривам, галопом прогнали коней с полсотни всадников, проскочили овражек и умчались на юг. Следом побежали те, кто спасся от казаков атамана Ермака. Гнаться за ними не было сил, потому как подъем на кручу и яростная рубка в городке дались ратникам не так-то просто.

Бережно обходя побитых и покалеченных татар, которые лежали неподвижно или корчились от ран на измятом полынном поле, атаман Ермак подошел к Матвею Мещеряку, устало улыбнулся и крепко обнял верного соратника.

– Славно вышло, Матюша! Отвлек ты Бегишеву силу с кручи на себя, полегче стало врываться в городок! – Ермак вынул из-за отворота кафтана мятый холщовый платок, утер потное лицо, снял шлем, вытер курчавые темные волосы и загорелую жилистую шею. – Все ли казаки живы?

– Живы все, только четверых татарскими стрелами да троих саблями посеколо, к счастью, не очень сильно, вона друг дружку на траве лечат. А у тебя, Ермак?

– И у меня чуток больше десяти казаков стрелами да копьями покалечено. Крепко Бегиша да Карачу побили пищальным огнем, едва князья спаслись на конях! Идем в городок, оставим поле. Сюда местные жители возвратятся, раненых подберут, мертвых похоронят по своему обычаю. Бегиш, оказалось, имел две старые пушки, из Казани давно привезенные. Да

только, как и под Кашлыком, не сумели из них ни разу пальнуть. Наш ведун старец Еремей божится, что это он молитвами заговорил пушки, чтобы не стрельнули по казакам. Так Бегиш приказал столкнуть их с кручи на наши головы.

– Задело кого? – спросил хриловатым голосом Ортюха Болдырев, на ходу пучком зеленой травы оттирая со щита потеки крови, которая видна была у него и на правой руке, и на полах серого кафтана. Он едва успевал за быстро идущими атаманами, хотя почти на голову был выше обоих.

– Мимо прокатились с буханьем на буграх, – отозвался Ермак. – Как только мы узрели, что татары толкают их с вала, расступились и пропустили чугунные махины. Зато наша затинная пищаль, пока мы лезли по круче вверх, несколько раз удачно пальнула ядрами по валу, и не мимо татарских голов!

– Здесь задержимся, или далее погребем? – спросил Матвей Мещеряк, когда казаки собрали оружие, брошенное татарами, и сошлись в центре городка у пепелища, в огне которого не так давно погибли отважные казаки со своим атаманом Иваном Кольцо.

– Холмик бы насыпать да крест поставить, – вслух подумал Матвей Мещеряк, искоса глянул на суровое, с поджатыми губами лицо атамана Ермака. Показалось даже, что у того скупые слезы подступили к глазам. – Не удалось Бегиша посадить на угли...

– Даст бог удачи – не спасется и в дикой степи от нас... А крест татары все равно снесут, – тихо проговорил атаман Ермак, снял шлем и с обнаженной головой сделал поклон, касаясь рукой утоптанной земли.

И все бывшие здесь казаки повторили прощальный поклон. Не желая оставаться в полуразрушенном в ходе сражения городке, который горел в четырех местах, побрав найденные съестные припасы и оружие, без мешкотни спустились с берега к стругам, которые охранялись десятью наиболее пожилыми казаками.

– Снесите котлы да кашу готовьте, – распорядился атаман Ермак. – Отобедаем и далее погребем! Батюшка Еремей, присмотри за ранеными, надобно из них сделать годных к сражению людей! Иван Камышник, подь сюда!

От соседнего струга отозвался десятник Камышник, он только что отмыл в Иртыше от крови щит и кольчугу – в сече с татарами он был рядом с Мещеряком и не упятился от противника даже на шаг, уподобившись каменной скале. Он успевал также присматривать и выручать молодого казака Митяя, который сущим чертом вертелся под татарскими клинками, щитом и саблех владеа не хуже бывалого казака.

– Иду, Ермак Тимофеевич! Нужда в чем?

Атаман повелел десятнику и его казакам подняться в городок и оттуда доглядывать, не сватаживаются ли где поблизости бежавшие с поля боя татары для неожиданного набега на казакский стан.

– Застанут нас с кашей во рту, не отобьемся черпаками, сложим головы на мокром песке. Поесть оставим, о том не тужите.

– Иду, атаман Ермак Тимофеевич. Наша каша от нас не уплывет. – Десятник взмахом руки поднял своих казаков со струга, повел по склону вверх к городку, над которым густо поднимался дым пожара.

– Ну вот, теперь можно спокойно ждать, когда каша упреет. Кору не поглодав, и заяц от лисицы не упрыгает, не так ли, Гришка? – пошутил атаман Ермак, наблюдая, как его стремянной расправляет небольшую скатерть на корме головного струга.

Гришка поскреб ногтями рыжеволосый затылок, качнул головой, отшутился в ответ:

– Как знать, батько Ермак! С пустым животом сноровистее средь кустов шмыгать, пузом не застрянешь!

– Ишь ты, смекалист! И поесть любит не за двоих, а за четверых. Да, велика сибирская земляца, а пахаря на ней нет настоящего. Вот бы куда русского мужика поселить да от тяжкого

ярма барщины лет на десять освободить. Большим бы хлебом заколосилась здешняя земля. Не умирали бы служилые люди с жуткого голода, – вновь вспомнилась страшная своими роковыми потерями минувшая зима. – Неужто новый государь спустит вину боярам, виновным в смерти стрельцов и казаков? Быть того не может! – Атаман Ермак говорил, но в голосе его Матвей улавливал нотки сомнения, потому и буркнул тихонько, чтобы другие не слышали:

– Ворон ворону глаз не выклюет! Неужто царь не первый боярин на Руси? Наипервейший!

Ермак Тимофеевич, раздумывая, смотрел на спокойную ширь Иртыша и наконец ответил верному другу:

– Что первейший, то истинно. Но немало первейших бояр да князей лишились голов и поместий от опричного топора! Кто с виной в душе, а кто и безвинно, едино по подозрению в измене, особенно после побега князя Курбского в литовские земли... Что за шум на круче? Кого волокут? – Атаман различил возбужденные голоса со стороны Бегишева городка, а вскоре увидел, как двое казаков десятника Камышника под руки волокут упиравшегося татарина в сером полосатом халате, но без шапки. На поясе болтались пустые ножны, а сабля была уже засунута за пояс пожилого бородатого казака с радостной широкой улыбкой от удачной поимки супостата.

– Вот, батенька атаман, словили гадюку, полз по кустам овражка, мнил мимо нас прошмыгнуть да в степь задать стрекача, словно тонконогий кузнечик! – Казак улыбался с трудом, потому как нижняя губа вспухла и кровоточила, отчего казак то и дело облизывал ее, будто кот, который тайком отходит от миски со сметаной.

– Та-ак. – Ермак потер крепкие ладони, улыбнулся, велел позвать толмача Еропкина. Микула, на ходу дожевывая кусок ржаного сухаря, заправил длинные светлые волосы под суконную шапку с заячьей оторочкой, подошел, поклонился атаману, с любопытством осмотрел пленника, на сухощавом лице которого так же, как и у старого казака, видны ярко-красные, не успевшие посинеть следы недавней кулачной потасовки. Перед атаманом татарин притих, понял, что в один миг может лишиться головы.

– Спроси, Микула, чей он ратник и был ли Карача в здешнем городке при минувшей баталии? – приказал атаман, уперев в лицо пленника суровый взгляд.

Толмач шмыгнул широким носом, повторил вопрос Ермака. Татарин, мигая заплывшим глазом, объявил, что он служил у князя Бегиша в дворовых стражниках, что самого князя Карачи в городке не было, но было до сотни его воинов. После этих сообщений воин неожиданно объявил, что просит «князя-атамана» даровать ему свободный уход в поле, а за это обещает спасти жизни двум русским людям, мужчине и молодой девице.

– Кто такие? – оживился атаман Ермак. В душе многих казаков вспыхнула надежда, что этим мужчиной мог быть их товарищ из отряда Ивана Кольцо. – Назови, кто эти люди?

– Просит изверг, Ермак Тимофеевич, чтобы ты поклялся именем господ нашего, что за известия ты даруешь ему волю, – перевел торопливые слова татарина толмач Микула. Видно было, что по лицу атамана пленник понял, известие о русских людях очень заинтересовало казачьего предводителя.

– Бес с ним, будет ему воля, ежели не врет, – обещал атаман и для наглядности обещания трижды перекрестился. – Кто те люди и где они теперь? Да живее, не до Яблочного Спаса нам торчать под этими обрывами!

Микула выслушал рассказ пойманного Бегишева стражника, потом старательно пересказал атаману, что в одном из амбаров князя Бегиша сделано потайное подземелье, где хранился скарб и провиант на случай долгой осады городка недругами, в том подземелье связанными брошены русский промысловик и его дочь.

– Ортюха, – повелел атаман десятнику, – бери стражника, поднимитесь в городок, пущай укажет, где потайное подземелье. Ежели там и вправду схоронен скарб и пропитание, твоим казакам все и перетащить к стругам. Промысловика с дочерью привести к нам.

– А что с пленником сотворить? Отсечь башку? – спросил казак с разбитой губой и зло посмотрел в широкое усатое лицо татарина, левый глаз которого настолько опух, что он им почти ничего не видел. Атаман посмеялся, сказал, что драка была обоюдосторонняя и с одинаковым успехом, так что теперь мстить за синяки нет никакого резона.

– И в честной драке на квас не заработаешь, а тут и вовсе иной прибыток, брат Фома, смирись. Будет так, что не соврал – отпустите его, я слово дал. А не укажет того подземелья, так и голова больше без надобности, потому как еще старики наши говаривали: разорви тому живот, кто неправдою живет! Ступайте да не мешкайте, время за полдень уже перекаатило, пора далее идти.

Казаки подхватили татарина и вместе с ним поднялись в городок. Несколько срубов, из которых огнем пришлось выбивать засевших там воинов Бегиша, продолжали гореть, у других построек суетились с ведрами несколько десятков местных жителей, не убоившихся остаться около своих жилищ. Пленник вел Ортюху Болдырева уверенно, обошли не тронутый огнем каменный в два этажа дом князя, в правом срубовом амбаре через открытую дверь вошли внутрь – здесь все было обшарено казаками после сражения, даже мыши с перепугу попрятались в глубокие норы. В левом ближнем к двери углу пленник разгреб ногами мелкую истоптанную траву, нашел небольшой железный прут с крючком на конце, просунул его в щель дощатого пола, опустил, потом поднатужился и обеими руками поднял квадратную крышку со сторонами не более чем в аршин. Открылась темная яма, в которую вела неширокая из жердей лестница. Старец Еремей, который из любопытства увязался за Ортюхой, сделал круглые глаза, перекрестился и пробасил дьяконовским голосом:

– Вошел Иова во чрево кита, а казак Ортюха во чрево княжеского подземелья! Дайте мне огня, детки любезные, да живо!

Казаки соорудили из сухого сена нечто похожее на сноп, туго скрутили, надели на конец короткого казацкого копья, подожгли.

– Я сам спущусь, – решил Ортюха, нащупал ногой ступеньку лестницы, проверил, надежна ли? Вдруг треснет, и полетишь в тартарары на острые колья волчьей ямы, какие они и сами мастера устраивать перед своими станами. – Дайте копьё!

Трепещущее пламя осветило довольно просторное помещение, размещенное под амбаром на глубине двух саженей. Вдоль стен стояли деревянные полки, на них окованные железом ящики, плетеные корзины, огромные, чуть не в рост человека глиняные кувшины, закрытые плоскими отшлифованными камнями. В дальнем углу, на куче сена, лежали связанными по рукам и ногам большой в сером каштане мужчина, а за ним, словно стараясь спрятаться за этой ненадежной защитой, женщина в черном повойнике¹⁰ на голове, одетая в суконный шугай¹¹ светло-синего цвета. Огонь у Ортюхи скоро погас, и он крикнул казакам:

– Сыщите смоляной факел! Должен быть, не ощупью же татары снедь нащупывали!

– Поищем, Ортюха, – откликнулся Федотка Цыбуля и через пару минут опустил через лаз зажженный смоляной факел.

– Спустись сюда, Федотка! Подавай казакам наружу кувшины да корзины, тяжелые вместе поднимать будем, не надрывайся сам! А я пока что пленниками займусь. Должно, закочнели так-то лежать, скрученными да с тряпками во рту!

Через час обласканные и накормленные бывшие пленники сидели на атаманском струге. Промысловик Наум Коваль, мужик сорока лет, крупный, с широкой русой бородой и с голу-

¹⁰ Платок, обвитый вокруг головы, головной убор.

¹¹ Короткополая с рукавами кофта с отложным воротником.

быми внимательно глядящими глазами, с тремя ровными рубцами на левой щеке – следы медвежьих когтей – неспешно рассказывал атаману Ермаку и Матвею Мещеряку свою полную происшествий судьбу. Рядом, стыдясь открыто любопытных казачьих взглядов, пряча карие продолговатые глаза под опущенными ресницами, сидела напуганная девушка, русоволосая в отца, с длинной толстой косой. Когда-то опрятный, а теперь испачканный и измятый шугай приводил девицу в еще большее смущение, и она то беспрестанно одергивала низ шугая, то разглаживала на коленях длинный, шитый из голубой шелковой ткани сарафан. Марфа изредка бросала взор на атамана Ермака и сидящего на скамье струга рядом с ним красивого сероглазого, темно-русого и высокого ростом Матвея Мещеряка, словно по их глазам пыталась узнать, что ждет их, простых промысловиков, негаданно оказавшихся среди разудалых казаков, которые не боятся ни бога, ни самого дьявола.

– Три года назад, – рассказывал Наум Коваль, – с партией промысловиков из Нижнего Новгорода мы сплыли на лодках к самарскому урочищу, где у нас в прежние времена были отрыты добротные землянки, хранились припасы соли, дрова для рыбного и иного копчения. Из урочища выходили ставить сети на осетров, забирались далеко вверх по реке Самаре, били зверя ради ценных шкур. В одно из таких хождений на наш ночной костер налетела толпа ногайцев, меня и Марфушу взяли арканами, так что мы и за оружие ухватиться не успели. Трех наших товарищей стрелами побили, но двое успели отбиться и скрылись в кустах приречья, думаю, им удалось счастливо избежать неволи и воротиться домой.

– Зачем же дочку с собой взял на такое опасное дело? – удивился Матвей Мещеряк. – Всем же ведомо, что ногайские ватаги не так уж редко делают набеги даже на крупные селения, а не только на становища промысловиков по реке Самаре!

– Сирота она наполовину, матушка ее, Прасковья, Филиппова дочь, умерла давно, вот и росла около меня, сноровку мужскую перенимала. Со снастью ли, с ловушкой ли на пушного зверя – все едино ловка. Пицаль ей тяжела, зато из лука бьет так, что иному ратнику на зависть.

– Неужто? – искренне удивился атаман Ермак и с восхищением посмотрел на зардевшуюся от смущения Марфу. – Надо будет как-нибудь на берегу испытать ее сноровку.

– На гусиной охоте по осени больше всех птицы добыла! – похвастал Наум Коваль и погладил дочь по плечу, добавив с гордостью: – Будет кому старого отца кормить, с голоду не скончаюсь.

– Что же дальше с вами приключилось? – не утерпел и спросил Матвей, с улыбкой наблюдая, как Марфа, стесняясь мужского внимания, закусила ровными белыми зубами нижнюю губу. – Как в Сибири вы оказались, у князя Бегиша?

– Привезли нас в ставку хана Уруса, а там тем временем гости были от сибирского хана, а среди них и князь Бегиш. Увидел Марфушу и ну кланяться у ногайского хана, чтобы продал он нас ему. И причину выставил нелепую – давно, дескать, хочет его супружница иметь у себя служанку из молоденьких русских девиц.

– Надо же! – не переставал удивляться Матвей. – Должно, от великой спеси такое желание у глупой бабы!

– Не иначе как хорошую цену предложил Бегиш, потому как уступили ногайцы. Нас увезли в этот городок. Марфушу забрала к себе князева супруга. Грех сказать, излишне не обижала, иногда даже баловала нарядами из своего сундука, а я с иными татарскими промысловиками был часто на разных охотничьих выездах. И не единожды мог конно уйти от призора, да всякий раз страх за дочку удерживал. – Наум помолчал, глядя на плывущие следом за атаманским казачьи струги и на струг бухарского купца Махмет-бая, потом снова заговорил: – Все изменилось в тот день, когда в городок приехали на конях казаки с атаманом Иваном Кольцо. Я с десятком татар возвращался с охоты, когда въехали в ворота, увидел родных людей, сердце возликовало. Решил я, что русский царь учинил мир с ханом Кучумом, что после побития сибирского войска под их столицей будет обмен пленными, и мы с Марфушей снова

возвратимся на Русь. И вдруг за спиной слышу слова о том, что казаков ночью по приказу Карачи всех поубивают! Должно, на моем лице отразился такой испуг, что ближний татарин закричал на своего соплеменника: «Ишак! Урус тебя понял!» и огрел меня саблей плашмя по голове так, что я свалился с коня без сознания. Очнулся в подземелье, связанный. Надо мной с кувшином воды, которой он щедро поливал меня, стоял княжеский стражник, тот самый, который указал вам на потайное подземелье. Он развязал мне руки и ноги да и говорит: «Иди! Князь Бегиш разрешил. Казак совсем мертвый!» Вышел я на свет божий, да свет тот не мил стал: над городком дым клубится, догорал срубовой дом, в котором ночью осадили спавших казаков...

Наум Коваль уточнил, что и без того казаки из пищалей побили многих татар, пока сруб не заполнился огнем и дымом.

– Великий вой стоял в городке, когда вы побили Карачу на Саусканском мысу под Кашлыком. Среди побитых были и тутошние татары, – с довольной усмешкой добавил Наум Коваль. – Карача, сказывал мне Бегишев слуга, рвал на себе бороду с горя, что оба его сына побиты до смерти и брошены в Иртыш, рыбам на съедение. Многие жившие близ городка татары и манси спешно похватили свой скарб и бежали на юг, подальше от здешних мест. Поняли, что быть приходу казаков на князя Бегиша за то, что в дружбе с Карачей и обманом погубил сорок казаков. Сказывал слуга, что поклялся Карача отомстить тебе, атаман Ермак, за детей, хотя бы и самому живу не быть.

– Добро же, – засмеялся Ермак и обеими ладонями прихлопнул о толстую скамью, на которой они сидели. – Коль скоро торопится Карача в преисподнюю, я готов ему помочь! Только пушай не так быстро бегают, молодому жеребцу под стать, которого по весне выпускают в зеленое поле!

Казаки сидели на гребных скамьях, слышали этот разговор и засмеялись шутке атамана, дружно налегая на весла, потому как ветер был хотя и попутный, но не сильный, так что и встречного течения Иртыша едва лишь осиливал.

– Узка дорожка в рай, да обходу нет, атаман. Татары хитры, к тому же все здешние места им хорошо известны, могут учинить западню, не пришлось бы, как той лисе, горевать, которая рано попала в яму, да делать нечего, знать ночевать! Будь настороже с ними, – предостерег Наум Коваль атамана от лишней самоуверенности.

– Как же вы с Марфой сызнава в подземелье угодили? – вернул Матвей Мещеряк промысловика к рассказу о бывшей жизни в татарском плену. – Это связано с нашим приходом?

Наум Коваль покосился на дочь, которая сидела впереди, около мачты, укрыв плечи теплым платком, взятым в доме Бегиша, ответил:

– Когда ваши струги вышли из Кашлыка, в Бегишев городок примчался верхоконный всадник с новостями. Князь Бегиш тут же отправил людей к Караче и к хану Кучуму, призывая их на подмогу. Хан Кучум ушел далеко от Иртыша в степи, Карача после сражения на Саусканском мысу прислал малую подмогу, обещал еще прислать, да, видно, не успел. Нас с Марфушей с вечера повязали и оставили в подземелье, опасались, что убежим и известим тебя, атаман, о силе татарского воинства в городке... Раки на берег выходят – то к ненастью, казаки на стругах пошли – то к татарской гибели, вот вам и еще одна народная примета! – Наум Коваль улыбнулся своей шутке, ласково посмотрел на дочь, перекрестился и добавил то, чего боялся в темной яме больше всего: – Великое для нас счастье, что вы ухватили в полон Бегишева слугу, иначе нам пришлось бы весьма худо. Кто знает, скоро ли возвратится Бегиш в разрушенный городок, а мы, связанные, не долго бы пролежали в подземелье, где земля сырая от льда прошлого года... Слава господу, мы на воле, среди своих, и готовы служить вам в меру сил.

– Скажи, Наум, отчего это у тебя прозвище такое? Неужто в Нижнем Новгороде состоял в мастерах кузнечного дела? – любопытствовал Матвей Мещеряк, с улыбкой поглядывая на немного освоившуюся среди казаков дочь промысловика.

– Да нет, – пояснил Наум и провел пальцами по рубцам на левой щеке, – ковалем был мой родитель Яков, но и я ему в иную зимнюю пору помогал коней ковать. Так что при нужде вспомню отроческое занятие, гвоздь мимо копыта на вобью!

– Добро, Наум, нам нужен такой человек, а не гуляка, которому каждый день на работу рано, а в кабак – самый раз! Лишний умелец в походе не помешает, будьте с дочкой среди нас как равные, никто и пальцем не посмеет тронуть Марфушу или скверным словом обидеть, знают, что за это можно и по дну реки пешком спуститься до моря. А ты прав, кто знает, какие еще баталии ждут впереди, – сказал негромко атаман Ермак и задумчиво посмотрел вперед, куда шли струги. Безлюдье и тишина пустынных берегов не успокаивали, а напротив, настораживали, потому как и в самом деле в любом урочище, которых немало на берегах Иртыша, могли затаиться битые и оттого еще более обозленные татары.

Ночью атаман не рискнул причаливать к берегу, поэтому перекусили в стругах и шли на веслах, сменяя друг друга. Рано утром справа от низкого берега Иртыша приметили длинную, саженей в двести, песчаную косу с редкими кустами ближе к материковой части.

– Славное место, тут и пристанем, – решил атаман Ермак и велел направить струги к берегу. – Дадим роздых казакам, накормим горячей едой да и погребем дальше.

Поход проходил без больших сражений, случались лишь короткие перестрелки из пищалей и луков с небольшими отрядами татар, которые появлялись на крутом берегу Иртыша и следили за передвижением казацких стругов. В неделю достигли Саргачской волости, где навстречу причалившим к городку судам вышел местный князь Елыгай со своими немногими людьми. Городок князя Елыгая, как и многие другие, стоял на круче Иртыша, огражден валом в сажень высотой, не более, неглубоким, давно заросшим бурьяном рвом. Пестро одетая толпа татар не внушала опасения, потому как вокруг князя толпились почти одни старики.

Ермак с носа струга спрыгнул на влажный песок, оставив в нем глубокие отпечатки сапог, подозвал толмача Микулу и подошел к князю Елыгаю. На вид князю было уже за сорок лет, телом худ, но не слаб. Как многие здешние татары, одет в пестрый бухарский красного цвета халат, в островерхой суконой шапке с соболиным мехом. На ногах остроносые чедыги. Лицо смуглое, без морщин, глаза настороженно следили за руками атамана, словно боялся, что грозный «визирь-атаман» выхватит страшную в сече саблю, и ее блеск на солнце будет то, что последним в жизни увидят его черные глаза...

Не ожидая вопросов атамана, князь Елыгай через Микулу известил, что принимает посланца русского царя с полной покорностью, готов принести дары и ясак, а теперь просит храбрых казаков-батыров принять скромное угощение, которое его подданные приготовят, пока гости будут умываться и отдыхать с дороги.

– Спроси, Микула, сколько у князя ратных людишек и далеко ли теперь Карача да Кучум? – поинтересовался атаман Ермак. – Да упреди, что веры у меня татарскому слову на вес не более, чем у блохи на безмене! Коль солжет – всех подстригу от макушки до колен!

Микула мазнул ладонью под широким носом и, подражая суровому голосу атамана, повторил князю Елыгаю вопросы. Князь взмахнул несколько раз руками перед собой, словно отгонял от себя зряшные обвинения, начал кланяться поясно, торопливо выговаривая слова:

– Говорит худородный князек, что воинов у него нет и двадцати человек, что Карача бежал со своими людьми вверх по Иртышу в Туралинскую волость и разместился по берегам Шиш-реки. Хан Кучум, рассказывает князек, откочевал в степь и опасается подходить к берегам Иртыша, потому как надежду питает, что ты, атаман, оскудев в сражениях людьми, в зиму уйдешь на Русь. И Кучум сызнова станет повелителем всей сибирской земли.

– Много ли воинов было у Карачи, когда он проходил здешними местами? – уточнил атаман Ермак и подал знак казакам подниматься в городок, оставив, как всегда, в стругах по пять человек для охраны.

Микула выслушал ответ Елыгая, известил атамана, что на вид у Карачи не будет и двухсот воинов, но все ли были с ним, он доподлинно сказать не может, иные могли пройти мимо по степи.

– Добро, погостим у князя малость, казакам в роздых, возьмем ясак и съестное к тем запасам, что в Бегишеве городке так кстати нашлись, да и погребем к Ишиму. – Атаман Ермак на ходу повернулся к идущему за ним следом бухарскому кутидору Махмет-баю, который с заметным усилием волочил грузное тело на крутом подъеме. – Надеюсь, купчина, что там ждет уже нас твой караван?

Длинноволосый Микула, стараясь не отставать от легко идущего в гору атамана, пересказал вопрос кутидору, и тот, пыхтя от усталости, дважды кивнул головой и пояснил, что у самого Иртыша караван вряд ли разобьет стан, опасаясь близости злого Карачи, но чуток повыше по Ишиму дожидается казацкого атамана и его храбрых «казаков-батыров»:

– Дойдем до Ишима, тамо и поглядим, где караван, – решил атаман Ермак. – Только не получилось бы так, как в присказке: сущие враки, что кашляют раки! Будет, что обман какой задумал купчина – не сносить ему головы, о том не пересказывай ему, Микула! Ну, князь, открывай ворота, принимай гостей, да ставь доброе угощение моим батырам, как вы их прозываете!

В небольшом княжеском «дворце», одноэтажном кирпичном доме, казакам было не поместиться, поэтому на просторный двор вынесли ковры, поставили медные котлы с пловом, отдельно куски жареного на кострах мяса, дичи, хлеб и лепешки. Помня о коварстве врагов, прежде чем начать трапезу, атаман Ермак через толмача приказал князю Елыгаю позвать своих домочадцев. Князь испугался, замахал руками, но атаман успокоил его:

– Скажи князю, Микула, что казаки не сделают им никакой скверны. Однако все знают, что господь добр, да черт проказлив! Единожды казаки уже были употчеваны князем Бегишем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.